

ISSN 2500-2872

**ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

2024, № 4

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»

www.iccaras.ru

Межрегиональная общественная организация

«Ассоциация японоведов»

www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН,
Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации сетевого издания «Японские исследования» Эл № ФС 77 - 86073 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 13 октября 2023 г.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и базу RSCI на платформе Web of Science.

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Председатель Редакционного совета: Бабаев К.В., д.филол.н.

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Ответственный секретарь: Нелидов В.В., к.и.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Нелидов В.В., к.и.н.; Трубникова Н.Н., д.филол.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Ларин В.Л., д.и.н., академик РАН; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симотомаи Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Гришачев С.В., к.и.н.; Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.

Специальности ВАК:

5.2.3 Региональная и отраслевая экономика

5.2.5 Мировая экономика

5.5.2 Политические институты, процессы, технологии

5.5.4 Международные отношения

5.6.2 Всеобщая история

5.6.4 Этнология, антропология и этнография

5.6.7 История международных отношений и внешней политики

OECD Fields of Science:

5. Social sciences

6. Humanities

**Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences**

www.iccaras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Included in Russian Index of Science Citation (RISC) and Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Included in List of Higher Attestation Commission (HAC).

Head of Editorial Council: Babaev K.V., DSc (Philology)

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Executive Secretary: Nelidov Vladimir V., PhD (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Nelidov Vladimir V., PhD (History), Trubnikova Nadezhda N., DSc (Philosophy)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Larin Viktor L., DSc (History), Academician of the RAS; Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Grishachev Sergei V., PhD (History); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History)

OECD Fields of Science:

5. Social sciences

6. Humanities

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2024, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Блохина Т.К., Мысляева И.Н., Ахмедов М.Р., Мошаев И.А., Быкова В.Д. Японские космические программы: ориентация на освоение тел Солнечной системы	6
Зорихин А.Г. Русский вектор японской разведки (1874–1945 гг.)	22
Бабкина Е.С., Пестушко Ю.С., Якимова С.И. Средства формирования политической лояльности подрастающего поколения русских эмигрантов к японским оккупационным властям на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии)	33
Вылегжанин А.Д., Юзбашян М.Р., Мунтян М.Е. Космическая политика Японии: международно-правовой ракурс	48
Корнеев К.А., Томберг И.Р. Развитие низкоуглеродной энергетики в Китае и Японии: сравнительный анализ	70
Лукин А.Л., Волощак В.И., Севастьянов С.В. Взаимодействие российского Дальнего Востока с Японией и Южной Кореей в условиях санкционных ограничений	87
Сеитов Р.М., Войтишек Е.Э. Роль личности Икэда Дайсаку в деятельности буддийского неорелигиозного общества Сока гаккай	106
Bertova A.D. Christian influence on the culture of the blind in Japan	119

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2024, № 4

CONTENTS

Blokhina T.K., Myslyaeva I.N., Akhmedov M.R., Moshayev I.A., Bykova V.D. Japanese space programs: Orientation towards the exploration of the bodies of the Solar System	6
Zorikhin A.G. The Russian vector of Japanese intelligence activities (1874–1945)	22
Babkina E.S., Pestushko Y.S., Yakimova S.I. Means of forming political loyalty of the younger generation of Russian emigrants to the Japanese occupation authorities in the territory of Northeast China (Manchuria)	33
Vylegzhanin A.N., Yuzbashyan M.R., Muntian M.E. Japanese space policy: An international legal perspective	48
Korneev K.A., Tomberg I.R. Development of low-carbon energy sector in China and Japan: A comparative analysis	70
Lukin A.L., Voloshchak V.I., Sevastianov S.V. Interaction of the Russian Far East with Japan and South Korea under sanctions	87
Seitov R.M., Voytishchek E.E. The role of Ikeda Daisaku in the activities of the Buddhist neo-religious society Soka Gakkai	106
Bertova A.D. Christian influence on the culture of the blind in Japan	119

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-6-21

Японские космические программы: ориентация на освоение тел Солнечной системы

*Т.К. Блохина, И.Н. Мысляева, М.Р. Ахмедов,
И.А. Мошаев, В.Д. Быкова*

Аннотация. В статье рассматривается политика Японии в области развития космических программ. Акцент сделан на анализе научных проектов в области космоса. Если первоначально запуски космических аппаратов были направлены на исследование солнечного ветра и космической радиации, то с годами в космической политике Японии наметился сдвиг в сторону освоения тел Солнечной системы. Это сопровождалось как строительством собственных космических аппаратов, так и участием в международных проектах по освоению Луны, Марса, Меркурия. В начале XXI века Япония приступила к осуществлению достаточно сложных миссий по исследованию небесных тел, где значительное внимание направлено в сторону изучения малых небесных тел – астероидов. Оценивая современное состояние развития японских космических программ, авторы отмечают, что одним из главных направлений деятельности Японского космического агентства на сегодняшний день является реализация проектов по исследованию Луны. Совместно с Европейским космическим агентством и NASA Япония планирует еще одну перспективную и амбициозную миссию – по полету к спутникам Марса. В то же время страна активно участвует в международной кооперации, объединяя вокруг себя страны Азиатско-Тихоокеанского региона в рамках Азиатско-Тихоокеанского регионального форума космических агентств. В этой организации Япония является несомненным лидером, что позволяет ей развивать международное сотрудничество по интересующим ее направлениям. Анализ реализованных Японией космических программ демонстрирует значительные успехи страны в развитии современных космических технологий, при этом относительно США и Китая она имеет значительно меньший космический бюджет. По мнению авторов, высокие результаты стране обеспечивает японская модель организации космических исследований, которая строится на трех составляющих элементах: активном привлечении частного бизнеса в космические программы, использовании научного потенциала страны для разработки космических проектов, участии в международной кооперации, позволяющей использовать научно-исследовательские и финансовые ресурсы других стран в реализации космических программ.

Ключевые слова: Япония, космические программы, космические технологии, космические исследования, международная кооперация, небесные тела Солнечной системы.

Авторы: Блохина Татьяна Константиновна, д.э.н., профессор кафедры экономики и управления в космической отрасли факультета космических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 52). ORCID: 0000-0002-7099-0631; E-mail: blokhina@cosmos.msu.ru

Мысляева Ирина Николаевна, д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики и управления в космической отрасли факультета космических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 52). ORCID: 0009-0005-7812-5887; E-mail: mysلياeva@cosmos.msu.ru

Ахмедов Муслим Ринатович, к.т.н., ассистент кафедры управления космическими полетами факультета космических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 52). ORCID: 0009-0009-5914-1653; E-mail: muslim33@yandex.ru

Мошаев Иларион Александрович, ассистент кафедры экономики и управления в космической отрасли факультета космических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 52). ORCID: 0009-0000-0487-5902; E-mail: moshayev@cosmos.msu.ru

Быкова Варвара Денисовна, ассистент кафедры экономики и управления в космической отрасли факультета космических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 52). ORCID: 0009-0003-1103-4927; E-mail: bykova @cosmos.msu.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Блохина Т.К., Мысляева И.Н., Ахмедов М.Р., Мошаев И.А., Быкова В.Д. Японские космические программы: ориентация на освоение тел Солнечной системы // Японские исследования. 2024. № 4. С. 6–21. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-6-21

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке гранта межфакультетских исследований МГУ имени М.В. Ломоносова (проект 23-Ш01-16 «Межпланетная транспортно-промышленная сеть: условия формирования и управление развитием»).

Japanese space programs: Orientation towards the exploration of the bodies of the Solar System

***T.K. Blokhina, I.N. Myslyayeva, M.R. Akhmedov,
I.A. Moshayev, V.D. Bykova***

Abstract. The article discusses Japan's policy in the field of space program development. The emphasis is on the analysis of scientific projects in the field of space. While, initially, the launches of spacecraft were aimed at studying the solar wind and cosmic radiation, over the years, there has been a shift in Japan's space policy towards the exploration of the bodies of the Solar System. This was accompanied by the construction of their own spacecraft, as well as participation in international projects for the exploration of the Moon, Mars, and Mercury. At the beginning of the 21st century, Japan began to carry out quite complex missions to explore celestial bodies, where considerable attention is directed towards the study of small celestial bodies, asteroids. Assessing the current state of development of Japanese space programs, the authors note that one of the main directions of the Japan Aerospace Exploration Agency's activities today is the implementation of Moon exploration projects. Together with the European Space Agency and NASA, Japan is planning another promising and ambitious mission to fly to the satellites of Mars. At the same time, the country actively participates in international cooperation, bringing together the countries of the Asia-Pacific region within the framework of the Asia-Pacific Regional Space Agency Forum. Japan is an undoubted leader in this organization, which allows it to develop international cooperation in areas which are of interest to it. The analysis of the space programs implemented by Japan demonstrates the country's significant success in the development of modern space technologies, while it has a much smaller space budget compared to the United States or China. According to the authors, the Japanese model of space research organization brings substantial results, which is based on its three components: active involvement of private business in space programs, the use of the country's scientific potential for the development of space projects, and participation in international cooperation, which allows attracting research and financial resources of other countries for the implementation of space programs.

Keywords: Japan, space programs, space technologies, space research, international cooperation, celestial bodies of the Solar System.

Authors:

Blokhina Tatyana K., Doctor of Economics, Professor of the Department of Economics and Management in the Space Industry, Faculty of Space Research, Lomonosov Moscow State University (address: Moscow, 119991, Leninskie Gory, 1, b. 52). ORCID 0000-0002-7099-0631; E-mail: blokhina@cosmos.msu.ru

Myslyayeva Irina N., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in the Space Industry, Faculty of Space Research, Lomonosov Moscow State University (address: Moscow, 119991, Leninskie Gory, 1, b. 52). ORCID: 0009-0005-7812-5887; E-mail: myslyayeva@cosmos.msu.ru

Akhmedov Muslim R., Ph.D., Assistant Professor of the Department of Space Flight Control (address: Moscow, 119991, Leninskie Gory, 1, b. 52). ORCID: 0009-0009-5914-1653; E-mail: muslim33@yandex.ru

Moshaev Ilarion A., Assistant at the Department of Economics and Management in the Space Industry, Faculty of Space Research, Lomonosov Moscow State University (address: Moscow, 119991, Leninskie Gory, 1, b. 52). ORCID: 0009-0000-0487-5902; E-mail: moshaev@cosmos.msu.ru

Bykova Varvara D., Assistant at the Department of Economics and Management in the Space Industry, Faculty of Space Research, Lomonosov Moscow State University (address: Moscow, 119991, Leninskie Gory, 1, b. 52). ORCID: 0009-0003-1103-4927; E-mail: bykova@cosmos.msu.ru

Conflict of interest. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Blokhina, T.K., Myslyayeva, I.N., Akhmedov, M.R., Moshaev, I.A., Bykova, V.D. (2024). Японские космические программы: ориентация на освоение тел Солнечной системы [Japanese space programs: Orientation towards the exploration of the bodies of the Solar System]. *Японские исследования* [Japanese Studies in Russia], 2024, 4, 6–21. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-6-21

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the grant of interfaculty research of the Lomonosov Moscow State University (project 23-Sh01-16 «Interplanetary transport and industrial network: conditions of formation and development management»).

Введение

В настоящее время мир переживает переход в освоении космоса от первоначальной научно-исследовательской фазы к созданию космической инфраструктуры. Сегодня в космос уже выведены многие земные инфраструктурные составляющие, такие как связь, телекоммуникации, телевидение. Они формируют перспективные направления инвестирования в технологические проекты, ориентированные на новые задачи освоения космических объектов. В результате строятся низкоорбитальные группировки, выполняющие функции доступных космических сервисов, а также формируются заделы для освоения и добычи космических ресурсов.

Нужно отметить, что именно в последнее десятилетие стремительно возросло количество запусков космических аппаратов с целевой программой изучения ресурсов тел Солнечной системы. Ведущие космические державы начали создавать многоуровневую транспортную систему для полетов на Луну и Марс с целью закрепиться на этих планетах для использования их ресурсов. Активизация исследований по промышленному освоению космических ресурсов подстегивается проводимыми оценками истощения запасов земных недр, которые в свете значительного прироста населения земного шара формируют серьезную угрозу для стабильности существования человечества.

Значительная часть космических проектов, нацеленных на разработку ресурсов тел Солнечной системы, реализуется такими странами, как США, Китай, Россия, Индия, а также

Европейским союзом. Заметный вклад в развитие ресурсных космических программ вносит и Япония. Хотя Япония не относится к «великим космическим державам», она активно занимается разработкой и запуском миссий по исследованию небесных тел Солнечной системы и целенаправленно развивает международное сотрудничество в этой отрасли. Одним из главных направлений деятельности Японского космического агентства (JAXA) на сегодняшний день является реализация проектов по исследованию Луны. Несмотря на то, что космическая деятельность Японии ограничена политическими и экономическими рамками¹, страна демонстрирует определенные успехи в реализации своей космической миссии. Значительный успех в достижении полученных результатов обеспечивается высокотехнологичным подходом к разработке космических программ и их экономической эффективностью. В связи с этим представляет интерес анализ развития японских космических проектов, направленных на формирование космической индустрии с целью изучения и освоения тел Солнечной системы. Особая исследовательская значимость таких проектов в космической сфере связана еще и с тем, что они в определенной степени ориентированы на преодоление проблемы истощения земных ресурсов. Достижение страной значительных положительных результатов обеспечивается реализацией особой модели организации космической деятельности, изучение которой будет полезно с целью определения перспективных направлений развития космической отрасли и в России.

Космическая политика Японии: от первого спутника до программ по освоению Луны

В настоящее время Японское космическое агентство активно участвует в программах разработки миссий по исследованию небесных тел Солнечной системы и развивает международное сотрудничество в этой области [Блохина и др. 2023]. Японцы первыми в мире создали межпланетный зонд «Хаябуса-1», совершивший посадку и взлет с поверхности космического тела за пределами системы Земля – Луна (астероид Итокава) и доставивший в 2010 г. на Землю образцы грунта с его поверхности.

Этому предшествовала кропотливая работа в области реализации научных программ. Стартовым этапом научных программ можно считать запуски космических аппаратов для исследования солнечного ветра и космической радиации в период 1971–1979 гг. Первый японский искусственный спутник Земли «Синсэй» с научным оборудованием был успешно запущен 28 сентября 1971 г. [Логсдон 2022]. Успехом данной миссии явилось открытие нового радиационного пояса.

В течении 1970-х гг. было запущено еще десять подобных аппаратов для подтверждения и уточнения полученных данных. 21 февраля 1971 г. на околоземную орбиту был выведен первый японский космический телескоп «Хакутё»² (CORSA-B по классификации NASA), имеющий на борту одиннадцать различных детекторов для изучения рентгеновского излучения. Таким образом, Япония смогла заявить о себе в мировой науке как страна, которая первой совершила ряд значительных открытий в области исследования космической радиации.

Желая закрепить успех, в начале 1980-х гг. Япония продолжила разработку и запуски телескопов для изучения рентгеновского излучения. 21 февраля 1981 г. был запущен

¹ Поскольку Япония проиграла во Второй мировой войне, она не имела возможности подключиться к реализации космических программ в 1950-е – 1960-е гг., как это сделали США и СССР. Более того, ее включенность долгое время ограничивалась реализацией исключительно научных программ.

² NASA Space Science Data Coordinated Archive. <https://nssdc.gsfc.nasa.gov/nmc/spacecraft/display.action?id=1979-014A> (дата обращения: 20.02.2024).

радиотелескоп «Хинотори»³ (ASTRO-A по классификации NASA), предназначенный для наблюдения солнечных вспышек и в жестком рентгеновском диапазоне. Для проведения спектроскопии звезд и пульсаров 20 февраля 1983 г. был запущен телескоп «Тэмма»⁴ (ASTRO-B по классификации NASA), а 14 февраля 1984 г. был разработан и запущен аппарат «О:дзора»⁵ (Exos-C по классификации NASA), задачей которого стало изучение воздействия радиоволн и частиц на верхние слои земной атмосферы.

В середине 1980-х гг. важнейшим астрономическим событием стал пролет Кометы Галлея вблизи (по космическим меркам) Земли. Японское космическое агентство своими силами смогло подготовить и осуществить запуск исследовательской миссии к Комете Галлея. Это была первая миссия Японии за пределы околоземной орбиты, и ключевыми задачами являлась проверка возможностей техники и специалистов осуществить проекты подобной беспрецедентной сложности.

К Комете Галлея было запущено две автоматические межпланетные станции. Первым 7 января 1985 г. отправился аппарат «Сакигакэ»⁶ (MS-T5 по классификации NASA), основная задача которого состояла в проверке возможностей ракеты-носителя осуществить успешный запуск космического зонда за пределы земной орбиты. На «Сакигакэ» в качестве научного оборудования были размещены приборы для наблюдения солнечного ветра и различной активности плазмы вблизи кометы. В итоге аппарат смог приблизиться к комете на расстояние около 7 млн км и далее продолжил полет по Солнечной системе, передавая сигналы вплоть до января 1999 г.

Второй зонд «Суйсэй»⁷ (PLANET-A по классификации NASA) отправился на встречу с Кометой Галлея 18 августа 1985 г. Корпус и внешний вид аппарата был аналогичен «Сакигакэ», но набор исследовательского оборудования несколько отличался, в том числе на борту появились приборы для фотосъемки. «Суйсэй» смог приблизиться к Комете Галлея на расстояние до 151 тыс. километров и сфотографировать комету в ультрафиолетовой части спектра. После того, как запланированная программа исследования кометы была выполнена, аппарат продолжил полет по Солнечной системе, занимаясь измерениями параметров солнечного ветра.

В период 1990-х гг. японское космическое агентство подготовило и осуществило запуск миссий для исследования Луны и Марса, которые смогли лишь частично выполнить поставленные задачи.

Первая японская миссия автоматической межпланетной станции «Хитэн»⁸ (Muses-A по классификации NASA) отправилась к Луне 24 января 1990 г. Целью полета кроме исследования окололунного пространства являлось изучение возможных оптимальных баллистических траекторий и орбит для последующих полетов. Из-за произошедших поломок, на орбите Луны не получилось отстыковать от головного модуля вспомогательные орбитальные дополнительные мини-спутники и выполнить программу полета в полном

³ Institute of Space and Astronautical Science. Institute of Space and Astronautical Science // *Japan Aerospace Exploration Agency*. <https://www.isas.jaxa.jp/en/missions/spacecraft/past/hinotori.html> (дата обращения: 20.02.2024).

⁴ Institute of Space and Astronautical Science. TENMA. Institute of Space and Astronautical Science // *Japan Aerospace Exploration Agency*. <https://www.isas.jaxa.jp/en/missions/spacecraft/past/tenma.html> (дата обращения: 21.02.2024).

⁵ Exos C (Ohzora) // *Gunter's Space Page*. https://space.skyrocket.de/doc_sdat/exos-c.htm (дата обращения: 21.02.2024).

⁶ SAKIGAKE. // *Japan Aerospace Exploration Agency*. <https://www.isas.jaxa.jp/en/missions/spacecraft/past/sakigake.html> (дата обращения: 21.02.2024).

⁷ Institute of Space and Astronautical Science. SUISEI. *Institute of Space and Astronautical Science* // *Japan Aerospace Exploration Agency*. <https://www.isas.jaxa.jp/en/missions/spacecraft/past/suisei.html> (дата обращения: 21.02.2024).

⁸ NACA Space Science Data Coordinated Archive. <https://nssdc.gsfc.nasa.gov/nmc/spacecraft/display.action?id=1990-007A> (дата обращения: 22.02.2024).

объеме. «Хитэн» смог совершить ряд маневров на окололунной орбите и по команде с Земли врезался в поверхность Луны.

Миссия по исследованию верхних слоев атмосферы и взаимодействию ионосферы Марса с солнечным ветром стартовала к красной планете 4 июля 1998 г. Автоматическая межпланетная станция «Нодзоми»⁹ (PLANET-B по классификации NASA) по плану должна была выйти на высокоэллиптическую орбиту вокруг Марса 11 октября 1999 г. По причине отсутствия необходимой мощности у японских ракет-носителей, способных долететь до Марса, «Нодзоми» должен был выполнить серию сложных гравитационных маневров на орбите Земли и Луны, но недостаточная точность баллистических расчетов стала причиной того, что аппарат пролетел мимо Марса на расстоянии около тысячи километров и не смог выйти на его орбиту. В результате ученые переориентировали миссию на изучение межпланетной среды Солнечной системы.

В начале XXI в. Япония продолжила осуществление достаточно сложных миссий по исследованию небесных тел. Основное внимание ученых теперь было направлено на изучение малых небесных тел – астероидов. Была запланирована беспрецедентная миссия по взятию проб грунта с астероида Итокава и доставке его на Землю для дальнейших исследований. Космический аппарат «Хаябуса»¹⁰ стартовал с Земли 09 мая 2003 г. Несмотря на то, что во время полета случались различные поломки – нарушение работы солнечных батарей, сбой в работе двигателей – зонд смог достичь астероида Итокава в сентябре 2005 г. В ходе выполнения программы аппарат совершил две посадки на поверхность небесного тела и осуществил взятие проб грунта. Различные неисправности в работе оборудования поставили миссию под угрозу провала, но тем не менее специалисты смогли вернуть аппарату возможность управления и направить его в феврале 2009 г. в сторону Земли. В июне 2010 г. капсула с образцами грунта астероида Итокава была доставлена на Землю. Этот космический полет продемонстрировал, что Япония стала третьей страной после СССР и США, которые смогли подготовить и осуществить подобную миссию.

В сентябре 2007 г. японское космическое агентство подготовило вторую миссию для исследования Луны. Космический аппарат «Кагуя»¹¹ (SELENE по классификации NASA) был запущен 14 сентября 2007 г. и по плану должен был выйти на окололунную орбиту и провести подробное картографирование поверхности Луны с разрешением около 15 км. Программа миссии была успешно выполнена, удалось составить карту лунной поверхности в различных диапазонах спектра: в видимом, рентгеновском и инфракрасном. Дополнительно были исследованы некоторые кратеры, которые заинтересовали ученых, а также ряд мест, где возможно было предположить наличие воды в виде льда.

Стремясь развить успех по исследованию планет Солнечной системы, японское космическое агентство обратило внимание в сторону Венеры. 20 мая 2010 г. к Венере была запущена автоматическая станция «Акацуки»¹² (PLANET-C по классификации NASA). Целью миссии, по аналогии с ранее неудавшейся миссией к Марсу, стал выход исследовательского зонда на околовенерианскую орбиту и изучение атмосферных явлений и процессов в различных диапазонах.

В полете к Венере у «Акацуки» возникли различные технические неисправности, что могло привести к потере аппарата и провалу миссии. Благодаря усилиям специалистов со второй попытки 7 декабря 2015 г. «Акацуки» удалось вывести на орбиту вокруг Венеры,

⁹ Nozomi // *Institute of Space and Astronautical Science*. <https://science.nasa.gov/mission/nozomi/> (дата обращения: 22.02.2024).

¹⁰ Hayabusa. // *Institute of Space and Astronautical Science*. <https://www.jpl.nasa.gov/missions/hayabusa> (дата обращения: 24.02.2024).

¹¹ KAGUYA (Celene). https://www.selene.jaxa.jp/index_e.htm (дата обращения: 24.02.2024).

¹² Venus Climate Orbiter AKATSUKI. <https://akatsuki.isas.jaxa.jp/en/> (дата обращения: 25.02.2024).

и аппарат смог приступить к выполнению целевой программы. Автоматическая межпланетная станция «Акацуки» в настоящее время (по состоянию на июль 2024 г.) частично функционирует и продолжает передавать различные снимки Венеры и исследовательские данные на Землю.

В период 2010-х гг. Япония решила повторить свой успех по доставке грунта с астероидов. В качестве цели миссии был определен астероид Рюгу. В процессе создания нового автоматического зонда, способного совершить посадку на астероид и брать с него пробы грунта, разработчиками и проектировщиками был учтен негативный опыт предыдущей миссии и устранены технические проблемы, которые вновь могли бы привести к поломкам оборудования в ходе полета. Старт миссии автоматической межпланетной станции «Хаябуса-2»¹³ состоялся 3 декабря 2014 г. Выполнив необходимые гравитационные маневры вокруг Земли, аппарат без происшествий отправился к целевому астероиду, с которым совершил сближение 28 июня 2018 г. В ходе выполнения программы «Хаябуса-2» произвел успешную высадку трех посадочных модулей, которые провели изучение поверхности астероида. 22 февраля и 11 июля 2019 г. сам зонд «Хаябуса-2» совершил две посадки на астероид Рюгу для взятия образцов грунта. Выполнив запланированную программу, 13 ноября 2019 г. «Хаябуса-2» сошел с орбиты астероида и направился к Земле.

Следует обратить внимание, что миссия «Хаябуса-2» не закончилась доставкой образцов грунта астероида на Землю. Достигнув орбиты Земли 5 декабря 2020 г. и сбросив капсулу с полученными образцами грунта, исследовательский зонд продолжил свой полет к следующим целевым небесным телам: к астероидам с порядковыми номерами 2001СС и 1998КУ. Согласно программе миссии «Хаябуса-2» пролетит вблизи астероида 2001СС в июле 2026 г., а в июле 2031 г. сможет достичь астероида 1998КУ, выйти на орбиту вокруг него и попытаться произвести запланированные исследования поверхности.

Таким образом, рассмотрение реализации японской космической политики начиная с 1970 г. показало, что она прошла ряд определенных этапов, сменив направленность научных исследований – от изучения воздействия радиоволн и частиц на верхние слои земной атмосферы до изучения крупных планет Солнечной системы и астероидов.

Современное состояние японских космических программ по освоению тел Солнечной системы

В исследовании тел Солнечной системы Японией достигнут значительный прогресс благодаря продолжающимся миссиям к планетам и астероидам. Полученные достижения в области технологий продолжают стимулировать исследовательские усилия страны, направленные на освоение небесных космических тел. Одним из главных направлений деятельности Японского космического агентства на сегодняшний день является реализация проектов по исследованию Луны. На данный момент продолжает функционирование аппарат Smart Lander for Investigating Moon (SLIM), который был запущен 7 сентября 2023 г. Эта миссия позволяет исследовать технологию точечной посадки небольших лунных зондов¹⁴.

Рассмотрим перспективные программы японского космического агентства, запланированные на ближайшее будущее для продолжения исследования небесных тел Солнечной системы, а также для отработки перспективных технологических решений.

¹³ Hayabusa2 // *Institute of Space and Astronautical Science*. <https://science.nasa.gov/mission/hayabusa-2/> (дата обращения: 25.02.2024).

¹⁴ In Search of Origins Smart Lander for Investigating Moon (SLIM) // *Japan Aerospace Exploration Agency (JAXA)*. <https://www.isas.jaxa.jp/en/missions/spacecraft/current/slim.html> (дата обращения: 18.02.2024).

Япония планирует осуществить запуск аппарата DESTINY⁺¹⁵ (Deep Space Exploration Technology Demonstrator, демонстратор технологий освоения дальнего космоса) для того, чтобы опробовать ряд экспериментальных технологий, таких как: новые электрореактивные ионные двигатели, устройства терморегулирования для космической аппаратуры и облегченные солнечные панели с самым высоким (в настоящее время) коэффициентом полезного действия. В случае успеха, внедрение подобного оборудования и использование его в будущих миссиях позволит Японии повысить надежность бортовых систем и значительно снизить стоимость производства межпланетных станций.

Аппарат DESTINY⁺ в рамках своей миссии будет запущен в направлении метеорного потока Гемениды. Кроме отработки новых технологий будут проведены исследования природы космической пыли, а также астероид-родитель указанного метеорного потока – Фазтон. Запуск DESTINY⁺ изначально был назначен на 2022 г., но регулярно переносился в силу возникновения различных причин, поэтому сейчас старт миссии назначен на 2025 г.

Совместно с ЕКА и NASA японское космическое агентство планирует еще одну перспективную и амбициозную миссию – по полету к спутникам Марса и доставке на Землю образцов грунта. Здесь как раз будет чрезвычайно полезен опыт Японии в подготовке и осуществлении двух успешных подобных миссий, описанных выше («Хаябуса», «Хаябуса-2»).

Проект получил название ММХ¹⁶ (Martian Moons eXploration, исследование лун Марса). В рамках данной международной кооперации на японскую сторону возложено техническое обеспечение миссии, разработка и запуск автоматической межпланетной станции, способной осуществить полет к спутникам Марса, и доставка образцов грунта на Землю. Европейские и американские стороны в свою очередь разрабатывают и предоставляют различное научно-исследовательское оборудование, а также изготавливают колесный ровер, предназначенный для высадки на поверхность Фобоса (естественного спутника Марса).

План миссии включает в себя выход аппарата ММХ на орбиту Фобоса, проведение различных исследований, посадку на поверхность Фобоса, высадку ровера и взятие образцов грунта. Следующим этапом планируется перелет ко второму меньшему спутнику Марса – Деймосу и совершение нескольких облетов по его орбите. После завершения программы ММХ должен отправить в сторону Земли возвращаемую капсулу с образцами грунта Фобоса. На данный момент планируемая дата запуска – 2026 г., за этим последует выход на марсианскую орбиту в 2027 г., а возвращение на Землю – в 2031 г.¹⁷ Аппарат будет заниматься анализом межпланетной и межзвездной пыли с использованием анализатора пыли, разработанного под руководством Штутгартского университета и поддерживаемого DLR (Немецкий центр авиации и космонавтики). Этот анализ будет проводиться одновременно во время полета в межпланетном пространстве до достижения целевого астероида Фазтон¹⁸.

Таким образом, Япония обладает большим научным потенциалом и определенным опытом в разработке и реализации космических проектов. Однако она, как и любое другое государство, не может самостоятельно развивать и реализовывать глобальные космические проекты, поэтому страна активно участвует в международном сотрудничестве с другими государствами и организациями в космической отрасли.

¹⁵ Deep Space Exploration Technology Demonstrator DESTINY+. https://www.isas.jaxa.jp/en/missions/spacecraft/developing/destiny_plus.html (дата обращения: 28.02.2024).

¹⁶ ММХ (Martian Moons Exploration). <https://www.mmx.jaxa.jp/en/> (дата обращения: 29.02.2024).

¹⁷ Martian Moons exploration // *Japan Aerospace Exploration Agency (JAXA)*. <https://www.mmx.jaxa.jp/en/index.html> (дата обращения: 19.02.2024).

¹⁸ Developing: Deep Space Exploration Technology Demonstrator DESTINY+ // *Institute of space and astronautical science*. https://www.isas.jaxa.jp/en/missions/spacecraft/developing/destiny_plus.html (дата обращения: 19.02.2024).

Участие Японии в международной космической кооперации

Используя свой опыт в подготовке и реализации сложных миссий по исследованию небесных тел Солнечной системы, Японское космическое агентство активно участвует в осуществлении международных проектов в кооперации с Европейским космическим агентством (ЕКА) и NASA.

Международная миссия BepiColombo¹⁹ – совместный проект ЕКА и Японского космического агентства по исследованию Меркурия, самой ближайшей планеты к Солнцу. Цель миссии – исследование и картографирование поверхности Меркурия, получение информации о составе грунта, изучение магнитных полей планеты, а также поиск возможного наличия водяного льда в полярных областях.

Миссия BepiColombo стартовала 20 октября 2018 г. Сложностью данной миссии является сам полет автоматической станции к Меркурию: для того, чтобы аппарат смог с нужной скоростью выйти на околомеркурианскую орбиту в декабре 2025 г., ему необходимо выполнить девять гравитационных маневров (один у Земли, два раза у Венеры и шесть раз у Меркурия). По состоянию на февраль 2024 г., аппарат BepiColombo успешно совершил шесть гравитационных маневров и продолжает полет в штатном режиме.

Одним из наиболее амбициозных международных проектов по исследованию Луны на сегодняшний день является программа «Артемида» во главе с Американским космическим агентством NASA. В рамках данной программы Японии было поручено разработать аппарат для отработки технологий полета к Луне и осуществлению мягкой посадки на лунную поверхность. Японским космическим агентством был создан аппарат SLIM²⁰ (Smart Lander for Investigating Moon, интеллектуальный посадочный модуль для исследования Луны). Основная задача полета – отработка точного метода посадки на поверхность Луны. Дополнительно он должен обеспечивать возможность изучения содержания металлов в лунном грунте.

Изначально старт миссии был запланирован на 2021 г., но из-за различных технических причин запуск неоднократно переносили. В итоге SLIM был запущен к Луне 6 сентября 2023 г. Посадка на поверхность Луны была осуществлена 19 января 2024 г., и Япония официально стала пятой страной, чей аппарат способен произвести мягкую посадку на Луне (после СССР, США, Китая и Индии).

Несмотря на то, что посадку на поверхность Луны удалось выполнить с достаточно высокой точностью (с круговым отклонением менее 100 метров), миссию невозможно признать полностью успешной, так как зонд SLIM перевернулся при посадке и бортовое оборудование оказалось частично непригодно для использования. Солнечные батареи аппарата SLIM не смогли раскрыться, и обеспечение электроэнергией осуществляется путем использования аккумуляторных батарей. Зонду удалось установить устойчивую радиосвязь с Землей, но работоспособность приборов будет ограничена по времени истощением емкостей бортовых аккумуляторов.

В рамках своего участия в космическом проекте «Артемида» Япония разрабатывает технологии для лунной орбитальной станции, в том числе будет представлена новая улучшенная версия японского грузового космического корабля HTV, который примет на себя функции обеспечения снабжения лунной миссии, а также осуществлена разработка интеллектуального лунного посадочного модуля (SLIM) для изучения распределения воды²¹. В ходе реализации

¹⁹ About Mercury Exploration Mission «BepiColombo». <https://global.jaxa.jp/projects/sas/bepi/> (дата обращения: 26.02.2024).

²⁰ About Smart Lander for Investigating Moon (SLIM)/ <https://global.jaxa.jp/projects/sas/slim/> (дата обращения: 27.02.2024)

²¹ JAXA and Honda to Begin a Feasibility Study on a Circulative Renewable Energy System – Enabling sustainable space activities by creating environment to sustain human life in space / *Japan Aerospace Exploration Agency (JAXA)*. https://global.jaxa.jp/press/2021/06/20210614-2_e.html (дата обращения: 23.02.2024).

этого проекта JAXA планирует строительство лунного завода по производству водорода на Луне [Борисова, Леонов 2023].

Международное сотрудничество в освоении Луны, как и потенциальное сотрудничество Японии с Соединенными Штатами в миссии Gateway и строительстве Gateway station, обеспечивает использование общих ресурсов, опыта и разнообразных точек зрения для научных достижений в освоении космоса²². Япония также присоединилась к Соединенным Штатам в продлении эксплуатации Международной космической станции до 2030 г.²³ В рамках партнерства по строительству лунной орбитальной станции JAXA создает систему жизнеобеспечения I-Hab, батареи и термостат, которые ЕКА сможет установить перед запуском, что имеет решающее значение для автономного функционирования модуля. Среди новых технологий Япония разрабатывает такие, которые обеспечивают исследование небесной поверхности под действием силы тяжести, технологии пребывания человека в космосе (решая вопросы влияния радиации на человека и технологии регенерации воздуха и воды) и метод поставки технологий в дальний космос²⁴. В том числе уже известно, что японский астронавт будет участвовать в работе лунной станции²⁵.

Параллельно JAXA совместно с Европейским космическим агентством и Канадским космическим агентством (CSA) реализует проект European Large Logistics Lander – Европейский большой логистический посадочный модуль Agronaut, который планируется к запуску в 2030 г. Но более существенный вклад страна вносит в исследование Луны, разрабатывая совместно с НАСА, JAXA и Toyota Corporation герметичный луноход для космонавтов, которые смогут путешествовать по поверхности Луны. Планируется завершить подготовку к 2029 г.²⁶

Реализация всех перечисленных проектов позволяет сделать вывод, что Япония в настоящее время уже стала полноценным участником международных программ по освоению тел Солнечной системы и продолжает наращивать свои возможности в этом направлении.

Однако нельзя не учитывать и собственные амбиции Японии по расширению возможностей страны в области добычи космических ресурсов. В целях усиления своего влияния на космических рынках стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) еще в 1993 г. Япония инициировала учреждение Азиатско-Тихоокеанского регионального форума космических агентств (APRSAF).

Этот форум, или как многие называют его многонациональное космическое агентство (одна из крупнейших конференций по космосу), создан, как следует из учредительных документов, для продвижения и расширения использования результатов космической деятельности в мирных целях для социально-экономического развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе. APRSAF объединяет около 40 стран, включая Индию и Китай, а также более 20 международных организаций. В работе ежегодных собраний этой организации принимают активное участие также представители промышленных компаний, университетов, научно-исследовательских институтов. Они обмениваются мнениями и информацией о национальных космических программах и ресурсах; обсуждают возможности дальнейшего сотрудничества

²² Japan positioned for outsize role in NASA's moon, Mars plans // *POLITICO*. <https://www.politico.com/story/2019/01/30/international-space-station-privatize-japan-1132889> (дата обращения: 19.02.2024).

²³ NASA, Japan Announce Gateway Contributions, Space Station Extension // *National Aeronautics and Space Administration (NASA)*. <https://www.nasa.gov/news-release/nasa-japan-announce-gateway-contributions-space-station-extension/> (дата обращения: 20.02.2024).

²⁴ Research on space exploration for the Artemis Program // *Japan Aerospace Exploration Agency (JAXA)*. <https://www.kenkai.jaxa.jp/eng/research/exploration/exploration.html> (дата обращения: 20.02.2024).

²⁵ Япония скоро отправит астронавта на Луну // *Новая наука*. <https://new-science.ru/yaponiya-skoro-otpravit-astroavta-na-lunu/> (дата обращения: 19.02.2024).

²⁶ Interview NASA Exploration Science Forum 2020 Glaze & Kirasich. <https://global.jaxa.jp/activity/int/index.html> (дата обращения: 20.02.2024).

разработчиков и пользователей космической техники на взаимовыгодной основе; выявляют области, представляющие взаимный интерес; определяют меры по сохранению окружающей среды, борьбе со стихийными бедствиями в АТР с помощью космических технологий²⁷.

Желание Японии создать APRSAF в 1993 г. во многом было продиктовано стремлением противостоять Китаю, который в этот период уже приступил к активному освоению космоса. Усиление влияния Китая в этом регионе позднее, в 2008 г., нашло свое проявление в создании по его инициативе организации – Азиатско-Тихоокеанской организации по космическому сотрудничеству (APSCO). В эту организацию кроме Китая вошли еще восемь государств с менее развитой космической индустрией: Бангладеш, Индонезия, Иран, Монголия, Пакистан, Перу, Таиланд, Турция. При этом APSCO не предусматривал расширения числа своих членов. По сути, это означало, что путь в эту организацию для Японии был закрыт. Как, впрочем, и для Индии тоже [Тутнова 2013].

Учитывая сложившуюся ситуацию, в рамках APRSAF Япония стремится наладить отношения с другими странами, чтобы противостоять Китаю. Так, в начале февраля 2023 г., во время визита Президента Филиппин Фердинанда Маркоса-младшего в Токио, было подписано соглашение между Японией и Филиппинами в космической сфере, включая сотрудничество в области исследования окружающей среды и астронавигации. Токио помог Маниле успешно запустить малые спутники Diwata и Maya благодаря сотрудничеству между Министерством науки и технологий Филиппин с японскими университетами. В январе 2023 г. Манила присоединилась к проекту Sentinel Asia как поставщик данных. Предполагается, что, когда Sentinel Asia вступит в активную фазу, PhilSA предоставит снимки Земли с двух своих спутников – DIWATA-2 и NovaSAR-1²⁸.

В рамках APRSAF Япония стремится наладить близкие отношения и с Таиландом. Так, 6 октября 2023 г. состоялся 29 форум APRSAF, в котором приняли участие более 500 человек. Он был организован Тайваньским космическим агентством (TACA). Тема форума «Ускорение космической экономики через региональное партнерство». Форум был посвящен обсуждению того, как страны могут лучше интегрировать свои ресурсы и развивать сотрудничество в современных условиях.

Следует выделить и совместный проект Японии и Вьетнама по разработке и производству малых спутников мониторинга. Это сотрудничество не имеет аналогов, так как предложенные Вьетнаму аппараты ASNARO по характеристикам превосходят эксплуатируемые Японией разведывательные спутники системы IGS, при этом проект предполагает передачу уникальных технологий.

Японская модель организации космических исследований

Как показал проведенный анализ реализованных Японией космических программ, в последние годы эта страна стала одной из ведущих в развитии новейших космических технологий. Можно отметить, что наряду с США, японская научная система на сегодняшний день является одной из самых передовых в мире, что подтверждается широтой изучаемых проблем, технической оснащенностью космических проектов, а также высоким статусом научных разработок в общественном сознании.

При этом нужно отметить, что в отличие от США и Китая, Япония не относится к числу стран, которые вкладывают в космические проекты значительные суммы бюджетных ресурсов.

²⁷ Официальный сайт APRSAF. <https://www.aprsaf.org/jp/about/> (дата обращения: 25.02.2024).

²⁸ Проект Sentinel Asia стартовал в 2006 г. и направлен на повышение эффективности борьбы со стихийными бедствиями в регионе за счет использования космических технологий. <https://ipdefenseforum.com/ru/2023/03/япония-и-филиппины-укрепляют-потенци/> (дата обращения: 28.02.2024).

Так, по данным немецкого статистического агентства Statista²⁹, в 2022 г. Япония занимала третье место по объему финансирования космических проектов, составившему 4,9 млрд долл., в то время как США и Китай имели бюджет на освоение космоса в 62 млрд долл. и 11,94 млрд долл. соответственно.

Достижение такого эффекта обусловлено, прежде всего, моделью организации космических исследований в Японии. С точки зрения государственного управления космической отраслью Япония имеет принятый в большинстве стран подход, когда основные функции управления и регулирования отрасли сосредоточены в одном государственном органе. К данной системе управления Япония перешла в 2003 г. на основе объединения трех структур – Института космонавтики и астронавтики (ISAS), Национального агентства по исследованию космоса (NASDA) и Национальной аэрокосмической лаборатории Японии (NAL) – в единое Японское агентство космических исследований (JAXA). На сегодняшний день JAXA в статусе государственного органа занимается разработкой и реализацией космических и авиационных программ страны. При этом оно является независимым административным институтом, управляемым японским Министерством образования, культуры, спорта и технологий и Министерством внутренних дел и коммуникаций Японии.

JAXA обладает широким спектром полномочий в области реализации космических программ, что позволяет ему использовать несколько механизмов проведения научных исследований и разработок, обеспечивающих высокую эффективность выполнения поставленных задач.

Во-первых, JAXA осуществляет привлечение в космические проекты частных компаний и передачу им значительной части работ по созданию космической техники и технологий. Для реализации этого механизма используются два направления финансирования: первое реализуется в форме государственного заказа, а второе – путем создания специальных фондов финансирования проектов частных предприятий, осуществляющих разработки технологий в космических областях, включая ракеты-носители и спутниковые созвездия. Так, в 2023 г. был создан Стратегический космический фонд с бюджетом в 1 трлн иен (6,2 млрд долл.), который будет поддерживать развитие частных компаний в течение 10 лет³⁰.

Создание этого фонда демонстрирует стратегическую цель развития японской космонавтики, состоящую в обеспечении максимально возможного участия частных компаний в создании автономных космических экосистем, управляемых самим частным сектором.

Высокая заинтересованность частного бизнеса в участии в космических программах была поддержана со стороны государства принятием ряда законодательных актов, закрепляющих права частных компаний на участие в космических программах. В 2008 г. в Японии был принят «Основной закон о космосе»³¹, ставший базой современной космической стратегии страны, где определен приоритет интересов национальной безопасности и частного сектора. С принятием закона были созданы предпосылки для институциональных и структурных реформ в космической отрасли Японии, обеспечивающих полноценное участие частных корпораций в космических программах. Закон также закрепил систему государственной поддержки и стимулирования участия частных компаний в реализации космической политики Японии.

²⁹ Государственные расходы на космические программы в 2020 и 2022 г. в разбивке по основным странам. <https://www.statista.com/statistics/745717/global-governmental-spending-on-space-programs-leading-countries/> (дата обращения: 20.02.2024).

³⁰ Японское космическое агентство ищет коммерческие технологии для будущих космических станций. <https://www.ixbt.com/news/2024/07/09/japonskoe-kosmicheskoe-agentstvo-ishet-kommercheskie-tehnologii-dlja-budushih-kosmicheskikh-stancij.html?ysclid=lyr2dbg9n1310491466> (дата обращения: 21.07.2024).

³¹ Основной закон о космосе. http://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_housei.nsf/html/housei/kaiji169_1.htm. (дата обращения: 17.07.2024).

В 2016 г. были приняты «Закон о запуске спутников и управлении спутниками»³² и «Закон об обеспечении надлежащей обработки данных спутникового дистанционного зондирования»³³, которые упорядочили систему получения разрешений и лицензий на осуществление соответствующего вида космической деятельности.

Высокая заинтересованность частного бизнеса в участии в космических проектах обусловлена не только активной государственной поддержкой, но и инновационной моделью развития японских корпораций, сформировавшейся еще в 1980-е гг.

На сегодняшний день в космической отрасли Японии сформировалась группа корпораций-лидеров, которые выполняют ключевые задачи в развитии космонавтики. Так, Mitsubishi Heavy Industries отвечает за сборку и поддержку ракет Н-ПА, Kawasaki Heavy Industries и IHI Corporation специализируются на твердотопливных двигателях и сборке легких ракет-носителей на твердотопливной тяге, Mitsubishi Electric и NEC Corporation занимаются сборкой японских спутников, Toyota Corporation участвует в программе освоения Луны, где за ней закреплены разработка и создание герметичного лунохода для космонавтов³⁴.

Во-вторых, не менее важным механизмом развития японской космической отрасли является использование возможностей всего научного потенциала страны для проведения научно-исследовательских работ в области космоса. Япония вкладывает значительные средства в развитие своего научного потенциала (в 2022 г. 168,6 млрд долл.³⁵), что обеспечивает ей третье место в мире после США и Китая.

При этом нужно отметить особенность государственных затрат Японии на научно-исследовательские разработки: основные государственные ассигнования направляются преимущественно на проведение фундаментальных исследований и общественно необходимых научно-исследовательских работ, далеко отстоящих от стадии коммерциализации результатов [Зайцев 1992]. Но поскольку результаты фундаментальных исследований рассматриваются как всеобщий ресурс, который может использоваться всем человечеством, то они обладают доступностью для корпораций. Кроме того, важное значение имеет широкий диапазон проводимых в стране фундаментальных исследований, который обеспечивает научно-исследовательский эффект за счет синтеза знаний из различных областей, что способствует взаимодействию фундаментальных и прикладных исследований. В значительной мере способствует развитию фундаментальной и прикладной науки наличие хорошо отлаженной инфраструктуры для глубокого и всестороннего изучения научно-технических тенденций за рубежом и распространения соответствующей информации [Зайцев 1992].

Если рассмотреть прямые вложения государственных бюджетных средств в JAXA, то они значительно ниже, чем вложения частных компаний в космические проекты (таб. 1).

Таблица 1. Годовой бюджет агентства аэрокосмических исследований (JAXA), 2006–2024 гг.

Фин. г.	Млрд иен	Млрд долл. США
2006	180	1,13
2007	184	1,16

³² Закон о запуске спутников и управлении спутниками. 2016 г., No 76. https://www8.cao.go.jp/space/english/activity/documents/space_activity_act.pdf (дата обращения: 17.07.2024).

³³ Закон об обеспечении надлежащей обработки данных спутникового дистанционного зондирования. 16.11.2016 г., No 77. https://www8.cao.go.jp/space/english/rs/rs_act.pdf (дата обращения: 17.07.2024).

³⁴ Interview NASA Exploration Science Forum 2020 Glaze & Kirasich // <https://global.jaxa.jp/activity/int/index.html> (дата обращения: 20.02.2024).

³⁵ Россия вошла в топ-10 стран, которые больше всего тратят на науку. <https://nversia.ru/news/rossiya-voshla-v-top-10-stran-kotorye-bolshe-vsego-tratyat-na-nauku/> (дата обращения: 21.07.2024).

2008	188	1,19
2009	204	1,29
2010	194	1,22
2011	184	1,16
2012	195	1,23
2013	190	1,20
2014	184	1,16
2015	181	1,14
2016	182	1,15
2017	183	1,15
2018	183	1,15
2019	187	1,18
2020	214	1,35
2021	226	1,42
2022	219	1,38
2023	216	1,36
2024	155	0,97
Итого за 19 лет:	3466	22,99

Источник: Статистическое агентство Statista. <https://www.statista.com/statistics/1049184/japan-budget-annual-jaxa/> (дата обращения: 10.07.2024).

Как показывают приведенные в табл. 1 данные, годовой бюджет аэрокосмического агентства невелик и остается практически стабильным на протяжении восемнадцати лет (1,13–1,42 млрд долл.), в то время как объем корпоративных НИОКР за этот же период увеличился на 43% – с 94,6 млрд долл. до 135,2 млрд долл. Это подтверждает вывод о ведущей роли частных компаний в развитии японской космонавтики.

В-третьих, Япония является участником широкой международной кооперационной деятельности в области развития космических проектов. Важным фактором для Японии в деле космической кооперации выступает стремление к расширению научных знаний, технологическому развитию и укреплению мирового влияния в космической сфере при ограниченном финансовом участии. Так, японское аэрокосмическое агентство JAXA участвует в проекте Международной космической станции (МКС), где оно разрабатывает новый комплекс систем жизнеобеспечения и модернизирует имеющиеся на станции системы очистки воздуха и воды с применением новых технологий. По данным Kyodo, Япония в общей сложности в течение всего периода действия станции вложила около 900 млрд иен (порядка 3 млрд долл.) в различные проекты на МКС³⁶.

Заметную роль Япония играет в международном проекте NASA по исследованию Луны «Артемиды». В рамках данной программы Японское космическое агентство проводит исследования и разработки технологий и оборудования для обеспечения лунной орбитальной станции, а также создания нового космического корабля для транспортировки грузов HTV-X.

³⁶ Япония решила продлить свое участие в программе МКС до 2024 г. Электронный ресурс: <https://tass.ru/kosmos/2506937> (дата обращения: 21.07.2024).

На участие в этом проекте со стороны Японии вложено 770 млн долл., основная часть которых пошла на разработку беспилотного грузового корабля³⁷.

Наиболее существенный вклад JAXA внесла в реализацию миссии BepiColombo для исследования Меркурия. Бюджет японской части этой программы составляет примерно 1,65 млрд евро³⁸. Как и предыдущие программы она реализуется с привлечением японских корпораций, принимающих на себя основной объем затрат. При этом включение частного капитала в международные проекты осуществляется с последующей передачей им прав на пользование полученными результатами исследований, что формирует у корпораций высокую заинтересованность в участии в космических программах.

Заключение

Японская модель организации космических исследований демонстрирует уникальный подход к оптимальному распределению финансовых и научно-исследовательских ресурсов, который позволяет стране достигать значительных результатов в освоении космических программ. Важнейшая роль в этой модели отводится частному сектору. Государство привлекает к участию в реализации крупнейших космических проектов частные компании, которым оказывается поддержка в осуществлении поставленных перед ними задач. Такой подход способствует качественному росту космической отрасли Японии и приближает страну к достижению позиции мирового лидера в освоении космоса.

Японский опыт организации космических исследований был бы полезен и для России, тем более что по объему космического бюджета она близка к показателям Японии (в 2022 г. расходы Роскосмоса составили 3,42 млрд долл.). Особенно это касается привлечения частных компаний в космические программы. В настоящее время Россия только начинает использовать возможности частного бизнеса в изготовлении спутников, но расширение привлечения частного капитала в космические программы открывает для страны новые возможности. В последнее время в стране начали разрабатывать финансовые инструменты, повышающие привлекательность участия частного бизнеса в долгосрочных проектах [Солдатова, 2022], что может послужить стимулом для расширения их деятельности в этом направлении.

В то же время Россия недостаточно активно участвует в международной космической кооперации. На сегодняшний день известно лишь о нескольких международных проектах с участием России, США и Китая. Между тем спрос на космические услуги в мире огромный и постоянно возрастает. Представляется, что российская космическая отрасль может найти широкий спектр заказов на совместные с другими странами проекты по изготовлению и запуску космических аппаратов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Блохина Т. К., Мошаев И. А., Мысляева И. Н., Павлов И. А., Фесянова О. А. Азиатская космическая гонка: новые приоритеты на промышленное освоение тел Солнечной системы // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. Выпуск №5 С. 65–77. DOI: 10.31857/S013128120027584-3

³⁷ Япония потратит на космические проекты рекордные \$2,6 млрд. <https://www.bfm.ru/news/453583> (дата обращения: 21.07.2024).

³⁸ The BepiColombo spacecraft is ready to solve many mysteries of Mercury // *JAXOO. NEWS*. July, 11, 2017. <https://www.yahoo.com/entertainment/bepicolombo-spacecraft-ready-solve-many-115732040.html> (дата обращения: 20.07.24).

- Борисова Е.А., Леонов В.А. Япония как участник программы Artemis: планы по добыче полезных ископаемых на Луне // *Восточная аналитика*. 2023. №14(3). С. 18–25. DOI: 10.31696/2227-5568-2023-03-018-025
- Зайцев В.К. Механизм реализации достижений научно-технического прогресса в экономике Японии. – *Автореферат дис. д.э.н.* Москва: ИМЭМО. 1992.
- Лонгсон Дж.М. Японский спутник // *Zamons*. <https://zamons.com/ru/article/1988834-iaponskii-sputnik> (дата обращения: 20.02.2024).
- Солдатова А.О. Оценка эффективности стратегии «всепогодного» портфеля для пассивного инвестирования // *Сберегательное дело за рубежом*. 2022. № 3. С. 47–57.
- Тутнова Т.А. Космические программы Индии, Китая, Японии // *Международные отношения. Политология. Регионоведение. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2013. № 3 (1). С. 362–367.

REFERENCES

- Blokhina, T.K., Moshayev, I.A., Myslyayeva I.N., Pavlov I.A., Fesyaynova O.A. (2023). Aziatskaya kosmicheskaya gonka: novye priority na promyshlennoe osvoenie tel Solnechnoi sistemy [The Asian Space Race: New Priorities for the Industrial Development of Solar System Bodies]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 5, 65–77. DOI: 10.31857/S013128120027584-3 (In Russian).
- Borisova, E.A., Leonov, V.A. (2023). Yaponiya kak uchastnik programmy Artemis: plany po dobyche poleznykh iskopaemykh na Lune [Japan as a Participant of the Artemis Program: Plans for Mining on the Moon]. *Vostochnaya analitika*, 14 (3), 18–25. DOI: 10.31696/2227-5568-2023-03-018-025 (In Russian).
- Longson, J.M. Yaponskii sputnik [The Japanese Satellite]. *Zamons*. Retrieved February 20, 2024, from <https://zamons.com/ru/article/1988834-iaponskii-sputnik> (In Russian).
- Soldatova, A.O. (2022). Otsenka effektivnosti strategii «vsepogodnogo» portfelya dlya passivnogo investirovaniya [Evaluation of the Effectiveness of the «All-Weather» Portfolio Strategy for Passive Investment]. *Sberegatel'noe delo za rubezhom* [Savings business abroad], 3, 47–57. (In Russian).
- Tutnova, T.A. (2013). Kosmicheskie programmy Indii, Kitaya, Yaponii [Space programs of India, China, Japan]. *Mezhdunarodnye otnosheniya. Politologiya. Regionovedenie Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [International Relations. Political Science. Regional Studies. Bulletin of the Nizhny Novgorod University Named After N.I. Lobachevsky], 3 (1), 362–367. (In Russian).
- Zaitsev, V.K. (1992). Mekhanizm realizatsii dostizhenii nauchno-tekhnicheskogo progressa v ekonomike Yaponii [The Mechanism of Realization of Achievements of Scientific and Technological Progress in the Japanese Economy]. Abstract of the dissertation for the Doctor of Economics degree. Moscow: IMEMO. (In Russian).

Поступила в редакцию: 29.03.2024

Received: 29 March 2024

Принята к публикации: 20.10.2024

Accepted: 20 October 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-22-32

Русский вектор японской разведки (1874–1945 гг.)

А.Г. Зорихин

Аннотация. Статья посвящена деятельности разведывательного сообщества Японии в 1874–1945 гг. Основную работу сначала против Российской империи, а затем против Советского Союза вели органы военной и военно-морской разведок Японии. В отдельных случаях агентурной разведкой против нашей страны по заданиям верховного командования японской армии и флота также занимались дипломатические миссии и военная жандармерия. Начало разведывательной деятельности Японии в России датируется 1874–1875 гг., когда в Санкт-Петербург и Владивосток были посланы резиденты от армии и флота. До начала кампании 1904–1905 гг. японская разведка сумела организовать каналы получения достоверной информации о состоянии царского флота и армии, чем во многом обеспечила успех своим вооруженным силам в этой войне. После принятия в 1907 г. «Курса национальной обороны империи» японская военная разведка сосредоточилась на агентурной работе против России, в то время как военно-морская разведка стала вести сбор информации, главным образом, против США и Великобритании. В 1920-х гг. интерес разведорганов армии также переключился на Вооруженные силы и военную промышленность стран Западной Европы и США, однако после оккупации Маньчжурии в 1931–1932 гг. военная разведка вновь сосредоточила усилия на советском направлении. В связи с ужесточением административного, контрразведывательного режимов и режима охраны границы в СССР во второй половине 1930-х гг. значительное развитие в деятельности разведывательного сообщества Японии получил сбор информации средствами радиоразведки и криптоанализа. Во многом благодаря сведениям военной и военно-морской разведок руководство Японии отказалось осенью 1941 г. от планов нападения на СССР. Весной – летом 1945 г. его информировали о предстоящей войне с Советским Союзом. Несмотря на поражение Японии во Второй мировой войне, в середине 1950-х гг. она возобновила деятельность своего разведывательного сообщества.

Ключевые слова: военная разведка, военно-морская разведка, Квантунская армия, советско-японские отношения, Владивосток, Тихоокеанский флот.

Автор: Зорихин Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь. ORCID: 0000-0001-7361-7237. E-mail: tsunami77@rambler.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Зорихин А.Г. Русский вектор японской разведки (1874–1945 гг.) // Японские исследования. 2024. № 4. С. 22–32. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-22-32

The Russian vector of Japanese intelligence activities (1874–1945)

A.G. Zorikhin

Abstract. The article is devoted to the activities of the Japanese intelligence community in 1874–1945. The main work, first, against the Russian Empire, and later against the Soviet Union, was carried out by the army and navy intelligence agencies of the empire. In some cases, diplomatic missions and military gendarmerie were also engaged in secret intelligence against our country following the instructions of the supreme command of the Japanese army and navy. The beginning of Japan’s intelligence activities in Russia dates back to 1874–1875, when residents from the army and navy were sent to Saint Petersburg and Vladivostok. Before the start of the 1904–1905 campaign, Japanese intelligence managed to organize channels for obtaining reliable information about the state of the Tsarist navy and army, which largely ensured the success of its armed forces in this war. After the “Course of the National Defense of the Empire” was adopted in 1907, Japanese army intelligence focused on intelligence work against Russia, while naval intelligence began to collect information mainly focusing on the United States and Great Britain. In the 1920s, the interest of the army intelligence agencies also switched to the armed forces and military industry of Western Europe and the United States, but, after the occupation of Manchuria in 1931–1932, army intelligence focused on the Soviet direction again. Due to the tightening of the administrative, counterintelligence, and border protection regimes in the USSR in the second half of the 1930s, the collection of information by means of radio intelligence and cryptanalysis received significant development in the activities of the Japanese intelligence community. Largely due to information from army and naval intelligence, the Japanese leadership abandoned its plans to attack the USSR in the autumn of 1941 and was informed in the spring and summer of 1945 about the upcoming war with the Soviet Union. Despite Japan’s defeat in World War II, in the mid-1950s, it resumed the activities of its intelligence community.

Keywords: army intelligence, naval intelligence, Kwantung Army, Soviet-Japanese relations, Vladivostok, Pacific Fleet.

Author: *Zorikhin Aleksandr G.*, PhD, independent researcher, Komsomolsk-on-Amur. ORCID: 0000-0001-7361-7237; E-mail: tsunami77@rambler.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Zorikhin, A.G. (2024). Russkii vektor yaponskoi razvedki (1874–1945 gg.) [The Russian vector of Japanese intelligence activities (1874–1945)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 4, 22–32. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-22-32

Несмотря на поражение во Второй мировой войне и закрепленный в Конституции отказ от права иметь Вооруженные силы, Япония в 1950-х гг. фактически восстановила свои армию и флот, превратив их в одни из сильнейших среди стран региона. Разведывательным обеспечением японских вооруженных сил (Сил самообороны) занимаются несколько органов, которые во многом копируют опыт своих предшественников – военной и военно-морской разведок императорской Японии.

Становление и деятельность японской разведки в 1871–1905 гг.

Разведывательное сообщество этой страны возникло в конце XIX в. в результате реставрации Мэйдзи, которая превратила островное государство в регионального лидера. В июле 1871 г. в составе Штабного бюро Военного министерства была учреждена военная

разведка, а в апреле 1872 г. в рамках только что образованного Военно-морского министерства начало действовать Бюро переводов – прообраз будущей разведслужбы японского флота.

Поиск оптимальной организации военной и военно-морской разведок затянулся на несколько десятилетий. Для этого им пришлось принять участие в японо-китайской войне 1894–1895 гг., которая выявила сильные и слабые стороны разведывательного сообщества Японии. Благодаря добытой военными разведчиками информации военно-политическое руководство империи имело исчерпывающее представление о китайской армии, а деятельность военно-морской разведки в ходе кампании получила высокую оценку командования флота. В то же время отрицательное влияние на деятельность всех разведорганов оказывали их малочисленность и перегруженность исполнением несвойственной разведке задачи организации боевой подготовки сухопутных войск и сил флота.

Возникшее после японо-китайской войны соперничество между Россией и Японией за Маньчжурию и Корею окончательно оформило организацию японского разведывательного сообщества на рубеже XIX–XX вв. Военная разведка после реформы 1899 г. была расщеплена между 1-м (европейско-маньчжурским) и 2-м (азиатским) управлениями Генштаба (ГШ), отвечавшими только за агентурную работу и оперативное планирование, а военно-морская разведка в 1897 г. стала 3-м бюро Морского Генштаба (МГШ), решавшего задачу «сбора информации об иностранных Вооруженных силах, ведения агентурной разведки, перевода и редакционно-издательской деятельности» [Kaigun seido enkaaku 1941, p. 930].

Уже в это время в деятельности разведывательного сообщества Японии четко обозначились основные ее формы и методы, которые активно использовались вплоть до 1945 г. Во-первых, японская разведка действовала в основном с легальных позиций, направляя своих резидентов в страну пребывания под видом сотрудников военных (военно-морских) атташатов при дипломатических миссиях, языковых офицеров-стажеров армии и флота и только в редких случаях под видом коммерсантов или фотографов. Во-вторых, приоритет в вербовке агентов отдавался японским колонистам, проживавшим вокруг объектов разведывательных устремлений, или непосредственно работавших на них. Они, в свою очередь, подыскивали источники информации из числа временно пребывавших в данном районе иностранных граждан и местных жителей. В-третьих, доразведка театров военных действий производилась специально командированными офицерами разведки под видом путешественников. В-четвертых, большой объем информации черпался из открытых источников – газет, журналов, справочников, чьи редакторы не утруждали себя сохранением государственных и военных секретов. В-пятых, военная и военно-морская разведки делегировали часть задач по сбору информации о потенциальных противниках сотрудникам японских дипмиссий, которые в обмен на их финансирование со стороны ГШ и МГШ занимались вербовкой и организацией связи с агентами в интересах императорской армии и флота. И, в-шестых, разведывательное сообщество Японии всегда могло рассчитывать на помощь таких крупных транспортных компаний, как «Мицуи буссан» и «Нихон юсэн», которые располагали филиалами в ведущих странах мира.

Начало разведывательной деятельности Японии против нашей страны датируется 1874 г., когда в Санкт-Петербург на должность младшего секретаря дипломатической миссии прибыл майор Ямамото Киёката, представлявший военную разведку. В 1879 г. он был аккредитован там уже в качестве военного атташе. На Дальнем Востоке первый японский резидент появился в 1875 г. – во Владивосток прибыл лейтенант императорского флота Куроока Татэваки для прохождения официальной стажировки в качестве члена экипажа клипера «Абрек» Сибирской военной флотилии. Спустя 5 лет начала функционировать владивостокская легальная резидентура Генштаба, прикрытием для которой служили японское коммерческое агентство (образовано в 1876 г.) и представительство пароходной компании «Нихон юсэн». Костяк их агентурного аппарата составляли проживавшие в Приамурском крае и вокруг русских военных объектов в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове японские колонисты.

Благодаря проведенной в 1901–1903 гг. работе по укреплению континентальной сети, правительство Японии к началу войны располагало исчерпывающей информацией о русской Тихоокеанской эскадре, царских войсках на Дальнем Востоке и в Южной Маньчжурии, поступавшей от легальных резидентур ГШ и МГШ и дипмиссий в Санкт-Петербурге, Одессе, Владивостоке, Харбине, Чифу, Инкоу, Тяньцзине, Сеуле, Ыйджу, Анджу, Кёнсоне, Порт-Саиде и Лондоне. Уже в ходе боевых действий японские разведорганы оперативно перестроили свою деятельность, привлекли к сотрудничеству значительное число китайских граждан и членов банд хунхузов в Маньчжурии, наладили получение информации о царской армии и флоте от военных ведомств Великобритании, Германии и Швеции, организовали наблюдение за переходом 2-й Тихоокеанской эскадры из европейской части России на Дальний Восток, чем в значительной мере способствовали победе в кампании 1904–1905 гг.

Деятельность японской разведки в межвоенный период и в годы Гражданской войны (1905–1922)

После ее завершения командование Вооруженных сил разработало, а император Японии в апреле 1907 г. утвердил первую в истории государства военную доктрину – «Курс национальной обороны империи». Хотя по инициативе армии наиболее вероятным противником была обозначена Россия, флот, опасавшийся усиления американского военно-морского могущества на Тихом океане, настоял на том, чтобы вторым противником были названы США. С этого момента деятельность японской военной разведки подчинялась сбору разведывательной информации о Российской империи, а в последующем – об СССР, в то время как разведорганы флота были целиком ориентированы на подготовку к войне с Соединенными Штатами.

В 1905–1906 гг. в Южной Маньчжурии и Корее были развернуты две группировки японских войск, ставшие впоследствии Квантунской и Корейской армиями. Их разведслужбы взяли под контроль российское Забайкалье и Дальний Восток, а также Северную Маньчжурию. В Генштабе существовавшие ранее два оперативно-разведывательных управления в 1908 г. были объединены во 2-е (разведывательное) управление, лишившееся функций оперативного планирования. Вплоть до 1918 г. сбор информации против нашей страны велся силами военного атташата при посольстве в Санкт-Петербурге, легальных резидентур в Благовещенске, Владивостоке, Хабаровске, Одессе, многочисленных офицеров-стажеров в европейской части России, а также разведцентром Квантунской армии в Чанчуне и офицерами разведки штаба Корейской армии, которые выводили на Дальний Восток и в Забайкалье маршрутную агентуру из корейцев и китайцев и взаимодействовали с японскими колониями во Владивостоке, Хабаровске, Имане (Дальнереченске), Никольск-Уссурийском (Уссурийске), Чите, Иркутске, Маньчжоули, Цицикаре.

Военно-морская разведка, ставшая еще в январе 1904 г. 3-м отделением МГШ, ограничилась возобновлением работы в 1906 г. военно-морского атташата при японском посольстве в Санкт-Петербурге и периодической отправкой своих офицеров на языковую стажировку в Россию. Сбором информации о Сибирской флотилии в интересах МГШ в 1908–1918 гг. занимался один из младших секретарей японского генерального консульства во Владивостоке. Хотя флот рассматривал в качестве главного противника США, основные усилия военно-морской разведки Японии в межвоенный период были направлены на Великобританию, являвшуюся центром мирового кораблестроения. По неполным сведениям, в 1905–1914 гг. в долгосрочных командировках (от 1 года и больше) в Великобритании под легальным прикрытием побывало не менее 40 офицеров японского флота, в то время как в США – 11, а в России – 4.

Работа японских разведчиков против СССР в период нормализации отношений двух стран (1923–1940)

Первая Мировая война (1914–1918) и Гражданская война в России (1918–1922) оказали существенное влияние на разведывательное сообщество Японии. В 1923 г. руководство страны утвердило обновленный «Курс национальной обороны империи», в котором первостепенной задачей Вооруженных сил определялась подготовка к возможной войне с США. Советский Союз был исключен из списка главных противников, чему, во многом, способствовали плачевное состояние его армии и флота на Дальнем Востоке после Гражданской войны и нормализация отношений между Москвой и Токио в 1923–1925 гг.

Поэтому военная разведка в 1922–1931 гг. сосредоточилась на сборе информации о Вооруженных силах и военной промышленности США, Великобритании, Франции, Германии: еще в декабре 1919 г. «Временный комитет по изучению военных вопросов» Генштаба и Военного министерства пришел к выводу, что ведущие армии мира значительно опередили японскую в применении танков, боевой авиации, пулеметов и отравляющих веществ, а залогом победы в будущей войне станет всеобщая мобилизация людского и промышленного потенциалов¹. Помимо 2-го управления ГШ к разведывательной деятельности на этом направлении с 1925 г. подключились Военно-техническое управление и Управление авиации сухопутных войск, которые самостоятельно командировали за рубеж своих офицеров. В результате вплоть до конца Второй Мировой войны оба ведомства являлись параллельными со 2-м управлением Генштаба информационно-разведывательными органами, поскольку не только имели зарубежных военно-технических резидентов, но и обобщали поступавшую от них и военной разведки информацию в виде докладов и справочников о вооружении, военной и специальной технике, военной промышленности и технологических разработках в оборонной сфере ведущих стран мира.

Согласно сохранившимся документам, из 101 японского офицера (сотрудники военных атташатов, нелегальные резиденты ГШ, войсковые и языковые стажеры, военно-технические резиденты, члены международных организаций), находившегося на разведывательной работе в 13 странах Европы, Северной и Южной Америки в апреле – мае 1929 г., 72 пребывали во Франции, Германии, Великобритании и США, 15 – в Китае, в то время как в СССР, Польше и Турции – только 9². Разведка на советском Дальнем Востоке и в Забайкалье в 1922 – 1931 гг. велась 6–7 сотрудниками японских военных миссий (ЯВМ) Квантунской и Корейской армий в Харбине, Маньчжоули, Хэйхэ, Пограничной, Яньцзи и Лунцзине, а также взаимодействовавшими с ними отделениями военной жандармерии (*кэмэйтай*) в Северной Корее. В европейской части нашей страны сбором разведывательной информации занимались военные атташаты при японских посольствах в Москве, Варшаве и Анкаре. Большой объем данных о Красной армии Генштаб получал от своих коллег из польской военной разведки.

В свою очередь, итоги Вашингтонской конференции 1922 г., ограничившие японскую военно-морскую мощь, обусловили все возрастающий после ее завершения удельный вес американского направления в деятельности флотской разведки: если в конце декабря 1922 г. в США работало всего 7 резидентов японского флота против 13 в Великобритании и 7 в Германии, то уже через год их стало 10 против 12 в Великобритании и 8 в Германии, а к февралю 1931 г. в Соединенных Штатах находилось 9 офицеров против 8 во Франции, 6 в Германии и 5 в Великобритании. Кроме того, вспыхнувшее в январе 1932 г. шанхайское сражение между японской и китайской армиями с участием императорского флота заставили

¹ Национальный архив Японии. Тан-02146100 (А04017276800).

² Архив Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны (НИИО МНО) Японии. Тюо-гундзи гёсэй соно та-172 (С15120157800). Л. 1046 – 1049; Тюо-сакусэн сидо сонота-22 (С15120064900). Л. 0081.

3-е отделение МГШ направить значительный контингент своих офицеров в резидентуры в Шанхае, Пекине, Нанкине, Ханькоу и Гуанчжоу³. В то же время численность сотрудников военно-морской разведки в СССР в 1925–1941 гг. – военно-морской атташе и его помощник – оставалась неизменной.

Начавшийся в годы первой пятилетки (1928–1932) неуклонный рост Красной армии, особенно впечатливший японцев в результате анализа военной разведкой ее действий во время советско-китайского конфликта 1929 г., и активная политика СССР по превращению Северной Маньчжурии в сферу своего влияния, также нашедшая отражение в докладах Разведуправления ГШ, породили обеспокоенность у руководства Японии. Захват Квантунской армией в сентябре 1931 г. Северной Маньчжурии и образование в следующем году марионеточного государства Маньчжоу-Го вынудили советское правительство начать с января 1932 г. наращивание группировки войск на Дальнем Востоке за счет переброски туда из западных районов страны дополнительных стрелковых дивизий, дальнебомбардировочной авиации, подводных лодок и торпедных катеров. Если по военно-морским силам до 1945 г. советский Тихоокеанский флот (ТОФ) не мог конкурировать с японским, то Особая Краснознаменная Дальневосточная армия и Забайкальский военный округ с 1932 г. кратно превосходили по численности Квантунскую и Корейскую армии, а в 1935 г. сравнялись с сухопутными войсками Японии в целом.

Поэтому 1932 г. стал переломным в организации разведывательной деятельности Японии на советском направлении. Сбор информации о Красной армии и военно-промышленном потенциале СССР стал приоритетной задачей 2-го управления ГШ, хотя Военно-техническое управление и Управление авиации сухопутных войск до мая 1937 г. направляли свои устремления на Вооруженные силы и промышленность США, Великобритании, Франции и Германии.

В 1932–1935 гг. численность зарубежного разведаппарата 2-го управления ГШ Японии под прикрытием военных атташатов и консульств в СССР и приграничных с ним странах выросла с 12 до 25 сотрудников. По договоренности с советским правительством ежегодную войсковую и языковую стажировку в СССР с 1932 г. проходили сначала 3, а потом 6 японских офицеров. Оперативная разведка целиком сосредоточилась в руках Квантунской армии, численность ее ЯВМ увеличилась вчетверо – с 5 сотрудников в августе 1931 г. до 19 в январе 1936 г. Кроме того, в 1932 г. объединение развернуло ряд радиоразведывательных пунктов вдоль советско-маньчжурской границы и с помощью польских специалистов начало чтение советской шифропереписки. В 1934 г. Квантунская армия консолидировала всю белую эмиграцию на северо-востоке Китая под эгидой «Бюро по делам российских эмигрантов» (БРЭМ), в 1936–1938 гг. сформировало на ее базе диверсионно-разведывательный отряд «Асано» для действий на территории Дальнего Востока и Забайкалья. Также японским Генштабом предпринимались попытки сколотить агентурно-диверсионные группы из украинских и кавказских националистов в Европе и на Ближнем Востоке, а в 1937 г. Разведуправление заключило соглашение с абвером о создании к 1941 г. широкой сети разведывательно-диверсионных резидентур в Закавказье, Причерноморье и на Северном Кавказе для уничтожения советских нефтедобывающих предприятий и срыва морских перевозок по Черному морю в начальный период войны.

Несмотря на традиционный приоритет военно-морской разведки в сборе информации о США, она также активизировала свою деятельность на советском направлении: преобразованная в октябре 1933 г. из 3-го отделения в 3-е управление МГШ, разведслужба ВМФ Японии своевременно вскрыла появление во Владивостоке подводных лодок

³ Архив НИИО МНО Японии. 0 хорэй-кайгун (нифуку) кохо-25 (С12070284100). Л. 0720 – 0735; 0 хорэй-кайгун (нифуку) кохо-30 (С12070290300). Л. 0069 – 0100; 0 хорэй-кайгун (нифуку) кохо-50 (С12070330000). Л. 1617 – 1628.

и торпедных катеров, рост советской морской авиации на юге Приморья, поэтому образовала в 1935 г. в Сэйсине специальную резидентуру для наблюдения за главной базой Тихоокеанского флота. В своей деятельности она активно использовала экипажи рыболовных и грузопассажирских судов, ходивших в 1932–1941 г. из Кореи к советскому побережью, оборудовала несколько наблюдательных пунктов на прилегающих к границе высотах, однако не сумела организовать вывод агентуры в Приморье.

Информация сэйсинской резидентуры по ТОФ сопоставлялась с докладами владивостокского генерального консульства, а с 1937–1939 гг. дополнялась сводками радиоразведывательных пунктов флота в Кайбуне, Накаходзё и Сибата и полученными в порядке обмена материалами немецкой военной разведки. Это позволило командованию ВМФ Японии достаточно точно отслеживать изменения боевого состава Тихоокеанского флота и вносить коррективы в ежегодно разрабатываемые МГШ оперативные планы, хотя в оценке советской морской авиации флотская разведка ошибалась как минимум в 2 раза.

Итогом активизации деятельности разведывательного сообщества на советском направлении в первой половине 1930-х гг. стало внесение СССР в перечень главных противников в обновленном «Курсе национальной обороны империи» в июне 1936 г., поскольку наша страна, по мнению высшего руководства Японии, стремилась завоевать мировое господство путем установления диктатуры пролетариата и наращивания военных приготовлений, а также могла помешать Токио в реализации его планов по «превращению [Японии] в стабилизирующую и самую влиятельную силу в Восточной Азии»⁴. Однако, имея достаточное представление о численном и технологическом превосходстве советских Вооруженных сил над японскими, особенно по сухопутным войскам, Токио избрал курс на избегание войны с Москвой при демонстрации неуступчивости по спорным вопросам пограничного размежевания (Хасан в 1938 г. и Халхин-Гол в 1939 г.). Это, в свою очередь, обусловило наступательно-оборонительный характер оперативных планов Вооруженных сил Японии: их сценарии в 1933–1944 гг. сводились к тому, чтобы в начальный период войны сдержать наступление Красной армии в Северной и Западной Маньчжурии, одновременно или затем нанести мощный контрудар по Приморью и после разгрома советских войск в Уссурийском крае перенести центр тяжести боевых действий к предгорьям Хингана, откуда стремительно наступать в Забайкалье.

Во второй половине 1930-х гг. разведывательные органы армии и флота Японии начали испытывать значительные сложности с получением информации о Вооруженных силах, оборонно-промышленном комплексе, социально-экономическом и политическом развитии СССР. Советское правительство значительно ужесточило административный режим на Дальнем Востоке, ввело там пограничные зоны и осуществило в 1932–1935 гг. паспортизацию населения. В 1937 г. из Владивостока были фактически выдвинуты проживавшие там японские граждане, советские корейцы выселены из Приморского края в Среднюю Азию, закрылись японские консульства и действовавшие с их позиций резидентуры ГШ в Одессе, Новосибирске и Хабаровске. Значительное внимание советским руководством было уделено укреплению войск Приморского, Хабаровского и Забайкальского погранокругов НКВД. В результате с 1936 г. фактически была парализована заброска в СССР агентов ЯВМ Квантунской и Корейской армий, а также отделений военной жандармерии в Корее.

В связи с этим разведывательное сообщество Японии (военная, военно-морская разведки, военная жандармерия) были вынуждены искать новые методы получения интересующей их информации. Основной упор был сделан на развитие службы радиоразведки и криптоанализа (дешифровки).

⁴ Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-10 (С14061005100). Л. 0157 – 0159.

По линии военной разведки 10 марта 1939 г. из состава Разведуправления Генштаба в прямое подчинение образованной после начала японо-китайской войны в ноябре 1937 г. Императорской верховной ставки было передано дешифровальное отделение, которое 14 июля 1943 г. стало Главным разведывательным управлением со штатом в 401 сотрудника. К августу 1945 г. дешифровальная служба японской армии насчитывала уже 2 389 человек только в центральном аппарате. В Квантунской армии существовавшее с 1932 г. малочисленное особое (дешифровальное) отделение 2-го (разведывательного) отдела 1 августа 1938 г. было преобразовано в Специальное информационное управление со штатом 131 человек. К концу Второй Мировой войны оно насчитывало 1 744 сотрудника и контролировало открытый и зашифрованный радиообмен войск Дальневосточного и Забайкальского фронтов силами 7 радиоразведывательных пунктов⁵.

Флот также реорганизовал свою службу радиоразведки и криптоанализа, выделив ее в ноябре 1940 г. из 4-го управления МГШ в самостоятельное особое отделение. К августу 1945 г. центральный аппарат отделения и его радиоразведывательные пункты насчитывали около 4 000 человек [Ariga Tsutao 1994, с. 318]. Контроль радиообмена советского Тихоокеанского флота и пограничных войск на Дальнем Востоке осуществляли 4 радиоразведывательных пункта.

Второй шаг по преодолению кризиса в сборе информации по СССР был сделан за счет налаживания широких контактов с разведорганами ряда европейских стран. После захвата Польши нацистской Германией в сентябре 1939 г. и присоединения прибалтийских государств к СССР японские военные атташе в Финляндии, Швеции, Германии и Румынии взяли под свой контроль польскую и эстонскую разведывательные сети в нашей стране. Кроме того, ими было налажено тесное сотрудничество с дешифровальными службами Германии, Финляндии и Венгрии в области взлома советских шифров.

Тем временем, после начала японо-китайской войны в июле 1937 г. японские армия и флот за два года достаточно быстро оккупировали Северный и Центральный Китай, захватили о. Хайнань, чем резко ограничили поставки вооружения, военной техники и боеприпасов армии Чан Кайши через Гонконг и Гуанчжоувань, вынудив западные страны и Советский Союз осуществлять их, главным образом, через Французский Индокитай (Вьетнам), по Бирманской дороге и через Синьцзян.

Однако окончательно разгромить китайскую армию и склонить Чан Кайши к капитуляции Япония могла только в случае прекращения иностранной военной поддержки Чунцина. 27 июля 1940 г. координационное совещание правительства и Ставки приняло, а император Японии утвердил «Основные принципы урегулирования меняющейся ситуации в мире», в которых закреплялся курс на получение ресурсов Французского Индокитая, Голландской Ост-Индии (Индонезии), французских и бывших германских островов в южной части Тихого океана. С этого времени основной задачей разведорганов японской армии стало наблюдение за состоянием советской группировки войск за Байкалом, отслеживание динамики советско-германских отношений, налаживание контактов с лидерами националистических движений Юго-Восточной и Южной Азии, тогда как военно-морская разведка практически полностью сосредоточилась на сборе информации об американском и английском флотах.

⁵ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-гундзи гёсэй хэнсэй-1 (С12120966500). Л. 0047; Тюо-гундзи гёсэй хэнсэй-91 (С12121047500). Л. 0854 – 0855.

Противостояние японской разведки и советских спецорганов в 1941–1945 гг.

Хотя японская военная разведка смогла достоверно узнать о подготовке германского нападения на СССР только 5 июня 1941 г., сведения 2-го управления ГШ и 3-го управления МГШ о незначительном ослаблении группировки советских войск за Байкалом в результате перебросок резервов на запад и намерении правительства СССР вести войну до разгрома Третьего рейха легли в основу принятого руководством Японии 3 сентября 1941 г. решения о временном избегании конфликта с Москвой и директивы Ставки Квантунской армии от 3 декабря 1941 г. о переносе сроков нападения на весну.

Зимой 1942 г. военная и военно-морская разведки представили высшему руководству империи доклад об отсутствии перспектив для успешной реализации плана «Кантокуэн» и неблагоприятном развитии обстановки на советско-германском фронте для Третьего рейха, в результате чего 7 марта 1942 г. японское правительство решило перенести сроки нападения на Советский Союз на неопределенное время. В дальнейшем Разведуправление Генштаба практически безошибочно предсказало основные тенденции хода боев на Восточном фронте, а в июле 1943 г. сделало вывод о неминуемом поражении нацистской Германии. Однако разведорганы армии не сумели своевременно вскрыть начавшееся в 1944 г. усиление войск Дальневосточного и Забайкальского фронтов в рамках подготовки к кампании против Японии.

За время Великой Отечественной войны верховное командование японской армии значительно укрепило свою разведывательную организацию на советском направлении. На уровне стратегической разведки основное внимание уделялось обеспечению непрерывности и устойчивости поступления информации от агентурной сети польской, эстонской и финской военных разведок, для чего японским военным атташатам в Германии, Румынии, Швеции и Финляндии выделялись существенные финансовые и кадровые ресурсы. Значительное развитие получило сотрудничество Японии со странами фашистского блока во взломе советской военной и дипломатической шифропереписки, в результате чего к концу войны до 90% информации ГШ о советских войсках в Забайкалье, на Дальнем Востоке и в МНР приходилось на органы радиоразведки. Специальное информационное управление Квантунской армии читало главным образом закрытые 3-х и 4-значными шифрами с перешифровкой телеграммы в звене «дивизия – корпус», но шифропереписка на линиях связи «Ставка – фронт (армия)» не была дешифрована.

На уровне оперативной разведки реорганизация коснулась, в первую очередь, разведорганов Квантунской армии. С 1941 по 1945 г. их штаты выросли в 5 раз (с 356 до 1 725 человек), были развернуты центральная разведывательная школа в Имяньпо, специальный авиадесантный отряд и 2 партизанских отряда фронтового подчинения⁶. Однако основу агентурного аппарата разведорганов Квантунской армии с середины 1930-х гг. составляли китайцы (до 85 %), переброска которых на территорию советского Дальнего Востока не приносила желаемых результатов. Попытка армейской разведки организовать в 1943 г. вдоль Транссиба сеть радиофицированных резидентур из русских агентов для наблюдения за воинскими перевозками в случае войны не увенчалась успехом, поэтому в агентурной работе она полагалась на малонадежную маршрутную агентуру, сообщения разведчиков-дипкурьеров и сотрудников легальных резидентур под прикрытием консульств Маньчжоу-Го в Благовещенске и Чите.

Хотя военная разведка Японии не располагала информацией о достигнутом на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. соглашении о вступлении СССР в войну против империи, она

⁶ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-гундзи гёсэй хэнсэй-1 (С12120966500). Л. 0016, 0042 – 0046.

своевременно вскрыла начавшуюся весной 1945 г. перегруппировку советских войск с запада на восток. Ключевую роль в получении этой информации сыграли приграничные наблюдательные пункты Квантунской армии, курсировавшие по Транссибу в качестве дикпурьеров офицеры разведки и сотрудники читинской резидентуры. С учетом транспортных возможностей Транссибирской железной дороги и оценки минимально необходимого для наступления сил, 2-е управление Генштаба Японии сделало в июле вывод о том, что Советская армия перейдет к активным действиям уже в сентябре 1945 г.

Информация военной разведки дополнялась данными разведорганов японского флота. Несмотря на то, что они действовали на советском направлении крайне ограниченными силами – военно-морским атташом при японском посольстве в Москве, резидентурами МГШ в Берне, Сэйсине, Сеуле, Тоёхара (Южно-Сахалинске), 4 радиоразведывательными пунктами в Накаходзё, Сибата, Кайбуне (Хвемуне) и о. Шумшу – с опозданием на два месяца японская военно-морская разведка вскрыла начавшуюся в 1945 г. подготовку советской группировки войск и сил флота на Дальнем Востоке к войне с Токио. Силами и средствами радиоразведки, в частности, были установлены наращивание ВВС ТОФ и поставки боевых кораблей из США, а разведаппараты в Западной Европе, Москве и Сэйсине отслеживали переброски войск из европейской части СССР на Дальний Восток и мероприятия боевой подготовки Тихоокеанского флота.

В июле 1945 г. усилиями 3-го управления и особого отделения МГШ командование ВМФ Японии достоверно знало о неизбежности войны с СССР, однако точную дату ее начала ни военной, ни военно-морской разведкам установить не удалось, что во многом объяснялось отсутствием у них агентурных позиций в советских органах военного управления и неспособностью читать шифропереписку в звене «Ставка – фронт (флот) – армия».

Советские органы госбезопасности и военной контрразведки провели весной – летом 1945 г. комплекс мероприятий по оперативному противодействию японской разведке. Подразделения военной контрразведки 1-го, 2-го Дальневосточных и Забайкальского фронтов были усилены оперативным составом с большим опытом работы в боевых условиях. Был максимально ужесточен режим охраны границы. Выдвижение войск в исходные районы проводилось под видом учений за 1–2 суток до начала наступления. Радиосети вновь прибывавших соединений работали только на прием, связь между Ставкой, штабами фронтов и армий поддерживалась с использованием машинных шифраторов, за несколько суток до начала Маньчжурской наступательной операции были сменены все шифроключи [Внотченко Л.Н. 1971, с. 134–136].

В июле 1945 г. главное командование Квантунской армии с опозданием на месяц начало проводить спешную мобилизацию разведорганов для действий в период войны. В 3 раза увеличилась численность службы радиоразведки и криптоанализа, были образованы 3 оперативных центра («особые охранные отряды») и 5 партизанских отрядов. Однако закончить мобилизацию и слаживание разведорганов штаб армии не успел, в связи с чем подавляющее большинство из них после начала войны не сумело наладить получение достоверной информации о советских войсках и развернуть разведывательно-диверсионную деятельность в тылу Красной армии.

По линии военно-морской разведки Японии основной поток сведений о десантных операциях Тихоокеанского флота в скоротечной советско-японской войне в связи с эвакуацией сэйсинской резидентуры в Гэндзан и изоляцией консульств во Владивостоке и Петропавловске-Камчатском поступал в МГШ от радиоразведки, однако ее информация существенного влияния на ход боевых действий не оказала.

После капитуляции Японии 2 сентября 1945 г. ее разведывательное сообщество на некоторое время прекратило свою деятельность, однако в начале 1950-х гг. возобновило работу, в том числе против СССР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке. Военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе – сентябре 1945 г. Москва: Воениздат. 1971.

REFERENCES

Vnotchenko, L.N. (1971). Pobeda na Dal'nem Vostoke. Voенno-istoricheskii oчерk o boevykh deistviyakh sovetskikh voisk v avguste – sentyabre 1945 g. [Victory in the Far East. A Military Historical Essay on the Combat Operations of the Soviet troops in August–September 1945]. Moscow: Voenizdat. (In Russian).

* * *

Ariga, Tsutao. (1994). *Nihon rikukaigun-no johо kiko to sono katsudo* [Intelligence Agencies of the Imperial Japanese Army and Navy and Their Activities]. Tokyo: Kindai bungeisha. (In Japanese).

Kaigun seido enkaku. Hi. (1941). [The Development of the Organization of the Navy. Secret]. Vol. 2. Tokyo: Kaigun daijin kambo. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 18.06.2024

Received: 18 June 2024

Принята к публикации: 20.10.2024

Accepted: 20 October 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-33-47

Средства формирования политической лояльности подростающего поколения русских эмигрантов к японским оккупационным властям на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии)

Е.С. Бабкина, Ю.С. Пестушко, С.И. Якимова

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей формирования политической лояльности подростающего поколения русских эмигрантов к японским оккупационным властям на территории Северо-Восточного Китая. Хронологические рамки настоящего исследования определены 1931–1945 гг. и затрагивают один из самых сложных и противоречивых периодов в истории Азиатско-Тихоокеанского региона. В 1931 г. Япония, реализуя геостратегическую программу по завоеванию Азии, оккупировала северо-восточную часть Китая – Маньчжурию. В стремлении легитимировать свои права и укрепить влияние на аннексированной территории оккупационные власти разработали нестандартную, не имеющую аналогов стратегическую программу по формированию лояльности населения к экспансионистскому политическому режиму. Пристальным объектом внимания представителей новой власти стало подростающее поколение русских эмигрантов как эффективный и продуктивный в количественном и качественном отношении ресурс, способный в кратчайшие сроки обеспечить прорывное развитие слабого в экономическом и индустриальном отношении региона. Разработанная японцами система юридических, политических, организационных, идеологических средств воздействия на подростающее поколение русских эмигрантов, реализуемая на индивидуальном, институциональном и государственном уровнях, была направлена на формирование нового поколения граждан Маньчжоу-Ди-Го, лояльного к японскому политическому режиму и добровольно реализующего панasiatскую программу. Материалом для настоящего исследования послужили документы, сохранившиеся в эмигрантских фондах Государственного архива Хабаровского края: личные дела российских эмигрантов, включающие переписку с крупными деятелями русской эмиграции в изучаемый период, материалы агентурных сведений, приказы, распоряжения и отчеты, корреспонденцию чиновников и ответственных лиц Японской военной миссии. Кроме того, привлекались периодические издания для детей и молодежи, издававшиеся россиянами в Китае в начале – середине XX в., представляющие в настоящее время библиографическую редкость. Методологическую базу работы составили актуальные научные подходы, принципы и методы исследования: историко-культурный, социокультурный, системно-исторический, культурологический, компаративистский подход, номотетический (обобщающий) принцип исследования, методы сравнительно-исторического, синхронического, структурно-типологического, описательного, биографического, системного анализа.

Ключевые слова: политическая лояльность, Япония, Северо-Восточный Китай, Маньчжурия, оккупация, подростающее поколение, русская эмиграция.

Авторы:

Бабкина Екатерина Сергеевна, д.филол.н., профессор высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса, директор Института социально-политических технологий и коммуникаций ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет». ORCID: 0000-0001-7310-7798; E-mail: 006007@pnu.edu.ru

Пестушко Юрий Сергеевич, д.ист.н., доцент, профессор высшей школы дизайна и искусств ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет». ORCID: 0000-0002-9397-8096; E-mail: 009968@pnu.edu.ru

Якимова Светлана Ивановна, д.филол.н., доцент, профессор высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет». ORCID: 0000-0003-4810-9956; E-mail: 005563@pnu.edu.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бабкина Е.С. Средства формирования политической лояльности подрастающего поколения русских эмигрантов к японским оккупационным властям на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) // Японские исследования. 2024. № 4. С. 33–47. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-33-47

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20352, <https://rscf.ru/project/24-28-20352/>.

Means of forming political loyalty of the younger generation of Russian emigrants to the Japanese occupation authorities in the territory of Northeast China (Manchuria)

E.S. Babkina, Y.S. Pestushko, S.I. Yakimova

Abstract. The article studies the peculiarities of the formation of political loyalty of the Russian younger generation of emigrants to the Japanese occupation authorities in Northeast China. The chronological scope of this study is defined as 1931–1945 and covers one of the most complex and controversial periods in the history of the Asia-Pacific region. Implementing a geostrategic program to conquer Asia in 1931, Japan occupied the northeastern part of China – Manchuria. In an effort to legitimize their rights and strengthen their influence in the annexed territory, the occupation authorities developed a non-standard, unique strategic program to build the population’s loyalty to the expansionist political regime. The new generation of Russian emigrants, being an effective and productive resource in terms of quality and quantity, capable of ensuring breakthrough development of an economically and industrially weak region in the shortest possible time, became an object of close attention for the representatives of the new government. Developed by the Japanese and implemented at the individual, institutional, and state levels, the system of legal, political, organizational, and ideological means of influencing the younger generation of Russian emigrants was aimed at forming a new generation of citizens of Manchukuo, loyal to the Japanese political regime and voluntarily implementing the pan-Asian program. The material for this research was the documents preserved in the emigrant funds of the State Archives of the Khabarovsk Territory: personal files of Russian emigrants, including correspondence with major figures of the Russian emigration during the period under study, materials from intelligence agencies, orders, instructions and reports, correspondence of officials and individuals responsible for the Japanese military mission; periodicals for children and youth published by Russians in China in the early to mid-20th century, which are currently a bibliographic rarity.

The methodological basis of the work was made up of modern scientific approaches, principles, and research methods: historical-cultural, sociocultural, systemic-historical, cultural, comparative approach, nomothetic (generalizing) principle of research, methods of comparative-historical, synchronic, structural-typological, descriptive, biographical, and systemic analysis.

Keywords: political loyalty, Japan, Northeast China, Manchuria, occupation, younger generation, Russian emigration.

Authors:

Babkina Ekaterina S., Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Graduate School of Media, Communications and Service, Director of the Institute of Socio-Political Technologies and Communications of the Pacific State University. ORCID: 0000-0001-7310-7798; E-mail: 006007@pnu.edu.ru

Pestushko Yuri S., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Higher School of Design and Art of the Pacific State University. ORCID: 0000-0002-9397-8096; E-mail: 009968@pnu.edu.ru

Yakimova Svetlana I., Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Graduate School of Media, Communications and Service of the Pacific State University. ORCID: 0000-0003-4810-9956; E-mail: 005563@pnu.edu.ru

Conflict of interest. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Babkina, E.S., Pestushko, Y.S., Yakimova, S.I. (2024). Sredstva formirovaniya politicheskoi loyal'nosti podrastayushchego pokoleniya russkikh emigrantov k yaponskim okkupatsionnym vlastyam na territorii Severo-Vostochnogo Kitaya (Man'chzhurii) [Means of forming political loyalty of the younger generation of Russian emigrants to the Japanese occupation authorities in the territory of Northeast China (Manchuria)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 4, 33–47. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-33-47

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation (grant project No. 24-28-20352), <https://rscf.ru/project/24-28-20352/>

Введение

В сентябре 1931 г. Япония начала оккупацию Северо-Восточного Китая. Это событие имело далеко идущие последствия: завоевание Маньчжурии стало частью амбициозных политических устремлений Японии по установлению экономического и идеологического протектората в странах Азии. Политическая ситуация в Северо-Восточном Китае благоприятствовала реализации планов Японии: гражданская война между Северным и Южным Китаем, начавшаяся еще в 1910-х гг., подорвала экономику, ослабила единство государства. Поэтому японская армия без особого труда в сентябре 1931 г. захватила провинции Мукден и Гиричун, а в ноябре 1931 г. завладела провинцией Хэйлунцзян. Чжан Сюэлян, главнокомандующий Северо-Восточной армией, имевший в подчинении войско, всемерно превосходящее неприятеля, принял решение не столько сосредоточить усилия на противостояние оккупантам, сколько уделить внимание потенциальной угрозе со стороны стран Коминтерна [Фоменко 2015, с. 43].

В марте 1932 г. на захваченной территории оккупанты основали государство Маньчжоу-Го. Во главе нового политического образования был поставлен последний представитель маньчжурской династии Цин – император Пу И. Его приход к власти стал символическим актом, направленным на укрепление власти Японии в Северо-Восточном Китае. Маньчжоу-Го стало марионеточным государством, подконтрольным Японии, и служило ее интересам в этом регионе. В марте 1933 г. в состав молодого государства была включена провинция Жэхэ.

На протяжении всего периода завоевания во всех публичных заявлениях подчеркивалось, что, несмотря на то, что Маньчжоу-Го было образовано с помощью японцев, оно «является независимым государством, не имеющим отношения к территории собственно Японии», а «японская армия заняла районы Северной Маньчжурии <...> не преследуя никаких завоевательных задач, а исключительно движимая чувством дружбы к правительству Маньчжоу-го и желанием оказать ему помощь в деле восстановления порядка»¹. Спустя два года, 1 марта 1934 г., государство Маньчжоу-Го было провозглашено империей Маньчжоу-Ди-Го. Данный политический ход был рассчитан на то, чтобы сохранить видимость соблюдения международного права и дипломатических норм.

Смоделированная японцами политическая и экономическая модель освоения ресурсов Маньчжурии кардинально отличалась от практики экспансии крупнейших мировых держав: «вместо примитивной колониальной эксплуатации этого региона путем вывоза природных ресурсов, приоритет был отдан развитию его промышленности и инфраструктуры за счет крупных инвестиций японского капитала» [Сидоров 2008, с. 361]. Последующее десятилетие для молодой империи Маньчжоу-Ди-Го стало периодом динамичных и масштабных реформ.

Подрастающее поколение русских эмигрантов как субъект формирования политической лояльности к японскому оккупационному режиму

Одной из приоритетных задач внутренней политики Японии на аннексированной территории стало формирование лояльности местного населения к политическому режиму новой власти. В реализации намеченного японцы делали ставку и на русскую диаспору, ее количественный и интеллектуально-образовательный потенциал.

По различным данным русская колония в Маньчжурии составляла от 250 [Аблова 1999, с. 127] до 400 тыс. человек [Печерица 1998, с. 264] и включала представителей различных национальностей и конфессий, некогда проживавших на территории Российской империи. Находясь в изгнании, представители каждой этнорелигиозной группы стремились сохранить свою общность и целостность (соблюдали традиции, продолжали практиковать национальные обычаи), однако при этом ориентировались на язык и культуру русской нации, «родиной называли Россию, себя – “русскими подданными”, а после 20-х гг. – “русскими эмигрантами”» [Забяко 2009, с. 111]. «Русскость» как психологическая, культурная и языковая установка явилась объединяющим началом для всех бывших подданных Российской империи².

В качественном отношении русская диаспора в Северо-Восточном Китае также была очень перспективной: промышленники и купцы (5,95 % всего русского эмигрантского населения), дворяне (3,6 %), чиновники и интеллигенция (10,9 %), рабочие и крестьяне (68,7 %) [Дубинина, Ципкин 1996, с. 72–73]. В реализации масштабных внешнеполитических устремлений японцев русские могли оказать оккупантам неоценимую услугу: «В силу своего исторического развития и образовательной подготовки русские являлись в Маньчжоу-Ди-Го одним из наиболее подготовленных к работе на индустриальном производстве народов, и японская администрация рассматривала их, с одной стороны, как ресурс для обеспечения форсированных темпов индустриализации, а с другой – как союзников в будущей войне с СССР» [Белоглазова 2015, с. 221].

¹ Заря. Харбин. 1932. 31 мая. С. 1.

² *Забяко А.А., Забияко А.П., Легошко С.С., Хисамутдинов А.А.* Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2015. С. 155.

Русские эмигранты неоднозначно отреагировали на приход японцев и образование нового государства. Старшее поколение русской диаспоры, свято хранившее память о соотечественниках, погибших при защите морской крепости Порт-Артур в русско-японской войне, восприняло японцев настороженно. Молодежь, а также политически ангажированная часть русских эмигрантов, разделявшая антикоммунистическую политику оккупантов, была более лояльной и в день вхождения армии захватчиков в Харбин вышла на улицы, приветствуя японцев³. По воспоминаниям эмигрантов, японские войска «входили довольно спокойно, без эксцессов. К русским относились дружелюбно, особенно к детям. Подзывали к себе, угощали сливочными ирисками фабрики “Моринага” <...> Солдаты не лезли в дома <...> Все вздохнули с облегчением» [Берзин 2017, с. 40]. Были среди выходцев из России и те, кто оказался равнодушен к политическим воззваниям новой власти. Оценив настроения русской диаспоры, японское командование приняло решение усилить административный контроль за «белой» колонией.

Фактическим руководящим органом Маньчжоу-Ди-Го являлась Японская военная миссия (ЯВМ), которая осуществляла контроль за всеми сферами жизни русских эмигрантов. 28 декабря 1934 г. было учреждено Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). Формально данный административный орган «подчинялся министру народного благополучия Маньчжоу-Ди-Го, фактически – Японской военной миссии, взявшей на себя его финансирование» [Аурилене 1996, с. 20]. В положении о БРЭМ отмечалось, что «Бюро является административным учреждением Маньчжоу-Го» и осуществляет руководство «общественной деятельностью различных эмигрантских организаций и отдельных эмигрантов, защитой их правовых, экономических и культурных интересов» [Аурилене 1996, с. 120].

Пристальное внимание японцев было устремлено на подрастающее поколение русских изгнанников. Оккупанты осознавали, что «расцвет государства всегда совпадает с расцветом его молодых сил. И если государственная жизнь испытывает затруднения, то последние должны преодолеваются путем перестройки государственной политики, используя для этого, как опору, здоровые молодые силы страны»⁴. По сути, весь комплекс инициатив властей был направлен на воспитание будущих патриотов Маньчжоу-Ди-Го – детей и молодежи, которые в количественном отношении составляли около 30 % от всего числа эмигрантов [Бабкина 2018, с. 61]. По плану Японской военной миссии, «молодежь в будущем призвана быть основным кадром государства, принявшим на себя задачу продолжения работы теперяшнего поколения и создания еще лучших условий для работы будущего»⁵. Под влиянием грамотной идейно-воспитательной и идеологической работы поколение, пережившее оккупацию, должно позабыть факт военной агрессии и жестокость захватчиков, проникнуться духом паназиатизма, стать полностью подконтрольным и принимать добровольное участие в реализации внешнеполитических устремлений Японии – гореть «неугасаемым стремлением жертвенного служения государству»⁶, проникнуться «готовностью в любой момент жертвенно отдать свои силы на преодоление всех препятствий, могущих встретиться на пути народов Азии»⁷. Именно

³ Заря. Харбин. 1932. 9 февраля. С. 1.

⁴ Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. 1942. С. 208.

⁵ Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. 1942. С. 207.

⁶ Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. 1942. С. 208.

⁷ Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. 1942. С. 213.

сознательное и добровольное соблюдение подрастающим поколением русских эмигрантов установленного властью Маньчжоу-Ди-Го порядка должно было лечь в основу социального поведения и сформировать политическую лояльность граждан молодой империи.

Японцы осознавали, что правомерность и законность установленной власти должна подкрепляться комплексно, на различных уровнях (государственном, институциональном, индивидуальном), а лояльное отношение к ней формироваться системно (юридическими, экономическими, организационными, идеологическими средствами), поэтому последующее десятилетие в Маньчжоу-Ди-Го прошло под лозунгом «Молодежь – это будущее государства»⁸ и явилось периодом активных реформ, направленных на формирование внутренней и внешней конформности юных граждан как установки массового сознания и коллективного поведения следования политическому курсу паназиатизма.

Средства формирования политической лояльности русской молодежи в Маньчжоу-Ди-Го

Юридическое признание Маньчжоу-Ди-Го международным сообществом позволило японцам не только легитимизировать власть и снизить накал негативных настроений внутри страны, но и перейти к следующей фазе преобразований – укреплению доверия граждан к новой власти на идеологическом, организационном и экономическом уровнях.

Оккупанты осознавали, что лояльность формируется в рамках основных социальных институтов. Государственная идея Маньчжоу-Ди-Го расценивала здоровую в нравственном и физическом отношениях семью как первичную социальную ячейку, от физического и духовного уровня которой зависит благополучие всех граждан, а из этих ячеек складывается единая дружная и здоровая семья народов империи.

С первых дней оккупации Маньчжурии под предлогом отсутствия казенного жилья японские служащие начали заселяться в русские семьи: «Так начальник военной миссии в Бухэду Сакагучи жил в квартире у хозяйки электростанции Пенязевой» [Берзин 2017, с. 44]. В семьях эмигрантов японцы вели себя сдержанно, почтительно, «но совали нос в кастрюли» [Берзин 2017, с. 40], к традициям и обычаям россиян относились с уважением, принимали участие в общественных мероприятиях, посвященных памятным событиям и народным праздникам. В задачи постояльцев входило приобщение русских к культуре, обычаям, национальной кухне японского народа, обучение языку. В летний период японцы на «поездах дружбы» вывозили эмигрантов на отдых, на лоне природы устраивали конноспортивные развлечения [Берзин 2017, с. 44].

Безусловно, столь стремительное и близкое вхождение в быт и трудовые будни русских эмигрантов японских военных создавало напряжение, однако воспринималось разными поколениями неодинаково. Русская эмигрантка Е.Г. Явцева (дочь лидера русской эмиграции атамана Г.М. Семенова) так описывает свои детские впечатления от встречи с японскими военными на панихиде по русским военным, погибшим в 1904–1905 гг. при защите военной крепости Порт-Артур: «Оказалось, что кроме нас, учащихся и преподавателей Дайренской гимназии, кроме русской общественности и множества частных лиц, на панихиде присутствуют еще ... представители японского военного командования и почетный караул порт-артурского гарнизона. Военные появились совершенно неожиданно (для меня) <...> бесшумно, четко построились у края площадки – и замерли. И стояли так всю панихиду – по стойке

⁸ Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. 1942. С. 209.

“смирно” держа в левой руке головные уборы. Торжественным молчанием, парадностью военной формы, самим своим присутствием японские военные отдавали дань уважения мужеству павших российских воинов. Своих бывших противников. Позже мне сказали, что японские военные присутствуют на панихидах всегда, с тех давних пор, как сами же они (!) воздвигли на русском военном кладбище этот памятный монумент. Они же, военные местного гарнизона, постоянно потом помогали русской общественности (весьма немногочисленной и довольно бедной в Порт-Артуре), содержать кладбище в достойном памяти воинов порядке. Я хорошо помню, что ни у меня, ни у моих сверстников <...> присутствие японских военных особого восторга не вызвало. Но и назвать мое (наше) отношение к ним однозначно отрицательным я бы тоже не могла. Оно было каким-то двойственным» [Явцева 2017, с. 17–18]. Подкрепить и усилить достигнутые эффекты были призваны административные методы влияния. В январе 1932 г. Общество русских в Маньчжурии и Монголии начало процедуру перехода русских эмигрантов в подданство нового государства [Кротова 2012, с. 77]. Реакция эмигрантов на данную инициативу была неоднозначной, однако многие русские перешли в подданство Маньчжоу-Го. В 1933 г., с началом переговоров Китая и СССР о продаже Китайско-Восточной железной дороги, многие эмигранты, понимая, что советскому влиянию в Маньчжурии приходит конец, начали возвращение из советского гражданства в эмигрантское состояние. Японские оккупационные власти, демонстрируя лояльность к русскому населению, значительно упростили процедуру «десоветизации».

С приходом к власти японцы легализовали ту часть политических эмигрантских объединений, в том числе молодежных, которая ранее была запрещена китайскими властями или функционировала полулегально. Так, свое институциональное оформление получили молодежные объединения монархического крыла – Союз мушкетеров, Русский сокол, Российский Обще-Воинский союз (РОВС), Маньчжурский отдел Национальной организации русских разведчиков (НОРР), молодежный отдел Дальневосточного союза военных (ДСВ), а также молодежные подразделения праворадикального политического крыла – Всероссийской фашистской партии (впоследствии Российского фашистского союза) – Союз Юных Фашистов (Авангард), Союз Юных Фашисток и Союз Фашистских Крошек.

Под предлогом консолидации разрозненного эмигрантского сообщества Японская военная миссия в административном порядке силами БРЭМ решила проблему объединения русской диаспоры – молодежные организации, наравне со всеми иными объединениями русских эмигрантов, были взяты под контроль. На должности председателей БРЭМ японцы поставили лидеров политических объединений белоэмигрантов и авторитетных представителей генеральско-офицерского корпуса Российской империи – А.П. Бакшеева, Л.Ф. Власьевского, В.А. Кислицына, В.В. Рычкова [Цветков 2009, с. 133].

Высокие чины во вновь организованных социальных и политических структурах японцы охотно предлагали и молодым эмигрантам, проявлявшим лояльность к новой власти. Так, ключевые позиции в аппарате БРЭМ заняли фашисты, одними из первых выразившие готовность служить оккупантам. На должность руководителя Всероссийской фашистской партии в 1931 г. был утвержден двадцатичетырехлетний К.В. Родзаевский (1907 г.р.), радикальный антикоммунист. Он же получил должность начальника второго (культурно-просветительского) отдела БРЭМ. На место начальника канцелярии Всероссийской фашистской партии (в 1935 г.), а затем и начальника организационного отдела ВФП (в 1936 г.) был назначен Л.П. Охотин (1911 г.р.). Должность руководителя третьего (регистрационного) отдела занял двадцативосьмилетний М.А. Матковский (1903 г.р.) [Бабкина 2018, с. 238–265].

На должности руководителей молодежных подразделений иных политических и общественных объединений русских эмигрантов была назначена идеологически проверенная молодежь: начальник Монархического объединения Б.Н. Шепунов (1897 г.р.) [Смирнов 2023, с. 33], руководитель «Союза мушкетеров» В.С. Барышников (1906 г.р.), лидер Союза

националистической молодежи С.Ф. Коротеев (1906 г.р.) [Смирнов 2023, с. 34], уполномоченный третьего отдела БРЭМ по группе русских служащих Кёвакай в особом отделе Биньцзянского штаба Л.В. Вашута (1906 г.р.) [Бабкина 2018, с. 398], начальник второго (военного) отдела БРЭМ Н.Б. Коссов (1908 г.р.) [Смирнов 2023, с. 36], исполняющий обязанности вице-председателя Объединения российской молодежи, старший русский диктор и руководитель ежедневных русскоязычных эфиров на Харбинской радиостанции Д.И. Устинов (1911 г.р.) [Бабкина 2018, с. 291–292] и другие.

Назначение молодой поросли белоэмигрантов на ключевые посты властных структур и общественных объединений должно было свидетельствовать об уважении, признании новой властью россиян как «части большой государственной семьи народов Маньчжоу-Ди-Го»⁹, сигнализировало о готовности японцев вовлекать данную социальную группу в решение значимых общественно-политических проблем государства. Глубоко прагматичные действия властей отвечали присущей молодежи потребности в уважении, признании, самореализации, удовлетворении личных амбиций (возможности повышения социального статуса и материального благосостояния, вхождения в правящую элиту).

Укрепление вертикали власти сопровождалось формированием развернутой системы общественных институтов патриотического воспитания, в рамках которых государство могло бы не только регулировать социальные настроения молодежи, активизировавшейся на фоне советско-японской конфронтации конца 1930-х гг., но и вовлекать ее в решение конкретных проблем внутреннего и внешнего значения.

В период с января 1937 г. по май 1941 г. решением Министерства государственной безопасности, Министерства народного благополучия и Министерства по делам Монголии на территории Маньчжоу-Ди-Го в целях «здорового развития народа в духовном и физическом отношениях», усиления «государственной народной обороноспособности»¹⁰ были открыты специальные курсы воспитания и подготовки молодежи «Сэйэн кунрэндзё» (Сэйкун), учреждены организация юношества и молодежи «Сэйсё нэндан» и «Российская эмигрантская организация молодежи Кёвакай», открыты Высшие курсы для русской молодежи, основаны русские молодежные отряды Кёвакай [Бабкина 2018, с. 225–226].

Эффективным средством достижения политической лояльности к режиму Маньчжоу-Ди-Го стала разработка и внедрение в сознание подрастающего поколения русских эмигрантов масштабной общезначимой цели, способной сплотить население вокруг представителей государственной власти. Поскольку японская администрация планировала использовать русскую колонию в Маньчжурии как эффективный ресурс для удовлетворения масштабных внешнеполитических амбиций, то в качестве объединяющей идеи выдвинула перед эмигрантами великую цель борьбы с «красным дьяволом»¹¹ – коммунизмом и советским режимом в СССР. Позднее, в 1941 г., с началом Тихоокеанской войны, ряды неприятелей пополнили англосаксы, «с которыми доблестная армия и флот Великого Императорского Ниппон ведут героическую борьбу за торжество нового, светлого порядка в мире»¹².

Проверенным оружием в деле идеологической пропаганды стала периодическая печать. Еще в 1920-е гг. в Маньчжурии была сформирована широкая сеть детско-юношеских и молодежных изданий на русском языке. После оккупации Северо-Востока Китая для усиления контроля над эмигрантами японское правительство монополизировало рынок

⁹ Движение молодежи Киова: в 2-х книгах. [Б.м.]. 1943. Кн. 1. С.42.

¹⁰ Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. 1942. С. 209.

¹¹ *Родзаевский К.* Разбудить и организовать творческие силы нашего народа // Наш путь. 1943. 3 января. С. 2.

¹² Великие цели перед российской эмигрантской молодежью и ответственные задачи ее воспитания // *Голос эмигрантов.* 1942. № 31(219). С. 7.

русской прессы. Однако выпуск русскоязычных изданий, адресованных подрастающему поколению русских эмигрантов, не прекратился, напротив, их количество возросло [Бабкина 2018, с. 59–70]. В 1934–1945 гг. на средства БРЭМ и Кёвакай выпускались русскоязычный журнал «Луч Азии», однодневная газета «День русского ребенка», газеты «Голос эмигрантов», «Боевой друг», «Издание учащихся общественной гимназии Бюро по делам российских эмигрантов “Друг юношества”», общественно-политический и литературный журнал Муданьцзянского штаба Кёвакай «На штурм», ежемесячный журнал литературной секции пристанского кружка молодежи Бюро эмигрантов «Пробуждение» [Бабкина 2018, с. 268].

Русскоязычная периодика призывала много и активно работать, «вытравливая яд интернационализма и безверия из душ сотен тысяч русских детей»¹³. В схватке с «ненавистным игом» «российская молодежь, родившаяся для созидательной работы в такой исторический и критический момент, должна в будущем принять участие как святая сила будущей, великой, созидательной войны», объединиться «за создание Великой Восточной Азии, проявив высочайшую солидарность с Маньчжоу-Ди-Го»¹⁴. Поскольку «порабощенный русский народ лишен возможности собственными силами порвать цепи рабства»¹⁵, спасительной силой в деле борьбы за освобождение России должен стать союз и дружба с Японией: «этот союз и эта дружба необходимы и неизбежны, что для нас, русских, являются СПАСИТЕЛЬНЫМИ. Япония – лидер народов Великой Восточной Азии, в ее руках судьба этой одной из величайших частей света. В добрососедстве и доброжелательстве Японии мы, русские, нуждаемся во всех отношениях»¹⁶.

Русскоязычная молодежная пресса, вовлеченная в японскую пропаганду, активно транслировала идеи единства целей, идеологических установок Маньчжоу-Ди-Го и эмигрантского сообщества, чем вносила свой вклад в укрепление авторитета государственной власти.

Административные и идеологические средства формирования лояльности подкреплялись экономическими. Согласно официальному отчету БРЭМ за 1935 г., из 22 526 официально зарегистрированных лиц старше 17 лет 12 275 были безработными [Бойко 2022, с. 1003]. Власти взяли на себя заботы по трудоустройству эмигрантов, оказанию финансовой помощи наиболее незащищенным социальным слоям населения: Бюро занималось переселением добровольцев в сельскохозяйственные районы страны, нуждавшиеся в рабочей силе; организовывало рабочие места при самом БРЭМ; на постоянной основе проводило благотворительные мероприятия – «День русского инвалида», «День русского ребенка» [Цветков 2009, с. 135].

Политические партии и общественные объединения, разделявшие политику Японской военной миссии, получали от нее щедрую финансовую поддержку. Так, например, Всероссийская фашистская партия, одна из самых многочисленных и влиятельных политических организаций русского зарубежья Дальнего Востока, содержалась на деньги японцев [Стефан 1992, с. 94].

В рамках реализуемой программы японо-русского сближения на средства БРЭМ и Кёвакай при учебных заведениях и общественных учреждениях русских эмигрантов были открыты кружки по изучению японской культуры и японского языка [Смирнов 2007, с. 63], систематически организовывались ознакомительные поездки в Японию. Объявления и отзывы о поездках в Японию публиковались на юношеской странице газеты «Голос эмигрантов»¹⁷. Программа по японо-русскому сближению стала важным шагом в укреплении

¹³ Наш путь. 1933. 29 ноября. С. 6.

¹⁴ Великие цели перед российской эмигрантской молодежью и ответственные задачи ее воспитания. Голос эмигрантов. 1942 г. 1 июня. С. 1.

¹⁵ Зарубежный казак: издание БРЭМ в Хайларе. Харбин. 1940. Сентябрь. С. 27.

¹⁶ 3 января 1943 г. // *Наш путь*. Шанхай. 1943 г. № 80. С. 1.

¹⁷ Организуется новая интересная экскурсия в Ниппон // *Голос эмигрантов*. Харбин. 1939. Сентябрь. С. 8.

культурных связей между двумя странами: информировала о событиях в регионе, приобщала россиян к культуре, философии, ценностям Востока.

На средства БРЭМ содержались женская и мужская русские гимназии, обучались сироты и дети русской бедноты, устраивались летние оздоровительные лагеря [Бабкина, 2018, с. 266], субсидировались приют «Ясли» [Бабкина 2018, с. 100], Дом Милосердия Камчатского подворья (г. Харбин)¹⁸.

Внимание к нуждам эмигрантов, участие в благотворительности должны были свидетельствовать о заботе, проявляемой руководством Маньчжоу-Ди-Го по отношению к эмигрантской колонии, повышать доверие русской диаспоры к новой власти.

В конце 1930-х гг. выплаты россиянам стали более системными и адресными: «Квантунская армия непосредственно выплачивала по 20 тыс. иен в месяц для руководства эмиграцией. Определенные средства тратились на вербовку диверсионных отрядов. Семьям завербованных платили по 20–30 иен в месяц в виде помощи, причем эти средства выплачивались из секретных фондов» [Наземцева 2020, с. 40]. Как следствие – некоторая часть эмигрантской молодежи (не только лояльной, но и индифферентно настроенной) демонстрировала готовность взаимодействовать с японцами [Смирнов 2023, с. 32–35].

Разработанные японцами административные, экономические, идеологические средства укрепления доверия подрастающего поколения русских эмигрантов к новой власти, подкрепляемые хорошо выстроенной системной работой молодежных институтов, со временем должны были дать позитивный социальный эффект: повысить вовлеченность молодежи во внутри- и внешнеполитические процессы, сформировать долгосрочную лояльность к власти.

Факторы дестабилизации лояльности русской молодежи к японским властям как следствие неустойчивости внутренней и внешней политики Маньчжоу-Ди-Го

Несмотря на то, что несовпадение культурных, религиозных, ценностных оснований русской и японской культур являлись серьезной преградой в установлении эффективного диалога и признании легитимности власти оккупантов русской диаспорой, у правительства Маньчжоу-Ди-Го были все основания рассчитывать на успех. Эмигрантская молодежь, ставшая свидетелем и участником кардинальных государственных преобразований в Российской империи и масштабных внешнеполитических трансформаций в Восточной Азии в начале XX в. в большей степени, нежели представители старшего поколения, была зависима от внешнего воздействия и ситуативных процессов, а потому склонна к смене авторитетов и конверсии гражданской позиции.

Идеологами японского экспансионизма была разработана стройная концепция политики мирного формирования приверженности подрастающего поколения русских эмигрантов целям, нормам, ценностям, политическим устремлениям Японии. Системные воздействия (административные, экономические, идеологические) на русскую молодежь на уровне существующих социальных институтов Маньчжоу-Ди-Го в начале 1930-х гг. были весьма успешными, поскольку отвечали политическим и карьерным амбициям значительной части русской эмигрантской молодежи. Даже те представители подрастающего поколения русских эмигрантов, которые не разделяли способов достижения устремлений японцев, до

¹⁸ Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. 1942. С. 308.

определенного момента проявляли к ним лояльность, демонстрировали законопочитание, поскольку их интересы пересекались с интересами оккупантов.

Однако уже со второй половины 1930-х гг. в связи с обострением японо-китайской войны и участвовавшими советско-японскими военными противостояниями отношение японцев к представителям русской диаспоры в Маньчжурии изменилось: «со временем японцы стали вмешиваться во все стороны жизни: от хозяйственной до религиозной» [Берзин 2017, с. 46].

Административный контроль за русской колонией усилился многократно. Свободное перемещение по стране европейскому населению было запрещено. Чтобы выехать из одного района в другой требовалась виза, а ряд направлений (Бухэду, Аньда¹⁹), в которых располагались стратегически значимые объекты, и вовсе были закрыты для эмигрантов.

Лицо, не зарегистрированное в БРЭМ, расценивалось властями как незаконопослушный, а значит опасный гражданин. Образовательные и политические организации русской молодежи, не пожелавшие действовать в соответствии с предписаниями японцев (Харбинское отделение РОВС, Маньчжурский отдел КИАФ, Союз мушкетеров), были расформированы, а их руководители высланы из страны [Смирнов 2007, с. 62].

В целях укрепления политической и оборонной мощи, усиления разведывательно-диверсионной работы на территории СССР в 1938 г. из состава русской эмигрантской молодежи был сформирован «Отряд Асано» (отделения действовали по всей стране): «забирали в эти отряды, не спрашивая желаний, а в случае отказа служить, применяли различные репрессивные меры» [Берзин 2017, с. 45].

Наиболее деструктивными оказались действия властей, направленные на трансформацию системы ценностей русской диаспоры. Старшее поколение русских эмигрантов ощущало тоску по старой России и прежнему укладу жизни и старалось убедить русскую молодежь, «что недалек уже день освобождения России от ига коммунистов, прекрасный и радостный день возвращения <...> на воскресшую Родину»²⁰ и приложило все усилия, чтобы «воспитать русских детей, любящих свою Родину <...> знающих русский язык и русскую историю»²¹.

Изучение эпистолярного наследия младшего поколения русских эмигрантов и содержания периодических изданий для детей и молодежи русского зарубежья Дальнего Востока 1920-х – 1940-х гг. позволило выявить аксиологические императивы эмигрантов-дальневосточников: «Россия»²², «любовь к прошлому России, к ее истории» [Крузенштерн-Петерек 1998, с. 41–42], «преданность Христовой вере»²³, «безгранично богатая русская культура, могучий русский язык, все науки и искусства российские, блестящая классическая поэзия и литература»²⁴.

Методичная, последовательная работа социальных институтов русского зарубежья Дальнего Востока (семьи, церкви, образовательных учреждений, политических и общественных организаций, средств массовой информации) по сохранению многовековых традиций и культурного достояния России доказала свою эффективность. Ни чуждая языковая и культурная среда, ни начавшиеся процессы аккультурации не помешали детям-эмигрантам, имевшим «очень смутные представления о действительной жизни на Родине»²⁵, вырасти

¹⁹ На станции Аньда располагался отряд 731, который занимался разработкой бактериологического оружия.

²⁰ Обращение Высокопреосвященнейшего Виктора, Архиепископа Китайского и Пекинского, к русским детям // *Вестник национальной организации русских скаутов-разведчиков*. 1939. № 8. С. 14.

²¹ См. женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // *Рубеж*. 1934. № 47. С. 24–25.

²² *Волин М.* Россия. Чураевка: литературная газета. 1932. № 7 (1). 27 декабря. С. 1.

²³ *Грызлов Алексей.* Бог, Родина и честность. Чураевка: ежемесячная литературная газета. 1933. № 4 (10). 14 ноября. С. 4.

²⁴ Обращение Высокопреосвященнейшего Виктора, Архиепископа Китайского и Пекинского, к русским детям // *Вестник национальной организации русских скаутов-разведчиков*. 1939. № 8. С. 13.

²⁵ «Будто нет расстоянья и времени нет...» (Из писем поэтов, бывших эмигрантов, к А. В. Ревоненко).

истинными патриотами: «У нас нет воспоминаний, которые перетряхивает старшее поколение эмигрантов, а между тем мы чувствуем себя до крайности русскими»²⁶, – вспоминал один из участников молодежного объединения «Молодая Чураевка» поэт Н. Щеголев.

Инициировав в 1937 г. образовательную реформу эмигрантских учебных заведений, японцы посягнули на основополагающую константу аксиологической системы эмигрантов – родной язык. В русле деклараций о духовном единстве между Японией и Маньчжоу-Ди-Го японский язык был объявлен приоритетным для образования (в высшей школе обучение велось только на нем) [Белоглазова 2015, с. 217]. Преподавание на китайском в школах Маньчжоу-Ди-Го не предусматривалось, обучение на маньчжурском и русском языках допускалось в исключительных случаях, с разрешения японских властей [Бабкина 2018, с. 227].

Однако «больше всего русское население было возмущено вмешательством японцев в религию» [Ильин, 1966, с. 196]. Эпистолярное наследие бывших харбинцев и личные дела представителей русского духовенства (иеромонаха Мефодия²⁷, архиепископа Нестора²⁸), сохранившиеся в архивах русского зарубежья, свидетельствуют о том, что японцы начали принуждать русских эмигрантов (особенно молодежь) поклоняться синтоистской богине Аматэрасу. Но встретив осязаемое сопротивление со стороны значительной части русской диаспоры, в том числе молодежи, японцы были вынуждены отступить.

Как отмечает историк С. Б. Белоглазова, наперекор устремлениям властей «предложенный японской администрацией комплекс ценностей не был воспринят русской диаспорой, предпочитавшей ориентироваться на традиционные ценности своего народа» [Белоглазова 2015, с. 221]. Едва достигнутое в начале 1930-х гг. равновесие между устремлениями и институционализированными способами достижения ожиданий русских и японцев было нарушено, эмигрантская молодежь уже не ощущала своей принадлежности и вовлеченности в общее дело, что привело к росту протестных настроений, снижению политической активности молодежи (как следствие – массовый выход русского юношества из Союза мушкетеров и Российской фашистской партии).

Уровень доверия эмигрантов к власти стремительно падал, русская диаспора все отчетливее осознавала, что «Великий Ниппон <...> насаживает на штык русских пигмеев как на вертел» [Ильин 1966, с. 180], и, не имея возможности открыто выразить свой протест, начала «голосовать ногами»: русские массово покидали Маньчжоу-Ди-Го, несмотря на то, что выехать из страны становилось все сложнее.

Начавшаяся в 1941 г. Азиатско-Тихоокеанская война еще более усугубила ситуацию: «удивительно было то, что наряду со всеми военными ликованиями японцы все хуже обращались с эмиграцией и все больше восстанавливали против себя русских. Со стороны казалось, что словно какая-то злая воля толкала их делать разные глупости» [Ильин 1966, с. 190], «была совершенно непонятна эта какая-то озлобленность и даже издевательство в отношении русских эмигрантов, в которых японцы хотели видеть “союзников” в борьбе в коммунизмом» [Ильин 1966, с. 196].

Нападение Германии на СССР и начало Великой Отечественной войны способствовали росту патриотизма в эмигрантской среде. Следя за продвижением фашистских войск по территории Родины, опасаясь возможного скорого нападения японцев на советский Дальний Восток, русские эмигранты искали любые сведения о событиях, происходивших в отечестве, однако «японские сводки и радио-сообщения отличались необыкновенным враньем» [Ильин 1966, с. 182]. Обман, плохо скрывааемые манипуляции со стороны японцев, ущемленное

Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова. 2006. С. 77.

²⁶ Щеголев Н. Что такое «Молодая Чураевка»? // Парус. 1931. № 1. С. 82.

²⁷ Иеромонах Мефодий. ГАХК. ФР. 830. Оп. 3. Ед. хр. 30695.

²⁸ Архиепископ Нестор (Николай Александрович Анисимов). ГАХК. ФР. 830. Оп. 3. Ед. хр. 1069.

чувство национальной гордости и личного самолюбия эмигрантов, нежелание действовать в чужих интересах способствовали увеличению числа оппозиционно настроенной молодежи. Достижение политической лояльности представителей русской диаспоры к властям Маньчжоу-Ди-Го стало невозможным.

Поражение Японии во Второй мировой войне положило конец паназиатским проектам японцев. Представителей русской диаспоры ждала реэмиграция или второй исход в США, Австралию, страны Европы. Однако попытка построения политического диалога между русской эмигрантской молодежью и японскими властями Маньчжоу-Ди-Го являет собой интересный и перспективный для изучения опыт формирования политической лояльности и коллективной государственной идентичности как значимого ресурса сохранения устойчивости развития страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аблова Н.Е. История КВЖД и российская эмиграция в Китае (первая половина XX в.). Благовещенск: БГУ. 1999.
- Аурилене Е.Е. Российская эмиграция в Маньчжурии в 30-40-е гг. XX в.: на примере деятельности Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток. 1996.
- Бабкина Е.С. Журналистика русского зарубежья Дальнего Востока для детей и молодежи в социокультурном контексте (1898–1945 гг.): дис. ... доктора филол. наук. Санкт-Петербург. 2018.
- Белокурова С.Б. Русские школы в контексте образовательной реформы 1937 г. в Маньчжоу-Ди-Го // *Россия и АТР*. 2015. № 4 (90). С. 212–222.
- Берзин Г.П. Пути из Латвии в Маньчжурию. История семьи Берзиных // *Русская Атлантида*. 2017. № 67. С. 37–50.
- Бойко И.В. Русские эмигранты и японское элитарное образование в Маньчжоу-го. *Новейшая история России*, 2022. Том 12. № 4. С. 999–1017.
- Дубинина Н.И., Ципкин Ю.Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (на материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // *Отечественная история*. 1996. № 1. С. 70–84.
- Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Звезды Маньчжурии»: инокультурное пространство в восприятии писателей-эмигрантов. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии: монография. Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2009.
- Ильин И. На службе у японцев // *Новый журнал*. Нью-Йорк. 1966. Кн. 85. С. 193–211.
- Кротова М.В. Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляция с гражданством как стратегия выживания // *Новый исторический вестник*. 2012. № 32. С. 66–83.
- Крузенштерн-Перетец Ю.В. Воспоминания (продолжение). *Россияне в Азии*: лит.-ист. ежегодник / под ред. О. Бакич. Торонто: Изд-во центра по изучению России и Восточной Европы в Торонтском ун-те. 1998. Вып. 5. С. 25–83.
- Наземцева Е.Н. Политика японских оккупационных властей в отношении русской эмиграции на оккупированных территориях Китая в период Второй мировой войны // *Современные востоковедческие исследования*. 2020. Вып. 2. № 5. С. 38–48.
- Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток: Изд-во ДВГУ. 1998.
- Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений 1918–1939. Москва. 2008.
- Смирнов С.В. Молодежная «политика» Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (1935 – 1945) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2023. № 1. С. 29–40.
- Смирнов С.В. Японская политика в Маньчжурии и русские эмигрантские организации (1932–1945) // *Уральское востоковедение*. 2007. Вып. 2. С. 59–64.

- Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // *Рубеж*. 1934. № 47. С. 24–25.
- Стефан Дж. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции. 1925. Москва: Ex libris. 1992.
- Фоменко В.М. Социокультурная политика Японии в Маньчжоу-Го (1932–1945): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск. 2015.
- Цветков И. Финансовые органы БРЭМ и их деятельность (декабрь 1934 – август 1945 г.) // *Власть*. 2009. № 6. С. 133–136.
- Явцева Е.Г. (Семенова). Да, я – дочь атамана Семенова // *Русская Атлантида*. 2017. № 67. С. 3–25.

REFERENCES

- Ablova, N.E. (1999). *Istoriya KVZHD i rossiiskaya emigratsiya v Kitae (pervaya polovina XX v.)* [History of Chinese Eastern Railway and Russian Emigration in China (First Half of the 20th Century)]. Blagoveshchensk: BGU. (In Russian).
- Aurilene, E.E. (1996). *Rossiiskaya emigratsiya v Man'chzhurii v 30–40-e gg. XX v.: Na primere deyatel'nosti Byuro po delam rossiiskikh emigrantov v Man'chzhurskoi imperii* [Russian Emigration in Manchuria in the 1930s–1940s: On the Example of the Activities of the Bureau of the Affairs of Russian Emigrants in the Manchurian Empire]. Candidate of Historical Sciences Dissertation. Vladivostok. (In Russian).
- Babkina, E.S. (2018). *Zhurnalistika russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka dlya detei i molodezhi v sotsiokul'turnom kontekste (1898–1945 gg.)* [Journalism of Russians Living Abroad of the Far East for Children and Youth in the Sociocultural Context (1898–1945)]. Doctor of Philological Sciences Dissertation. Saint Petersburg. (In Russian).
- Beloglazova, S.B. (2015). *Russkie shkoly v kontekste obrazovatel'noi reformy 1937 g. v Man'chzhou-Di-Go* [Russian Schools in the Context of the 1937 Education Reform in Manchu-Di-Go]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia Pacific], № 4 (90), 212–222. (In Russian).
- Berzin, G.P. (2017). *Puti iz Latvii v Man'chzhuriyu. Istoriya sem'i Berzinykh* [Ways From Latvia to Manchuria. History of the Berzin Family]. *Russkaya Atlantida* [Russian Atlantis], 67, 37–50. (In Russian).
- Boiko, I.V. (2022). *Russkie emigranty i yaponskoe elitarnoe obrazovanie v Man'chzhou-go* [Russian Emigrants and Japanese Elite Education in Manchukuo]. *Noveishaya istoriya Rossii* [Contemporary History of Russia], 12 (4), 999–1017. (In Russian).
- Dubinina, N.I., Tsipkin, Yu.N. (1996). *Ob osobennostyakh dal'nevostochnoi vetvi rossiiskoi emigratsii (na materialakh Kharbinskogo komiteta pomoshchi russkim bezhentsam)* [On the Peculiarities of the Far Eastern Branch of Russian Emigration (Using the Materials of the Kharbin Committee for Assisting Russian Refugees)]. *Otechestvennaya istoriya* [History of the Fatherland], 1, 70–84. (In Russian).
- Fomenko, V.M. (2015). *Sotsiokul'turnaya politika Yaponii v Man'chzhou-Go (1932–1945)* [Sociocultural Policy of Japan in Manchukuo (1932–1945)]. Candidate of Historical Sciences Dissertation. Irkutsk. (In Russian).
- Il'in, I. (1966). *Na sluzhbe u yapontsev* [In Japanese Service]. *Novyi zhurnal* [New Magazine], 85, 193–211. New York. (In Russian).
- Krotova, M.V. (2012). *Russkie emigranty v mezhoennoi Man'chzhurii: manipulatsiya s grazhdanstvom kak strategiya vyzhivaniya* [Russian Emigrants in Interbellum Manchuria: Manipulation of Citizenship as a Strategy of Survival]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 32, 66–83. (In Russian).
- Kruzenshtern-Peretets, Yu.V. (1998). *Vospominaniya (prodolzhenie)* [Memoirs (Continuation)]. In *Rossiyanе v Azii: lit.-ist. ezhegodnik* [Russians in Asia: A Literary-Historical Yearbook], ed by O. Bakich, Issue 5 (pp. 25–83). Toronto: Izd-vo tsentra po izucheniyu Rossii i Vostochnoi Evropy v Torontskom un-te. (In Russian).

- Nazemtseva, E.N. (2020). Politika yaponskikh okkupatsionnykh vlastei v otnoshenii russkoi emigratsii na okkupirovannykh territoriyakh Kitaya v period Vtoroi mirovoi voiny [Policy of Japanese Occupation Authorities Regarding Russian Emigrants in the Occupied Territories of China During World War II]. *Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya*, 2 (5), 38–48. (In Russian).
- Pecheritsa, V.F. (1998). *Dukhovnaya kul'tura russkoi emigratsii v Kitae* [Spiritual Culture of Russian Emigration in China]. Vladivostok: Izd-vo DVGU. (In Russian).
- Sidorov, A.Yu., Kleimenova, N.E. (2008). *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii 1918–1939* [History of International Relations]. Moscow. (In Russian).
- Smirnov, S.V. (2007). Yaponskaya politika v Man'chzhurii i russkie ehmigrantstkie organizatsii (1932–1945) [Japanese Policy in Manchuria and Russian Emigrant Organizations (1932–1945)]. *Ural'skoe vostokovedenie*, 2, 59–64. (In Russian).
- Smirnov, S.V. (2023). Molodezhnaya «politika» Byuro po delam rossiiskikh ehmigrantov v Man'chzhurskoi imperii (1935–1945) [Youth “Policy” of the Bureau of the Affairs of Russian Emigrants in the Manchurian Empire (1935–1945)]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 1, 29–40. (In Russian).
- Smotr zhenskikh literaturnykh sil ehmigratsii Dal'nego Vostoka [A Review of Female Literary Forces of the Emigration of the Far East]. (1934). *Rubezh*, 47, 24–25. (In Russian).
- Stefan, Dzh. (1925). Russkie fashisty: Tragediya i fars v ehmigratsii. 1925 [Russian Fascists: Tragedy and Farce in Emigration. 1925]. Moskva: Ex libris. (In Russian).
- Tsvetkov, I. (2009). Finansovye organy BREM i ikh deyatel'nost' (dekabr' 1934 – avgust 1945 g.) [Financial Bodies of Bureau of the Affairs of Russian Emigrants in the Manchurian Empire and Their Activities (December 1934 – August 1945)]. *Vlast'*, 6, 133–136. (In Russian).
- Yavtseva, E.G. (Semenova). (2017). Da, ya – doch' atamana Semenova [Yes, I Am Ataman Semenov's Daughter]. *Russkaya Atlantida* [Russian Atlantis], 67, 3–25. (In Russian).
- Zabiyako, A.A., Efendieva, G.V. (2009). «Zvezdy Man'chzhurii»: inokul'turnoe prostranstvo v vospriyatii pisatelei-emigrantov. *Mezh dvukh mirov: Russkie pisateli v Man'chzhurii: monografiya* [“Stars of Manchuria:” Foreign Cultural Space in the Perception of Emigrant Writers. Between Two Worlds: Russian Writers in Manchuria: A Monograph]. Blagoveshchensk: Amurskii gos. un-t. (In Russian).

Поступила в редакцию: 13.07.2024

Received: 13 July 2024

Принята к публикации: 20.10.2024

Accepted: 20 October 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-48-69

Космическая политика Японии: международно-правовой ракурс

А.Д. Вылегжанин, М.Р. Юзбаиян, М.Е. Мунтян

Аннотация. Технологические возможности Японии и ее национальные приоритеты в космической политике способствуют быстрому прогрессу в этой области, обеспечивая баланс между научными исследованиями, промышленным развитием и национальной безопасностью. В статье рассматривается японская национальная правовая база, регулирующая космическую деятельность. Анализируются ключевые законодательные акты: Закон о JAXA 2002 г., Основной закон о космосе 2008 г., Закон о космической деятельности 2016 г., Закон о дистанционном зондировании 2016 г. и Закон о поощрении предпринимательской деятельности, связанной с исследованием и освоением космических ресурсов, 2021 г. Указанные акты рассматриваются в контексте применимого международного космического права. Исследуются причины перехода космической политики Японии от «невоенной» к «неагрессивной» в 2008 г. и последствия таких изменений для национального законодательства. Представлен анализ четвертого в мире (после аналогичных актов США, Люксембурга и ОАЭ) закона о природных ресурсах небесных тел, позволяющего частным организациям исследовать и добывать природные ресурсы небесных тел и особенно значимого в свете отсутствия прямого международно-правового регулирования природоресурсной деятельности в космосе. В настоящей работе также рассматриваются направления договорно-правовой космической политики Японии, в том числе японо-американское Рамочное соглашение о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, в мирных целях 2023 г., в свете особо тесного японо-американского сотрудничества в области исследования и использования космического пространства. Принятие Японией отдельного закона в отношении исследования и добычи природных ресурсов небесных тел, наряду с участием Японии в таких проектах, как «Артемиды», Lunar Gateway и Nakuto-R, свидетельствует о ее растущей роли в международных космических проектах и стремлении к наиболее тесному сотрудничеству с США в области обеспечения национальной безопасности посредством использования космического пространства. В заключении предложены обобщающие констатации.

Ключевые слова: Япония, космическая политика, международное космическое право, природные ресурсы небесных тел, космическая деятельность, японо-американские отношения.

Авторы:

Вылегжанин Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, руководитель Лаборатории международно-правовых исследований МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, пр. Вернадского, 76). ORCID: 0000-0003-4833-2525; E-mail: sopspravo@mail.ru

Юзбаиян Мариам Романовна, кандидат юридических наук, участник проекта РНФ № 23-18-00977, МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0003-3231-8489; E-mail: m_you@mail.ru

Мунтян Марина Евгеньевна, аспирантка кафедры международного права МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, пр. Вернадского, 76).

ORCID: 0000-0003-0650-7243; E-mail: m.e.muntyan@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Вылегжанин А.Д., Юзбашьян М.Р., Мунтян М.Е. Космическая политика Японии: международно-правовой ракурс // Японские исследования. 2024. № 4. С. 48–69. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-48-69

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00977, <https://rscf.ru/project/23-18-00977/>.

Japanese space policy: An international legal perspective

A.N. Vylegzhanin, M.R. Yuzbashyan, M.E. Muntian

Abstract. Japan’s advancements in technology and its strategic focus on space policy have driven swift advancements in the field, attributed to Japan’s ability to balance scientific exploration, industrial growth, and national defense. This article examines Japan’s national legal framework governing space activities. The key pieces of legislation analyzed are the Law Concerning Japan Aerospace Exploration Agency of 2002, the Basic Space Law of 2008, the Act on Launching of Spacecraft, etc. and Control of Spacecraft of 2016, the Act on Ensuring Appropriate Handling of Satellite Remote Sensing Data of 2016, and the Act on the Promotion of Business Activities for the Exploration and Development of Space Resources of 2021. The analysis of these activities is conducted in accordance with the relevant international space legal framework. The article delves into the shift in Japan’s space policy from “non-military” to “non-aggressive” in 2008 and its impact on national legislation. An examination is provided of the fourth law in the world (following similar actions by the USA, Luxembourg, and the UAE) concerning the exploitation of natural resources of celestial bodies, enabling private entities to conduct exploration and extraction activities. This is especially noteworthy given the lack of direct international legal oversight on space resource utilization. This article also examines Japan’s international legal space policy, including the Japan-U.S. Framework Agreement on Cooperation in the Exploration and Peaceful Uses of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies 2023, in light of the particularly close Japan-U.S. cooperation in space exploration and use. Japan’s enactment of a law regarding the exploration and exploitation of natural resources of celestial bodies, along with Japan’s participation in projects such as Artemis, Lunar Gateway, and Hakuto-R, demonstrates its growing role in international space projects and its pursuit of the closest possible cooperation with the United States in ensuring national security through the use of outer space. The conclusion offers summarizing statements.

Keywords: Japan, space policy, international space law, natural resources of celestial bodies, space activities, Japanese-American relations.

Authors:

Vylegzhanin Alexander N., Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Laboratory of International Legal Research, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4833-2525; E-mail: sopspravo@mail.ru

Yuzbashyan Mariam R., PhD in Law, participant of the RSF project No. 23-18-00977. ORCID: 0000-0003-3231-8489; E-mail: m_you@mail.ru

Muntian Marina E., Postgraduate Student, The International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0650-7243; E-mail: m.e.muntyan@yandex.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Vylegzhanin, A.N., Yuzbashyan, M.R., Muntian, M.E. (2024). Kosmicheskaya politika Yaponii: mezhdunarodno-pravovoi rakurs [Japanese space policy: An international legal perspective]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 4, 48–69. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-48-69

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 23-18-00977, <https://rscf.ru/project/23-18-00977/>).

Введение

Вклад волеизъявления (заявленного или молчаливого) всякого государства в прогрессивное развитие международного права, в поддержание правопорядка в мире юридически значим, в том числе с точки зрения культуры этого государства, его истории и традиций, «диалектики культурного самопостижения (dialectic of cultural self-comprehension)» [Köchler 2009, p. 66]. Эта констатация, несомненно, применима и к оценке вклада Японии в формирование будущего международного правопорядка в космосе [Капустин 2021; Юзбашян 2024].

Япония не упоминается в качестве крупной космической державы, сравнимой с США, Россией, Китаем, но технический потенциал японской космической отрасли в сочетании с национальным видением приоритетных направлений ее космической политики позволяет этому государству стремительно развиваться в обозначенной сфере, оптимально балансируя между различными видами космической деятельности (научные исследования, промышленное развитие и обеспечение национальной безопасности).

В таком контексте в настоящей статье, после представления базовых фактических данных о деятельности Японии в космосе, исследуется ее национальное законодательство о такой деятельности (Закон о создании Японского агентства аэрокосмических исследований 2002 г.; Основной закон Японии о космосе 2008 г.; Закон Японии о космической деятельности 2016 г.; Закон Японии о дистанционном зондировании 2016 г.; Закон Японии о поощрении предпринимательской деятельности, связанной с исследованием и освоением космических ресурсов, 2021 г.), на фоне применимого международного космического права. В следующем разделе статьи анализируется договорно-правовая политика Японии в области исследования и использования космоса, в том числе японо-американское рамочное соглашение о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, в мирных целях 2023 г. В заключении предложены обобщающие констатации.

Базовые сведения о космической деятельности Японии

Первый японский спутник Ohsumi был запущен (после СССР, США и Франции) в 1970 г., благодаря чему Япония стала четвертым в мире государством, обладающим технологиями выхода в космическое пространство [Takeuchi 2019, p. 130]. В конце 2019 г. Япония установила мировой рекорд Гиннеса, запустив спутник Tsubame на рекордно низкую для космических объектов высоту (всего в 167 км над поверхностью планеты)¹. Из сравнительно недавно актуализированных направлений космической деятельности государство показывает явную заинтересованность в изучении природных ресурсов небесных тел: в 2010 г. завершилась миссия по запуску и возвращению на Землю

¹ Super Low Altitude Test Satellite (SLATS) “TSUBAME” has set a GUINNESS WORLD RECORDS(R) // National Research & Development Agency Japan Aerospace Exploration Agency (JAXA). December 24, 2019. <https://global.jaxa.jp/press/2019/12/20191224a.html> (дата обращения: 08.07.2024).

космического аппарата Hayabusa-1, впервые доставившего грунт с околоземного астероида Итокава [Jakhu 2017, p. 101], а в 2020 г. – миссия Hayabusa-2, позволившая получить углеродистые образцы с астероида Рюгу². Не менее значимым является и расширение возможностей японской спутниковой навигации и связи: с 2010 г. по настоящее время Япония в сотрудничестве с США реализует программу «Квазизенитная спутниковая система» (Quasi-Zenith Satellite System), целью которой является размещение 7 основных и 1 резервного навигационного спутника³. 19 января 2024 г. Япония успешно осуществила посадку космического аппарата на поверхность Луны⁴.

Выступая в рамках Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу, японская делегация не раз констатировала, что исследование и использование природных ресурсов небесных тел «обладает огромным потенциалом, способным принести значительную пользу человечеству, обеспечить устойчивое развитие на Земле»⁵. Япония обозначает приверженность Договору о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. (далее – Договор по космосу)⁶, заявляя о том, что деятельность японских лиц в рамках таких проектов, как Lunar Gateway⁷, Smart Lander for Investigating Moon (SLIM)⁸, LUPEX (Lunar Polar Exploration)⁹, Martian Moons eXploration (MMX)¹⁰, осуществляется «с разрешения и под постоянным наблюдением правительства Японии в соответствии со статьей VI Договора». Япония является одним из первоначальных участников этого договора¹¹; в 1983 г. она присоединилась к другим универсальным международным договорам по космической деятельности (Соглашению о спасании космонавтов, возвращении космонавтов

² Hayabusa2.JAXA // National Research & Development Agency Japan Aerospace Exploration Agency (JAXA). <https://www.hayabusa2.jaxa.jp/en/> (дата обращения: 05.07.2024).

³ Региональная навигационная спутниковая система QZSS // Прикладной потребительский центр ГЛОНАСС. <https://glonass-iac.ru/guide/gnss/qzss.php> (дата обращения: 04.07.2024).

⁴ Jones, A. Japan makes history with tense, successful moon landing // SpaceNews. January 19, 2024. <https://spacenews.com/japan-makes-history-with-tense-successful-moon-landing/> (дата обращения: 08.07.2024). Актуальный список всех лунных миссий см.: Missions to the Moon. <https://nssdc.gsfc.nasa.gov/planetary/planets/moonpage.html>.

⁵ Japan Item 10 – General exchange of views on potential legal models for activities in exploration, exploitation and utilization of space resources // Committee on the Peaceful Uses of Outer Space, Legal Subcommittee, 62nd Session. https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2023/Statements/22_PM/10_Japan_21_Mar_AM_r1.pdf (дата обращения: 08.07.2024).

⁶ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 года) // ООН. Конвенции и соглашения. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 21.11.2023).

⁷ Осуществляемая NASA в сотрудничестве с ЕКА, Японией и Канадой миссия по сооружению первой внеземной космической станции, размещенной на лунной орбите. Плановый год запуска – 2025. <https://www.nasa.gov/mission/gateway/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁸ Японская миссия по запуску малогабаритного исследовательского космического аппарата, предназначенного для изучения Луны. 1 октября 2023 года SLIM перешел на окололунную орбиту и направился к Луне. https://global.jaxa.jp/press/2023/10/20231002-1_e.html (дата обращения: 01.07.2024).

⁹ Совместная миссия Японии и Индии, предусматривающая запуск лунного аппарата для исследования количества и качества воды на южном полюсе Луны. Плановый год запуска – 2025. <https://global.jaxa.jp/activity/pr/jaxas/no092/02.html> (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁰ Миссия по исследованию двух спутников Марса (Фобос и Деймос) в целях сбора научных данных и отбора проб с их поверхности. Плановый год запуска – 2025. <https://www.mmx.jaxa.jp/en/> (дата обращения: 01.07.2024).

¹¹ Япония ратифицировала Договор по космосу 10 октября 1967 г. В эту дату договор вступил в силу. <https://treaties.un.org/pages/showdetails.aspx?objid=0800000280128cbd> (дата обращения: 01.07.2024).

и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство 1968 г.¹²; Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г.¹³; Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство 1975 г.¹⁴)¹⁵. Примечательно, что (как и Россия, Китай и США) Япония не участвует в Соглашении о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.¹⁶. Напомним, что это соглашение квалифицирует небесные тела и их природные ресурсы как «общее наследие человечества»¹⁷. В 2021 г. Япония последовала примеру США, которые в 2015 г. включили собственное толкование международно-правового принципа неприсвоения небесных тел в свое национальное законодательство; в октябре 2020 г. Япония стала одним из девяти первых государств-участников инициированных Соединенными Штатами Соглашений «Артемиды» [Вылегжанин, Юзбашян, Алексеев 2023].

Законодательство Японии об исследовании и использовании космического пространства

Японское законодательство публикуется на официальных сайтах не только на японском, но и на английском языке (в порядке перевода), что способствует доступности такого законодательства.

Закон о создании Японского агентства аэрокосмических исследований 2002 г. Японское агентство аэрокосмических исследований (JAXA) было создано в 2003 г., когда вступил в силу Закон о его создании (Law Concerning Japan Aerospace Exploration Agency; принят в 2002 г.; далее – Закон о JAXA)¹⁸. В 2005 г. JAXA разработало концепцию своей дальнейшей деятельности на период до 2025 г. под названием Vision 2025. В документе обозначены такие приоритеты, как расширение исследований по использованию Луны, развитие робототехники, нанотехнологий и микромашиностроения; разработка технологий энергообеспечения с использованием солнечной энергии; подготовка к созданию обитаемой лунной базы; укрепление международного сотрудничества в целях эффективного освоения космоса [Jakhu 2017, p. 101].

Закон о JAXA юридически разделяет режим аэрокосмических и аэронавигационных исследований: первые осуществляются «исключительно в мирных целях» и «на комплексной

¹² Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (принято резолюцией 2345 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1967 года) // ООН. Конвенции и соглашения. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/astronauts_rescue.shtml (дата обращения: 21.11.2023).

¹³ Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (принята резолюцией 2777 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 29.11.1971) // ООН. Конвенции и соглашения. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml (дата обращения: 21.11.2023).

¹⁴ Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (принята резолюцией 3235 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 12.11.1974) // ООН. Конвенции и соглашения. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/objects_registration.shtml (дата обращения: 21.11.2023).

¹⁵ В совокупности с Договором по космосу 1967 г. в официальных документах ООН они именуются как «пять договоров ООН по космосу».

¹⁶ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 05.12.1979) // ООН. Конвенции и соглашения. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 21.11.2023).

¹⁷ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 05.12.1979) // ООН. Конвенции и соглашения. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 21.11.2023).

¹⁸ Law Concerning Japan Aerospace Exploration Agency of 2002 // JAXA. https://global.jaxa.jp/about/law/law_e.pdf (дата обращения: 08.07.2024).

и программной основе»; а вторые – просто «на комплексной основе»¹⁹. При этом отметим, что на заре своего существования JAXA представляло собой научно-техническое агентство, которое не укрепляло связи с оборонными ведомствами [Yoshimatsu 2021, p. 307]. Поправки, внесенные в Закон о JAXA в 2012 г., расширили сферу его деятельности, в том числе позволив агентству заниматься разработкой и запуском космических аппаратов двойного назначения, а также осуществлять контроль за системой так называемой «космической ситуационной осведомленности» (space situational awareness)²⁰.

Основной закон Японии о космосе 2008 г.

27 августа 2008 г. вступил в силу Основной закон Японии о космосе (Basic Space Law)²¹, в научной литературе описываемый в качестве «отправной точки для более системного понимания возможностей использования космического пространства» [Pekkanen, Kallender-Umezu 2010, p. 208]. Подчеркивается, что японское законодательство в области космической деятельности до 2008 г. являлось уникальным именно в силу приверженности принципу исследования и использования космического пространства в «мирных целях», «невоенных» [Peoples 2013; Pekkanen, Kallender-Umezu 2010, p. 208]. В Дополнительной резолюции к статье 1 Закона о Национальном агентстве по освоению космического пространства²² от 1969 г. японский законодатель истолковал понятие «мирные цели» как исключаящие любую военную акцию в космическом пространстве, в том числе и в оборонительных целях [Peoples 2013, p. 136] (при том, что универсальное международное космическое право предусматривает такой запрет только применительно к небесным телам, но не в целом в отношении космического пространства – ст. IV Договора по космосу 1967 г. [Berkman, Vylegzhanin, Yuzbashyan, Mauduit 2018, p. 25–26]). Подобное ограничение Японией до 2008 г. своего военного использования космоса главным образом преследовало цель обеспечения космической политики статье 9 ее Конституции, гласящей, что в государстве «никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны»²³. Тем самым до 2008 г. ограничивались возможности использования космического пространства Силами самообороны Японии (Japan Self-Defense Forces)²⁴. Как отмечает проф. Университета Кэйо С. Аоки, сначала перед государством «был поставлен вопрос о возможности использования вооруженными силами

¹⁹ Law Concerning Japan Aerospace Exploration Agency of 2002, art. 4// JAXA. https://global.jaxa.jp/about/law/law_e.pdf (дата обращения: 08.07.2024).

²⁰ Под космической ситуационной осведомленностью понимается «сбор, хранение и анализ информации о космической среде, в том числе о находящихся в ней космических аппаратах (включая корпуса ракет, а также иные объекты и фрагменты, связанные с полетами космических аппаратов); природных объектах, таких как астероиды, кометы и метеороиды; особенностях космической погоды, включая солнечную активность и радиацию; потенциальных рисках для частных лиц и их имущества в космосе, на Земле и в воздушном пространстве в случае случайных или преднамеренных возвращений космических аппаратов, их разрушения или столкновения на орбите, радиочастотных помех и иных происшествий, которые могут нарушить работу зависящих от спутниковых технологий служб». Цит. по: Skinner, M.A., Oltrogge, D., Strah, M., Rovetto, R.J., Lacroix, A., Kumar, A. K. A., Grattan, K., Francillout, L. & Alonso I. (2022). Space traffic management terminology. *Journal of Space Safety Engineering*, № 9(4), p. 646.

²¹ Basic Space Law (Law No.43 of 2008) // JAXA. <https://stage.tksj.jaxa.jp/spacelaw/country/japan/27A-1.E.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).

²² Агентство, предшествующее JAXA и отчасти выполнявшее его функции с 1969 г. по 2003 г. наряду с Институтом космоса и астронавтики (Institute of Space and Astronautical Science – ISAS) и Национальной аэрокосмической лабораторией Японии (National Aerospace Laboratory of Japan – NAL).

²³ Конституция Японии 1947 г. // WIPO Lex. <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2637> (дата обращения: 07.07.2024).

²⁴ Современное название вооруженных сил Японии – The Japan Self-Defense Forces (JSDF).

гражданского спутника CS-2 для телекоммуникационных нужд», затем – о допустимости обращения Сил самообороны Японии «за бюджетными ассигнованиями на приобретение оборудования с целью использования американских военных телекоммуникационных спутников Fleetsat в совместных учениях» [Jakhu 2010, p. 216]. Среди прочих причин такого изменения японской космической программы в научной литературе приводятся следующие: запуск Северной Кореей в августе 1998 г. баллистической ракеты «Тэпходон», пролетевшей над Японией и упавшей впоследствии в Тихий океан [Peoples 2013, p. 137]; испытание Китаем в январе 2007 г. противоспутникового оружия [Takeuchi 2019, p. 131]; заинтересованность представителей частного сектора в участии в военных разработках с целью получения государственного финансирования [Pekkanen, Kallender-Umezu 2010].

Основной закон Японии о космосе 2008 г. закрепил обязанность государства «принимать все необходимые меры для использования космического пространства в целях [...] поддержания национальной безопасности Японии»²⁵. Данный подход нашел отражение в «Основном плане Японии по космической политике» (Basic Plan on Space Policy) 2009 г., обозначившим в качестве одного из основополагающих принципов будущей космической программы исследование и использование космоса в интересах «национальной безопасности с сохранением исключительно оборонительного характера»²⁶. Таким образом, Министерство обороны Японии, ранее с осторожностью относившееся к разработке военной космической программы по причине институционального консерватизма и отсутствия соответствующих бюджетных ассигнований, получило доступ к различного рода ресурсам JAXA и право инициативы в отношении определения дальнейшего развития космических технологий [Kallender-Umezu 2013, p. 32]. В соответствии с Основным законом о космосе 2008 г. был создан Стратегический штаб по национальной космической политике Японии²⁷ (его главой является Премьер-министр)²⁸.

Основной закон Японии о космосе 2008 г. значим еще и тем, что в нем государство предусмотрело содействие частному сектору в освоении и использовании космического пространства, приняло меры по поощрению инвестиций в космическую отрасль²⁹. На данный момент одним из наиболее заметных участников японского коммерческого сектора является компания ispace, цель которой заключается в освоении Луны, изучении ее водных ресурсов. Штаб-квартира ispace находится в Японии, ее подразделения – в Люксембурге и США³⁰, где дочерняя компания ispace technologies U.S. входит в состав научно-исследовательского центра Draper Laboratory, задействованного NASA в программе Commercial Lunar Payload Services (CLPS) [Pekkanen, Aoki, Takatori 2023]. Эта программа сфокусирована на отправке космических аппаратов на южный полюс Луны с целью разведки ее природных ресурсов (в рамках уже

²⁵ Basic Space Law, art. 14. (Law No.43 of 2008) // JAXA. <https://stage.tksc.jaxa.jp/spacelaw/country/japan/27A-1.E.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).

²⁶ Basic Plan for Space Policy, p. 3 // Cabinet Office, Government of Japan, 2009. https://www8.cao.go.jp/space/pdf/keikaku/pamph_en.pdf (дата обращения: 07.07.2024).

²⁷ Basic Space Law, art. 25. (Law No.43 of 2008) // JAXA. <https://stage.tksc.jaxa.jp/spacelaw/country/japan/27A-1.E.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).

²⁸ Basic Space Law, art. 28. (Law No.43 of 2008) // JAXA. <https://stage.tksc.jaxa.jp/spacelaw/country/japan/27A-1.E.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).

²⁹ Basic Space Law, art. 16. (Law No.43 of 2008) // JAXA. <https://stage.tksc.jaxa.jp/spacelaw/country/japan/27A-1.E.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).

³⁰ Подр. об особенностях взаимосвязи задействованных политических, экономических и правовых процессов на примере взаимодействия лиц США и Люксембурга см.: Юзбашян М. Р. Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. и международное космическое право. Московский журнал международного права. 2017. № 106(2). С. 83.

американской программы «Артемида» – Artemis campaign³¹ в соответствии с одноименными двусторонними Соглашениями «Артемида»³².

Закон Японии о космической деятельности 2016 г.

В контексте стремительного развития технологий, увеличения запусков японских космических объектов в 2016 г.³³ были приняты Закон о космической деятельности (Act on Launching of Spacecraft, etc. and Control of Spacecraft)³⁴ и Закон о дистанционном зондировании (Act on Ensuring Appropriate Handling of Satellite Remote Sensing Data)³⁵. Первый предусматривает условия, в том числе технические, разрешительного порядка деятельности лиц по запуску космических объектов с территории Японии или с борта судна под юрисдикцией Японии; постлицензионный контроль и ответственность перед третьими лицами за ущерб, причиненными космическими объектами. Второй закон сосредоточен на порядке лицензирования и регулирования деятельности по дистанционному зондированию Земли.

Закон Японии о космической деятельности 2016 г. предусматривает лицензионный порядок запуска космических объектов и управления такими объектами; при этом за пределами действия Закона находятся пилотируемые космические полеты и ракеты-носители, не предназначенные для транспортировки космических аппаратов (например, суборбитальные полеты) [Morimito, Nara, Saito et al. 2021, p. 318]. Японский законодатель исходит из принципа территориальной юрисдикции в отношении получения лицензии на запуск космического объекта: получить лицензию необходимо в случае, если запуск осуществляется с использованием стартовой площадки, расположенной в Японии, или же с борта судна, осуществляющего деятельность под японским флагом³⁶; при этом гражданство соответствующего физического лица (или же национальность юридического лица) не влияют по смыслу Закона на его применимость к обозначенным правоотношениям. Тот же принцип действует и в отношении контроля за космическими объектами: обязательному лицензированию подлежит деятельность по контролю за космическими объектами с помощью наземных центров, расположенных на территории Японии (вне зависимости от национальной принадлежности непосредственно осуществляющих контроль лиц)³⁷. Следовательно, требование о получении лицом, намеревающимся осуществить запуск (или оператором космического объекта), лицензии от японского правительства будет применяться не во всех

³¹ The Artemis Campaign // NASA. <https://www.nasa.gov/humans-in-space/artemis/> (дата обращения: 07.07.2024).

³² The Artemis Accords // NASA. <https://www.nasa.gov/artemis-accords/> (дата обращения: 07.07.2024). Анализ Соглашений «Артемида» см.: Вылегжанин А. Н., Юзбашян М. Р., Алексеев М. А. Международно-правовая космическая политика США: приглашение к уточнению статуса природных ресурсов небесных тел или вызов большинству государств? Международные процессы. 2023. № 21(3). С. 19–23.

³³ Список космических объектов, в отношении которых Япония выступает «запускающим государством» // Online Index of Objects Launched into Outer Space. https://www.unoosa.org/oosa/osoindex/search-ng.jsp?lf_id=#?c=%7B%22filters%22:%5B%7B%22fieldName%22:%22en%23object.launch.stateOrganization_s%22,%22value%22:%22Japan%22%7D%5D,%22sortings%22:%5B%7B%22fieldName%22:%22object.launch.dateOfLaunch_s1%22,%22dir%22:%22desc%22%7D%5D%7D (дата обращения: 08.07.2024).

³⁴ Act on Launching of Spacecraft, etc. and Control of Spacecraft (Act No. 76 of 2016) // Cabinet Office, Government of Japan. https://www8.cao.go.jp/space/english/activity/documents/space_activity_act.pdf (дата обращения: 19.03.2023).

³⁵ Act on Ensuring Appropriate Handling of Satellite Remote Sensing Data (Act No. 77 of November 16, 2016) // Cabinet Office, Government of Japan. https://www8.cao.go.jp/space/english/rs/rs_act.pdf (дата обращения: 21.11.2023)

³⁶ Act on Launching of Spacecraft, etc. and Control of Spacecraft, art. 4 (Act No. 76 of 2016) // Cabinet Office, Government of Japan. https://www8.cao.go.jp/space/english/activity/documents/space_activity_act.pdf (дата обращения: 19.03.2023).

³⁷ Act on Launching of Spacecraft, etc. and Control of Spacecraft, art. 20 (Act No. 76 of 2016) // Cabinet Office, Government of Japan. https://www8.cao.go.jp/space/english/activity/documents/space_activity_act.pdf (дата обращения: 19.03.2023).

случаях участия Японии или ее частных лиц в космических проектах, даже если Япония и будет считаться запускающим государством³⁸ по смыслу международных договоров ООН по космосу. В связи с этим в научной литературе высказано мнение, что такой подход «может быть оправдан только в том случае, если поставщик пусковых услуг находится в государстве, имеющем соответствующее национальное законодательство о космической деятельности» [Smith, Baumann, Wintermuth 2023, p. 123]. Учитывая международный характер многих космических проектов, представляется значимым следующий вопрос: будет ли Закон Японии о космической деятельности 2016 г. распространяться на отношения, возникающие при контроле за космическим объектом несколькими операционными центрами, по крайней мере один из которых располагается не на территории Японии? Закон 2016 г. не содержит ответа на данный вопрос; некоторые японские авторы отмечают, что на практике получение лицензии потребует, если основное управление осуществляется с территории Японии³⁹. Однако и в этом случае можно констатировать отсутствие закрепленных критериев определения «основного управления». В мировой практике подобные вопросы регламентируются специальными соглашениями между задействованными лицами (как, например, в случае с Международной космической станцией; с проектом «Морской старт» – в период, когда он имел международный характер). Интересно и то, что порядок получения лицензий, изложенный в Законе Японии о космической деятельности 2016 г. довольно подробно, не содержит, однако, положений о регистрации космических объектов. Проф. Университета Гакусюин С. Кодзука отмечает, что на практике данный вопрос решается следующим образом: правительство направляет оператору планируемого к запуску космического объекта требование о регистрации в течение 30 дней после его запуска, а сам порядок уведомления регламентирован в отдельном акте, Руководстве по регистрации космических объектов, основанном на Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство 1975 г. и Резолюции 62/101 ГА ООН о практике регистрации космических объектов [Smith, Baumann, Wintermuth 2023, p. 123].

До характеристики законодательной политики Японии в отношении ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, напомним о международно-правовом контексте этого вопроса. Согласно ст. VII Договора по космосу 1967 г. и Конвенции об ответственности 1972 г. материальную ответственность в случае такого ущерба несет запускающее государство (или запускающие государства – при совместном запуске); соответственно, претензия о возмещении ущерба предъявляется именно государству (любому из них в указанном выше случае) вне зависимости от того, осуществляется ли связанная с запуском деятельность правительственными лицами или же частными. Национально-законодательные положения об ответственности за причиненный ущерб, включая финансовые механизмы обеспечения его возмещения, имеют вторичный характер относительно основного уровня регулирования ответственности по международному космическому праву.

³⁸ Согласно ст. I п. с) Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 г. «термин «запускающее государство» означает:

- i) государство, которое осуществляет или организует запуск космического объекта,
- ii) государство, с территории или установок которого осуществляется запуск космического объекта».

Это же определение содержится в ст. I п. а) Конвенции о регистрации 1975 г.; впервые без упоминания термина «запускающее государство» в ст. VII Договора по космосу 1967 г. Запускающее государство несет ответственность за ущерб, причиненный космическими объектами, обязано регистрировать космические объекты в национальном регистре и направлять соответствующую информацию в Международный реестр, а также сохраняет юрисдикцию и контроль над запущенными в космос объектами.

³⁹ Yotsumoto, H., Ishikawa, D., Odan, T. Japan, p. 50 // The Space Law Review. L., 019. <https://www.mhmjapan.com/content/files/00047251/The%20Space%20Law%20Review%20%E2%80%93%20Japan%20Chapter.pdf> (дата обращения: 08.07.2024).

Закон Японии о космической деятельности 2016 г. разграничивает ответственность: а) за ущерб, причиненный падением ракеты-носителя космического объекта на этапе его запуска, и б) за ущерб, причиненный падением самого космического объекта. При этом в обоих случаях предусматривается строгая ответственность лиц под национальной юрисдикцией, что соотносится с абсолютной ответственностью запускающего государства за выплату компенсации за ущерб, причиненный его космическим объектом на поверхности Земли или воздушному судну в полете⁴⁰. Японский законодатель в первом случае устанавливает ответственность лица, осуществляющего запуск космического объекта с использованием расположенной на территории Японии стартовой площадки или с борта судна под японским флагом, за возмещение причиненного падением ракеты-носителя ущерба⁴¹. Способствовавшее возникновению ущерба стихийное бедствие или другие непредвиденные обстоятельства могут быть учтены судом при определении размера компенсации⁴². В качестве обеспечительных мер в Законе указаны: 1) страхование ответственности за ущерб, причиненный третьим лицам падением ракеты-носителя⁴³; 2) заключение соглашения с правительством о покрытии государством расходов оператора в связи с возмещением ущерба, причиненного третьим лицам падением ракеты-носителя⁴⁴; 3) размещение депозита в официальном депозитарии в качестве обеспечительной меры с целью возмещения ущерба путем внесения денежных средств или ценных бумаг на соответствующий счет⁴⁵. В отношении наземного контроля за космическим объектом в Законе устанавливается лишь общее правило об абсолютной ответственности лица, осуществляющего управление космическим объектом, за ущерб, причиненный падением такого объекта в связи с деяниями этого лица⁴⁶. Здесь оператор не обязан прибегать к страхованию ответственности; он не имеет право на заключение соглашения с государством о возмещении ущерба. Проф. С. Кодзука объясняет подобную разницу в режимах ответственности тем, что до принятия Закона о космической деятельности 2016 г. японские спутники, эксплуатируемые частными организациями, относились либо к геостационарным, либо к малым спутникам и вследствие этого считались малоопасными с точки зрения причинения ущерба на поверхности Земли [Smith, Baumann, Wintermuth 2023, p. 126]. При этом открытым остается вопрос о возмещении ущерба, причиненного не в результате падения космического объекта, а, например, в результате создания им радиочастотных или иного рода помех в деятельности наземных систем Японии. Не предусмотрена Законом и ответственность за ущерб, причиненный в космическом пространстве. Как и Конвенция о международной ответственности за ущерб,

⁴⁰ Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г., ст. II.

⁴¹ Act on Launching of Spacecraft, etc. and Control of Spacecraft, art. 35 (Act No. 76 of 2016) // Cabinet Office, Government of Japan. https://www8.cao.go.jp/space/english/activity/documents/space_activity_act.pdf (дата обращения: 19.03.2023).

⁴² Act on Launching of Spacecraft, etc. and Control of Spacecraft, art. 37 (Act No. 76 of 2016) // Cabinet Office, Government of Japan. https://www8.cao.go.jp/space/english/activity/documents/space_activity_act.pdf (дата обращения: 19.03.2023).

⁴³ Act on Launching of Spacecraft, etc. and Control of Spacecraft, art. 39. (Act No. 76 of 2016) // Cabinet Office, Government of Japan. https://www8.cao.go.jp/space/english/activity/documents/space_activity_act.pdf (дата обращения: 19.03.2023).

⁴⁴ Act on Launching of Spacecraft, etc. and Control of Spacecraft, art. 40 (Act No. 76 of 2016) // Cabinet Office, Government of Japan. https://www8.cao.go.jp/space/english/activity/documents/space_activity_act.pdf (дата обращения: 19.03.2023).

⁴⁵ Act on Launching of Spacecraft, etc. and Control of Spacecraft, art. 49 (Act No. 76 of 2016) // Cabinet Office, Government of Japan. https://www8.cao.go.jp/space/english/activity/documents/space_activity_act.pdf (дата обращения: 19.03.2023).

⁴⁶ Act on Launching of Spacecraft, etc. and Control of Spacecraft, art. 53 (Act No. 76 of 2016) // Cabinet Office, Government of Japan. https://www8.cao.go.jp/space/english/activity/documents/space_activity_act.pdf (дата обращения: 19.03.2023).

причиненный космическими объектами 1972 г., Закон не устанавливает верхнего предела компенсации. В контексте общей характеристики рассмотренных законодательных положений об ответственности можно резюмировать, что Япония, с одной стороны, обеспечивает действенность внутригосударственных механизмов финансового обеспечения покрытия своей ответственности как «запускающего государства» (это главным образом относится к обязательному страхованию ответственности или размещению депозита); с другой стороны, Япония посредством использования государственной поддержки частных субъектов (в форме заключения соглашения с правительством о возмещении предусмотренной суммы в счет покрытия нанесенного ущерба) способствует стабильному развитию национального коммерческого космического сектора. Представляется, что указанные меры из обеих категорий будут распространены на все виды японской частной космической деятельности по мере ее развития.

Закон Японии о дистанционном зондировании 2016 г. во многом вторит аналогичному законодательству, существующему в США, Канаде, Франции и Германии⁴⁷, а также содержит аналогичные Закону о космической деятельности 2016 г. положения относительно территориальной юрисдикции. Оператор космического объекта с устройством дистанционного зондирования Земли (далее – ДЗЗ) на борту должен получить лицензию как на эксплуатацию самого космического объекта (в соответствии с Законом о космической деятельности), так и на эксплуатацию устройства ДЗЗ (согласно Закону о дистанционном зондировании)⁴⁸. Порядок получения лицензии в отношении устройства ДЗЗ в целом аналогичен тому, что предусмотрен Законом о космической деятельности в отношении спутников. При этом получение данных со спутника, неуправляемого с Земли, не требует лицензирования. Закон также вводит систему shutter control: данные ДЗЗ, превышающие пороговое разрешение⁴⁹, могут распространяться только среди ограниченного круга пользователей средств ДЗЗ, обладающих соответствующим разрешением⁵⁰.

Закон Японии о поощрении предпринимательской деятельности, связанной с исследованием и освоением космических ресурсов, 2021 г.

В июне 2021 г. в Японии был принят Закон о поощрении предпринимательской деятельности, связанной с исследованием и освоением космических ресурсов (Act on the Promotion of Business Activities Related to the Exploration and Development of Space Resources, далее – Закон о космических ресурсах), позволивший физическим и юридическим лицам государства осуществлять коммерческую деятельность по исследованию и освоению природных ресурсов небесных тел и приобретать права собственности на извлеченные природные вещества. Закон вступил в силу в декабре 2021 г. Таким образом, Япония стала четвертым государством, принявшим национальное законодательство о разработке природных ресурсов небесных тел (после США, Люксембурга и ОАЭ) [Мунтян, Сигаури-Горский 2023, с. 230].

Идея принятия подобного закона активно обсуждалась в Японии еще в 2016 г., когда Институтом перспективных юридических исследований Нисимура был представлен соответствующий доклад Исследовательской группы по законодательству о разработке

⁴⁷ Daisuke, S. Working with the Japanese New Remote Sensing Data Act // International Astronautical Federation. <https://iafaastro.directory/iac/paper/id/47295/summary/> (дата обращения: 29.03.2023).

⁴⁸ Act on Ensuring Appropriate Handling of Satellite Remote Sensing Data Act on Ensuring Appropriate Handling of Satellite Remote Sensing Data (Act No. 77 of November 16, 2016) // Cabinet Office, Government of Japan. https://www8.cao.go.jp/space/english/rs/rs_act.pdf (дата обращения: 21.11.2023).

⁴⁹ Подлежит установлению Кабинетом министров Японии.

⁵⁰ Act on Ensuring Appropriate Handling of Satellite Remote Sensing Data, art. 18 (Act No. 77 of November 16, 2016) // Cabinet Office, Government of Japan. https://www8.cao.go.jp/space/english/rs/rs_act.pdf (дата обращения: 21.11.2023).

природных ресурсов небесных тел⁵¹. В докладе заложено обоснование целесообразности в подобном акте законодательства Японии, что стало реакцией на принятие в 2015 г. в США Закона о конкурентоспособности коммерческих космических запусков. Авторы доклада отмечают, что в июне 2010 г. Институт космоса и астронавтики Японии, функционирующий под эгидой JAXA, стал первой в мире организацией, успешно доставившей на Землю образцы природных ресурсов небесных тел. Кроме того, Япония добилась значительного успеха в области базовых технологий, необходимых для природоресурсной деятельности в космосе, таких как управление орбитальным полетом, ориентация космического аппарата в пространстве, сопоставление с рельефом местности, лазерная высотомерная система. В Японии также существует множество частных операторов, заинтересованных в освоении природных ресурсов небесных тел.

Составители указанного доклада опирались на решение по делу «Лотус» 1927 г. с целью обосновать соответствие планируемого на тот момент закона нормам международного права. В данном деле, напомним, Постоянная палата международного правосудия пришла к выводу о том, что «отсутствие запрета на осуществление какого-либо действия достаточно для того, чтобы считать это действие допустимым (the absence of a rule prohibiting an action suffices to render that action permissible)»⁵². Соответственно, заключают авторы доклада, государства имеют право на законодательное разрешение своим частным лицам присваивать уже извлеченные природные вещества небесных тел, поскольку в международном космическом праве на данный момент нет какого-либо положения, прямо запрещающего подобные действия. Как отмечают специалисты, Договор по космосу 1967 г. действительно не содержит норм о разработке природных ресурсов небесных тел, но при этом и не запрещает *expressis verbis* такую разработку [Колосов 2007, с. 238; Вылегжанин, Юзбашян, Алексеев 2021, с. 159; Berkman, Vylegzhanin, Yuzbashyan, Mauduit 2018, p. 23; Hobe, de Man 2017, p. 460-461; Wang, Huang 2024, p. 919; Tronchetti, Liu 2021, p. 2; de Zwart, Henderson, Neumann 2023, p. 156].

Некоторые авторы отмечают, что Закон Японии о поощрении предпринимательской природоресурсной деятельности в космосе мог быть принят не в 2021 г., а гораздо раньше, в 2017–2018 гг., если бы не осторожное отношение японского законодателя к международной повестке [Pekkanen, Aoki, Takatori 2023, p. 6]. В марте 2017 г. в Юридическом подкомитете Комитета ООН по космосу начались обсуждения относительно общего обмена мнениями о потенциальных правовых моделях использования природных ресурсов небесных тел, в рамках которых значительное число государств не поддержали политику США, нацеленную на национальное регулирование данной деятельности вне разработки универсального международного механизма [Вылегжанин, Юзбашян, Алексеев 2023]. В тот период Япония заняла выжидательную позицию. В 2019 г., уже после принятия национальных законодательных актов в Люксембурге и ОАЭ, аналогичных американскому, в Японии была создана Рабочая группа, приступившая к разработке соответствующего закона⁵³.

⁵¹ Report by the Space Resource Development Laws Study Group of Nishimura Institute of Advanced Legal Studies // Nishimura Institute of Advanced Legal Studies. December, 2016. https://www.nishimura.com/sites/default/files/tractate_pdf/en/1703_NIALS_en.pdf (дата обращения: 09.03.2023).

⁵² S.S. Lotus (Fr. v. Turk.), 1927 P.C.I.J. (ser. A) No. 10 (Sept. 7) // Publications of the Permanent Court of International Justice, Series, No. 10; Collection of Judgments, A.W. Sijthoff's Publishing Company. Leyden, 1927. http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1927.09.07_lotus.htm (дата обращения: 16.03.2023).

⁵³ S.S. Lotus (Fr. v. Turk.), 1927 P.C.I.J. (ser. A) No. 10 (Sept. 7) // Publications of the Permanent Court of International Justice, Series, No. 10; Collection of Judgments, A.W. Sijthoff's Publishing Company. Leyden, 1927. http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1927.09.07_lotus.htm (дата обращения: 16.03.2023).

Японский закон 2021 г. вводит термин «космические ресурсы» (space resources)⁵⁴, используемый в аналогичных актах США, Люксембурга и ОАЭ. Такой же термин используется делегацией Японии в рамках сессий Комитета ООН по космосу⁵⁵. Японский законодатель определяет «космические ресурсы» как «воду, полезные ископаемые и другие природные ресурсы, существующие в космическом пространстве, в том числе на Луне и других небесных телах»⁵⁶, не раскрывая при этом понятие самих «природных ресурсов». Принимая во внимание, что данный термин в его широком понимании включает в себя флору и фауну, можно предположить, что японское законодательство предусматривает более широкий круг допустимых в разработке космических природных ресурсов по сравнению с законодательством США [Мунтян, Сигаури-Горский 2023, с. 231] (в соответствии с ним «космические ресурсы» определяются лишь как «абиотические (неживые) ресурсы», но не флора и фауна, наличие которых на небесных телах пока не доказано» [Юзбашян 2017, с. 79]. Отметим также, что термин «космические ресурсы» не упоминается ни в одном из перечисленных выше международных договоров ООН по космосу. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. содержит понятия «природные ресурсы» Луны и других небесных тел⁵⁷ применительно к ресурсам *in situ*, т.е. в местах их залегания; и иной термин – «минеральные и другие вещества» – применительно к уже извлеченным природным материалам небесных тел⁵⁸.

В соответствии с Законом Японии 2021 г., если частное лицо намеревается использовать космический аппарат для природоресурсной деятельности в космосе, при подаче им заявления на получение лицензии ему также требуется представить компетентным государственным органам план такой деятельности, который должен включать цель, срок, место, методы и содержание геологоразведочной миссии⁵⁹. Закон позволяет лицам, занимающимся исследованием и разработкой природных ресурсов в космосе, приобретать права собственности на те природные вещества, которые они добыли или извлекли в соответствии с представленным ими планом деятельности⁶⁰.

Владельцем первой и на данный момент единственной японской лицензии на изучение и освоение природных ресурсов Луны является компания *ispace*, получившая соответствующие права в ноябре 2022 г.⁶¹ Данный документ позволит компании исполнить обязательства по заключенному в 2020 г. с NASA соглашению о добыче лунного реголита с целью дальнейшей передачи права собственности на него американскому агентству.

⁵⁴ Act on the Promotion of Business Activities for the Exploration and Development of Space Resources (Tentative translation). Act No. 83 of December 23, 2021 // Japanese Law translation. Ministry of Justice, Japan. <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4332/en> (дата обращения: 08.07.2024).

⁵⁵ См., напр.: Japan: Information on the mandate and purpose of the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities under the Legal Subcommittee of the Committee on the Peaceful Uses of Outer Space. https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/LSC2023/StatesResponses/Japan_Information_to_Space_Resource_WG.pdf (дата обращения: 08.07.2024).

⁵⁶ Act on the Promotion of Business Activities for the Exploration and Development of Space Resources... art. 2 (i).

⁵⁷ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах, ст. 11 (принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 05.12.1979) // ООН. Конвенции и соглашения. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 21.11.2023).

⁵⁸ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах, ст. 6 (принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 05.12.1979) // ООН. Конвенции и соглашения. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 21.11.2023).

⁵⁹ Act on the Promotion of Business Activities Related to the Exploration and Development of Space Resources... art. 3.1.

⁶⁰ Ibid, art. 5.

⁶¹ *ispace* Receives License to Conduct Business Activity on the Moon from Japanese Government // *ispace*, November 8, 2022. <https://ispace-inc.com/news-en/?p=3829> (дата обращения: 08.07.2024).

Первая подобная миссия потерпела неудачу, когда в 2023 г. лунный модуль *Hakuto-R Mission 1* разбился из-за нехватки топлива; второй подобный модуль *Hakuto-R Mission 2* планируется к запуску в 2024 г.⁶² В случае успеха миссии это будет первый в мире пример коммерческой операции, завершившейся присвоением природного вещества, добытого на небесном теле, и осуществленной частным оператором.

Договорно-правовая политика Японии в области космической деятельности

Договорно-согласованные механизмы в области исследования и использования космического пространства с участием Японии формируются в основном в рамках сотрудничества этого государства с США. И Япония, и США в своей космической деятельности полагаются на высокоразвитые технологические системы, используемые в области как коммерческого, так и военного использования космоса [Harrison, Cooper 2016, p. 3]. В апреле 2015 г. стороны «*Руководящих принципов японо-американского оборонного сотрудничества*» признали необходимость поддержания и укрепления партнерства «в целях обеспечения ответственного, мирного и безопасного использования космического пространства»⁶³. При этом Япония не располагает собственной системой организации пилотируемых полетов в космос, в связи с чем в апреле 2024 г. главой NASA Б. Нельсоном и Министром образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии М. Морияма было подписано соглашение о дополнительном взносе Японии в программу «*Артемиды*», в соответствии с которым американская сторона обязуется предоставить два места в будущих миссиях по посадке на Луну астронавтам JAXA⁶⁴. Таким образом, Япония может стать вторым (после США) государством, чьи астронавты высадились на поверхность Луны.

В сентябре 2022 г. Япония поддержала инициативу США в отношении одностороннего отказа от испытаний противоспутникового оружия (далее – ПСО) прямого перехвата⁶⁵. На данный момент собственными системами ПСО, доказавшими свою эффективность, обладают лишь РФ, США, Китай и Индия. Помимо Японии инициативу поддержали более тридцати других государств. При этом, как было отмечено российской делегацией в рамках 65-ой сессии Комитета ООН по космосу, «подобная инициатива вряд ли будет эффективна с точки зрения сохранения космоса для мирной деятельности»⁶⁶, так как «обязательство не проводить испытаний определенных типов противоспутниковых вооружений не равнозначно обязательству не использовать такие вооружения»⁶⁷. 7 декабря 2022 г. ГА ООН одобрила проект подготовленной США и еще десятью государствами резолюции под названием *Destructive direct-ascent anti-*

⁶² *ispace Missions* // *ispace*. <https://ispace-inc.com/missions> (дата обращения: 08.07.2024).

⁶³ *The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation* // Ministry of Foreign Affairs of Japan. <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/guideline2.html> (дата обращения: 08.07.2024).

⁶⁴ Foust, J. Japanese astronauts to land on moon as part of new NASA partnership // *SpaceNews*. April 11, 2024. <https://spacenews.com/japanese-astronauts-to-land-on-moon-as-part-of-new-nasa-partnership/> (дата обращения: 08.07.2024).

⁶⁵ *Decision not to conduct Destructive, Direct-Ascent Anti-Satellite Missile Testing* // Ministry of Foreign Affairs of Japan. Press Releases. September 13, 2022. https://www.mofa.go.jp/press/release/press3e_000451.html (дата обращения: 20.03.2022).

⁶⁶ Доклад Комитета по использованию космического пространства в мирных целях. Шестьдесят пятая сессия (1–10 июня 2022 года) // Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Семьдесят седьмая сессия. Дополнение № 20. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/221/025/6R/PDF/2210256R.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.02.2023). П. 65.

⁶⁷ Доклад Комитета по использованию космического пространства в мирных целях. Шестьдесят пятая сессия (1–10 июня 2022 года) // Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Семьдесят седьмая сессия.

satellite missile testing, призывающей государства прекратить испытания ПСО прямого взлета и ссылающейся по большей части на экологические соображения: необходимость защиты функционирующих спутников от образующегося в результате таких испытаний космического мусора⁶⁸. Среди последних совместных инициатив Японии и США следует упомянуть подготовленный ими проект резолюции Совета Безопасности ООН о неразмещении в космосе ядерного оружия и иного оружия массового уничтожения, а также о запрете разработки такого оружия⁶⁹. Отметим, что запрет размещения указанных видов оружия в космосе основывается на положении ст. IV Договора по космосу 1967 г.; а в том, что касается запрета его разработки – это предложение выходит за пределы действующих международных обязательств. 24 апреля 2024 г. Россия наложила вето на японо-американский проект резолюции, в отсутствие согласия разработчиков на включение в проект резолюции предложенного Россией и Китаем запрета всех видов оружия в космосе (согласно действующему режиму, использование обычного оружия в космосе не запрещено)⁷⁰.

В январе 2023 г. между США и Японией было подписано *Рамочное соглашение о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, в мирных целях* (далее – Рамочное соглашение 2023 г.)⁷¹. В официальном заявлении по этому поводу Государственный департамент США подчеркнул особую роль партнерских отношений с Японией в рамках Соглашений «Артемида» 2020 г.: «Япония и Соединенные Штаты были одними из первых восьми сторон, подписавших Соглашения «Артемида», продемонстрировав принципиальную приверженность» этих стран «ответственному, устойчивому и мирному исследованию космического пространства на благо всего человечества». В документе прописано, что Рамочное соглашение укрепит «двустороннее сотрудничество в космосе», а оба государства «планируют сотрудничать в таких областях, как космическая наука; космические операции и исследования, включая операции и исследования на Луне; авиационная наука и техника; космическая техника; космический транспорт; обеспечение безопасности космических миссий⁷²; а также в других сопутствующих сферах»⁷³. Рамочное соглашение 2023 г. предусматривает также, что охватываемая им совместная деятельность может осуществляться на Земле, в воздушном или в космическом пространствах, включая Луну и другие небесные тела⁷⁴.

Рассмотренные японо-американские документы являются продолжением вектора сотрудничества Японии и США на солидной договорно-правовой основе, в том числе

Дополнение № 20. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/221/025/6R/PDF/2210256R.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.02.2023). П. 65.

⁶⁸ Resolution A/RES/77/41 Destructive direct-ascent anti-satellite missile testing // United Nations Digital Library, 2022. <https://digitallibrary.un.org/record/3996915?ln=en> (дата обращения: 20.03.2023).

⁶⁹ Joint Statement by the U.S. and Japan at the UN Security Council Stakeout Following Russia's Veto of a Resolution on Preventing Nuclear Weapons in Outer Space // Permanent Mission of Japan to the United Nations. https://www.un.emb-japan.go.jp/itpr_en/jointstatement042424.html (дата обращения: 08.07.2024).

⁷⁰ Russia vetoes Security Council draft resolution on a weapon-free outer space // UN News. April 24, 2024. <https://news.un.org/en/story/2024/04/1148951> (дата обращения: 08.07.2024).

⁷¹ Framework Agreement for Cooperation in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies, for Peaceful Purposes (подписано 13 января 2023 г.) // Prime Minister's Office of Japan. <https://japan.kantei.go.jp/content/000121774.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

⁷² Сферы деятельности, сотрудничество в которых предусматривается в соответствии с п. А ст. 1 Рамочного соглашения.

⁷³ Blinken, A.J. Secretary of State. Press Statement. The United States and Japan Sign Framework Agreement on Space Cooperation. // U.S. Department of State. January 13, 2023. <https://www.state.gov/the-united-states-and-japan-sign-framework-agreement-on-space-cooperation/> (дата обращения: 19.03.2023).

⁷⁴ Framework Agreement for Cooperation in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies, for Peaceful Purposes, art. 1C. (подписано 13 января 2023 г.) // Prime Minister's Office of Japan. <https://japan.kantei.go.jp/content/000121774.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

многосторонней: Соглашение между США и Японией о взаимном отказе от требований об ответственности в рамках сотрудничества в исследовании и использовании космоса в мирных целях, 1995 г. (Agreement between the Government of Japan and the Government of the United States of America concerning cross-waiver of liability for cooperation in the exploration and use of space for peaceful purposes); Соглашение между Правительством Канады, Правительствами государств-членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения, 1998 г.; Меморандум о взаимопонимании между Правительством Японии и Национальным управлением по авионавигации и исследованию космического пространства Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения, 1998 г. (Memorandum of Understanding between the Government of Japan and the National Aeronautics and Space Administration of the United States of America Concerning Cooperation on the Civil International Space Station); Меморандум о взаимопонимании между Правительством Японии и Национальным управлением США по авионавигации и исследованию космического пространства о сотрудничестве в рамках проекта Lunar Orbital Platform-Gateway от 31 декабря 2020 г. (Memorandum of Understanding between the Government of Japan and the National Aeronautics and Space Administration of the United States of America Concerning Cooperation on the Civil Lunar Gateway).

В соответствии со ст. 3 Рамочного соглашения 2023 г. организациями-исполнителями со стороны Японии являются Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии и JAXA, а со стороны США – NASA, Национальное управление океанических и атмосферных исследований США и Геологическая служба США. Конкретные положения и условия совместной деятельности сторон должны быть изложены в соглашениях об осуществлении (Implementing Agreements) между организациями-исполнителями.

Рамочное соглашение 2023 г. содержит, помимо общепринятых в документах аналогичного характера положений об освобождении от налогов и сборов, о свободе перемещения научного персонала, также и обязательства сторон в отношении взаимного отказа от требований об ответственности⁷⁵. Как отметил проф. А.В. Яковенко, данный правовой институт, изначально довольно редко использовавшийся в российской международно-договорной практике, стал важной частью Соглашения по МКС 1998 г. и получил широкое распространение в различных правительственных и неправительственных проектах, в том числе и с участием России [Yakovenko 1999, p. 83]. Посредством взаимного отказа от требований об ответственности одна из сторон Рамочного соглашения отказывается от всех требований к другой стороне за ущерб, причиненный последней в результате совместной деятельности по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, в мирных целях. Примечательно, что Рамочное соглашение фактически дублирует текст ст. 16 Соглашения по МКС, однако расширяет перечень случаев, в которых правило о взаимном отказе не применяется: помимо указанных в Соглашении по МКС оснований⁷⁶ Рамочное соглашение

⁷⁵ Framework Agreement for Cooperation in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies, for Peaceful Purposes, art. 12. (подписано 13 января 2023 г.) // Prime Minister's Office of Japan. <https://japan.kantei.go.jp/content/000121774.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

⁷⁶ К таковым относятся претензии между государством-партнером и его задействованной организацией или претензии, которые возникают в отношениях между такими организациями; претензии, предъявляемые любым физическим лицом, любыми физическими или юридическими лицами, к которым перешел вещно-правовой интерес, его наследниками или физическими или юридическими лицами, к которым перешло право требования (за исключением государства-партнера) за телесное повреждение или за причинение какого-либо иного вреда такому физическому лицу или его смерть; претензии в связи с ущербом, вызванным преднамеренными неправомерными действиями; претензии, связанные с интеллектуальной собственностью; претензии за ущерб, являющийся следствием неспособности государства-партнера распространить принцип взаимного отказа от требований об ответственности на задействованные им организации.

между США и Японией не предусматривает взаимный отказ в случае, когда требования одной стороны вытекают из неисполнения другой стороной своих прямых обязательств по соглашению.

Япония поддерживает США и в дискуссиях относительно установления международно-правового режима управления космическим движением. Идея о том, что человечество нуждается в установлении неких правил, регламентирующих движение космических объектов, была высказана еще в 1932 г. Тогда вышла в свет первая монография по космическому праву под названием «Космическое право. Проблема космических путешествий» чехословацкого юриста В. Мандля [Diederiks-Verschoor, Kopal 2008, p. 1]. Уже в то время В. Мандль рассматривал космос в качестве пространства, деятельность в котором подлежит регулированию международно-правовыми нормами, отличными от норм международного воздушного права, предполагая, однако, что последние могут быть использованы в качестве аналогов для разрешения спорных ситуаций в ходе осуществления космической деятельности [Lyll, Larsen 2009, p. 6]. Чехословацкий профессор впервые представил концепцию «правил космического движения», хотя и признал их на тот момент излишними в силу кажущейся тогда весьма далекой перспективы масштабных космических запусков [Verspiieren 2021, p. 2]. Под управлением космическим движением (space traffic management) принято понимать «совокупность технических и нормативных положений, способствующих безопасному доступу в космическое пространство, операциям в космическом пространстве и возвращению из космического пространства на Землю без физических или радио-частотных помех» [Contant-Jorgenson, Lála, Schrogl 2006, p. 17]⁷⁷. Данный термин используется в работах таких специалистов в области международного космического права, как, например, К.-У. Шрогль [Yehia, Schrogl 2008], Ф. Тронкетти [Tronchetti 2013], Ф. Дунк [von der Dunk 2015], П. Штуббе [Stubbe 2018].

Позиция США и их партнеров по программе «Артемида» (к этим партнерам относятся и Япония) заключается в разработке режима управления движением в космосе на национальном или региональном уровне с последующим присоединением иных государств к уже сформированной в одностороннем порядке концепции. Государства НАТО последовательно отстаивают точку зрения, согласно которой принятие юридически обязательного соглашения по управлению космическим движением не является на данный момент целесообразным, поскольку в мировом сообществе отсутствует единое понимание необходимых параметров такого режима. Необходимо отметить, что и США, и Российская Федерация настаивают на преждевременности заключения подобного международного договора в ближайшем будущем. Тем не менее, отечественная международно-правовая политика в этом отношении исходит из необходимости продуктивных многосторонних переговоров в рамках универсальной площадки, а затем выработки единого для всех государств механизма и его воплощения в форме норм обязательного характера. США, наоборот, стремятся на основе национально-законодательного режима сформировать таковой в рамках избранных государств, а впоследствии представить его остальному мировому сообществу в качестве единственно верного. Подобный подход США отразился и на космической политике Японии: в 2022 г. национальной Межагентской рабочей группой по управлению космическим движением (Inter-Agency Task Force on Space Traffic Management) была разработана и представлена «Средне- и долгосрочная политика в отношении усилий по нормотворчеству в области использования околоземной орбиты» (Mid- to Long-term Policy on Efforts for Rule-Making on the Use of Earth Orbit)⁷⁸. В этом

⁷⁷ Ориг.: «...the set of technical and regulatory provisions for promoting safe access into outer space, operations in outer space and return from outer space to Earth free from physical or radio-frequency interference».

⁷⁸ Mid- to Long-term Policy on Efforts for Rule-Making on the Use of Earth Orbit, p.1, 28 March 2022 // Cabinet Office, Government of Japan, Inter-Agency Task Force on Space Traffic Management. https://www8.cao.go.jp/space/english/stm/rm_ueo.pdf (дата обращения: 08.07.2024).

документе отмечено стремление Японии «стать независимой космической державой [...] и взять на себя инициативу по разработке правил использования орбиты раньше других стран, с целью начала обсуждения управления космическим движением и ответственного поведения в космическом пространстве»⁷⁹.

Одним из возможных решений проблемы управления космическим движением является создание в рамках ООН единой информационной платформы для объединения усилий государств, международных межправительственных организаций, операторов космических аппаратов, специализированных национальных агентств и международных неправительственных организаций по сбору, систематизации, обмену и анализу информации о мониторинге объектов и явлений в космическом пространстве. Подобное предложение было озвучено российской делегацией в рамках Комитета ООН по космосу еще в 2016 г.⁸⁰ Тем временем, японские спутниковые операторы с 2013 г. обмениваются с операторами США данными отслеживания спутников⁸¹. Сеть космического наблюдения США охватывает весь земной шар благодаря интегрированной системе наземных радаров, оптических телескопов и спутников космического наблюдения в Евразии, Африке и Южном полушарии, впрочем, эта сеть недостаточно развита, в связи с чем охватывающие западную часть Тихого океана и Азиатский регион японские спутники «помогают» США покрыть «серые зоны», включая пространство над Китаем и Северной Кореей [Yoshimatsu 2021, p. 313].

Япония играет ведущую роль в Азиатско-Тихоокеанском региональном форуме космических агентств (далее – АТРФКА)⁸². Характерными чертами АТРФКА являются открытая и гибкая структура регионального сотрудничества, вступление и участие на основе добровольного вклада, юридическая обязательность принятых в рамках конференции решений [Rekkanen 2021, p. 16]. Япония, выступающая основным организатором проведения ежегодных встреч АТРФКА, принимает активное участие в развитии форума, с его помощью привлекает потенциальных инвесторов в проект Kibo-ABC⁸³. Целью последнего является содействие использованию японского экспериментального модуля Kibo среди исследователей и инженеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР), а также создание проектов двустороннего сотрудничества по его использованию между странами-членами АТРФКА и Японией⁸⁴.

⁷⁹ Mid- to Long-term Policy on Efforts for Rule-Making on the Use of Earth Orbit, 28 March 2022 // Cabinet Office, Government of Japan, Inter-Agency Task Force on Space Traffic Management. https://www8.cao.go.jp/space/english/stm/rm_ueo.pdf (дата обращения: 08.07.2024).

⁸⁰ Дополнительные идеи относительно совокупности целей достижения Венского консенсуса по безопасности в космосе и необходимости в серьёзном осмыслении модальностей рассмотрения сложных проблем, связанных с управлением движением в космосе, и оправданности больших ожиданий скорых решений в этой области. Рабочий документ, представленный Российской Федерацией. A/AC.105/2016/CRP.13 // Committee on the Peaceful Uses of Outer Space Fifty-ninth session Vienna, 8-17 June 2016. https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2016/aac_1052016crp/aac_1052016crp_13_0_html/AC105_2016_CRP13E.pdf (дата обращения: 27.05.2023).

⁸¹ Japan (13-528) – Agreement Memorandum of Understanding for Sharing the Space Situational Awareness Services and Information for Safety of Space // U.S. Department of State. <https://www.state.gov/13-528> (дата обращения: 08.07.2024).

⁸² Крупнейшая в Азиатско-Тихоокеанском регионе конференция по вопросам космической деятельности, в состав которой входят космические агентства, правительственные учреждения, международные организации, частные компании, университеты и научно-исследовательские институты из более чем 50 стран, в т. ч. России, Китая, Индии и США.

⁸³ Отметим, что с 2015 г. JAXA совместно с Управлением ООН по вопросам космического пространства также осуществляет программу KiboCUBE, целью которой является предоставление образовательным и исследовательским учреждениям из развивающихся стран возможности разработки собственного спутника и его последующего запуска на базе японского модуля Международной космической станции.

⁸⁴ Kibo-ABC: Asian Beneficial Collaboration through “Kibo” Utilization // APRSAF. https://www.aprsaf.org/initiatives/kibo_abc/ (дата обращения: 08.07.2024).

Схожими вопросами космической деятельности в рамках АТР занимается Азиатско-Тихоокеанская организация по космическому сотрудничеству (далее – АТОКС) – международная межправительственная организация с лидирующей ролью Пекина. Она, однако, отличается рядом организационных особенностей. Так, АТРФКА является международной неправительственной организацией и открыта для участия в ней не только для государств и национальных космических агентств, но и для частных лиц. АТОКС же состоит исключительно из государств (Китай, Турция, Монголия, Таиланд, Пакистан, Перу, Иран и Бангладеш). Примечательно, что Индонезия, будучи одной из восьми стран, первоначально подписавших Конвенцию АТОКС, до сих пор ее не ратифицировала [Nasution, Rahma Diana, Sianipar et al. 2018, p. 122]. АТРФКА и АТОКС поддерживают определенные связи: например, АТОКС является постоянным участником ежегодных встреч АТРФКА, а делегаты японского космического агентства JAXA принимали участие в ряде совещаний АТОКС в качестве слушателей.

Заключение

Япония даже в официальных документах открыто признает, что ее космическая политика ориентируется прежде всего на союз с США (и даже осуществляется «под руководством США»), не боясь быть отторженной в медиапространстве от статуса «суверенное государство».

Согласно «Основному плану Японии в отношении космической политики 2020 г.»⁸⁵, государство ставит цель «достижения превосходства в космическом пространстве в целях обеспечения национальной безопасности, [...] участия в международной программе космических исследований «Артемида» под руководством США, [...] укрепления космического сотрудничества с США и другими партнерами в области национальной безопасности, [...] продвижения космической политики путем привлечения необходимых финансовых ресурсов и обеспечения предсказуемости инвестиций в частный сектор, а также [...] максимального увеличения объема закупок в частном космическом секторе»⁸⁶. Высказано предположение о том, что Министерство обороны Японии продолжит расширять свое влияние на космическую индустрию и может в будущем получить значительный контроль над рядом частных космических активов [Pekkanen, Kallender-Umezumi 2010, p. 225]. В то же время, недавно одобренный Кабинетом министров Японии законопроект о создании в рамках JAXA фонда поддержки передовых технологий в космической сфере в размере 6,7 млрд долл. (на период 10 лет) говорит о нацеленности Японии на поощрение частных инвестиций в космический сектор⁸⁷.

Действуя в условиях растущей экономической состязательности между государствами и усугубившейся геополитической напряженности, Япония пытается закрепить за собой статус космического лидера в АТР, прежде всего посредством тесного сотрудничества с США. Японо-американские партнерские отношения заключаются не только в обмене данными

⁸⁵ Разрабатываемый на основании ст. 24 Основного закона Японии о космосе 2008 г. план развития политики Японии в области исследования и использования космического пространства. Последняя актуальная редакция была принята в июне 2023 г., перевод на английский язык отсутствует.

⁸⁶ Outline of the Basic Plan on Space Policy (Provisional Translation) // National Space Policy Secretariat, Cabinet Office, Japan. June 30, 2020. https://www8.cao.go.jp/space/english/basicplan/2020/abstract_0701.pdf (дата обращения: 08.07.2024).

⁸⁷ Jones, A. Japan creates multibillion-dollar space strategic fund to boost space industry // SpaceNews. March 12, 2024. <https://spacenews.com/japan-creates-multibillion-dollar-space-strategic-fund-to-boost-space-industry/> (дата обращения: 08.07.2024).

и технологиями, но и во взаимной поддержке друг друга в реализации их международно-правовой космической политики, в продвижении принципов, предусмотренных в Соглашениях «Артемиды». Дальнейшая эволюция законодательства Японии об исследовании и использовании космического пространства, позиция Японии на международной арене будет, как ожидается, во многом обусловлена исходом обозначенных ранее программ «Артемиды», Lunar Gateway и Hakuto-R.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вылегжанин А.Н., Юзбабян М.Р., Алексеев М.А.* Международно-правовые перспективы использования природных ресурсов Луны и других небесных тел // *Горный информационно-аналитический бюллетень*. 2021. № 3-1. С. 155–172.
- Вылегжанин А.Н., Юзбабян М.Р., Алексеев М.А.* Международно-правовая космическая политика США: приглашение к уточнению статуса природных ресурсов небесных тел или вызов большинству государств? // *Международные процессы*. 2023. № 21(3). С. 6–30.
- Капустин А.Я.* Освоение космоса как глобальный правовой феномен. *Формирование современной международно-правовой концепции исследования и использования космического пространства* / под. ред. А.Я. Капустина. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М. 2021. С. 22–43.
- Колосов Ю.М.* Правовой режим природных ресурсов Луны и других небесных тел. *Международно-правовые основы недропользования* / под. ред. А.Н. Вылегжанина. Москва: НОРМА. 2007. С. 237–242.
- Мунтян М.Е., Сигаури-Горский Е.Р.* Опыт Японии в области исследования и использования космического пространства: национальные и международно-правовые аспекты // *Теория и практика общественного развития*. 2023. № 8. С. 226–233.
- Юзбабян М.Р.* Актуальные тенденции сотрудничества/соперничества в космосе и перспективы развития космического права // *Право и управление. XXI век*. 2024. №20(1). С. 103–119.
- Юзбабян М.Р.* Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. и международное космическое право // *Московский журнал международного права*. 2017. № 106(2). С. 71–86.

REFERENCES

- Kapustin, A.Y. (2021). Osvoenie kosmosa kak global'nyi pravovoi fenomen [Space Exploration as a Global Legal Phenomenon]. In A.Y. Kapustin (ed.), *Formirovanie sovremennoi mezhdunarodno-pravovoi kontseptsii issledovaniya i ispol'zovaniya kosmicheskogo prostranstva* [Formation of a Modern International Legal Concept of the Exploration and Use of Outer Space] (pp. 22–43). Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M. (In Russian).
- Kolosov, Y.M. (2007). Pravovoi rezhim prirodnykh resursov Luny i drugikh nebesnykh tel [The Legal Regime of the Natural Resources of the Moon and Other Celestial Bodies]. In A.N. Vylegzhanin (ed.), *Mezhdunarodno-pravovye osnovy nedropol'zovaniya* [International Legal Foundations of Subsurface Use] (pp. 237–243). Moscow: NORMA. (In Russian).
- Muntyan, M.E., Sigauri-Gorsky, E.R. (2023). Opyt Yaponii v oblasti issledovaniya i ispol'zovaniya kosmicheskogo prostranstva: natsional'nye i mezhdunarodno-pravovye aspekty [Japan's Experience in the Exploration and Use of Outer Space: National and International Legal Aspects]. *Theory and Practice of Social Development*, 8, 226–233. (In Russian).

- Vylegzhanin, A.N., Yuzbashyan, M.R., Alekseev, M.A. (2021). Mezhdunarodno-pravovye perspektivy ispol'zovaniya prirodnykh resursov Luny i drugikh nebesnykh tel [International Legal Prospects for Using Natural Resources of the Moon and Other Celestial Bodies]. *Mining Information and Analytical Bulletin*, 3-1, 155–172. (In Russian).
- Vylegzhanin, A.N., Yuzbashyan, M.R., Alekseev, M.A. (2023). Mezhdunarodno-pravovaya kosmicheskaya politika SShA: priglazhenie k utocnениyu statusa prirodnykh resursov nebesnykh tel ili vyzov bol'shinstvu gosudarstv? [International Legal Outer Space Policy of the United States of America]. *International Trends*, 21(3), 6–30. (In Russian).
- Yuzbashyan, M.R. (2017). Zakon SShA ob issledovanii i ispol'zovanii kosmicheskikh resursov 2015 g. i mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo [The US Space Resource Exploration and Utilization Act of 2015 and the International Space Law]. *Moscow Journal of International Law*, 106(2), 71-86. (In Russian).
- Yuzbashyan, M.R. (2024). Aktual'nye tendentsii sotrudnichestva/sopernichestva v kosmose i perspektivy razvitiya kosmicheskogo prava [Topical Trends in Outer Space Cooperation/Competition and Perspectives on Space Law]. *Journal of Law and Administration*, 20(1), 103–119. (In Russian).
- * * *
- Berkman, P.A., Vylegzhanin, A.N., Yuzbashyan, M.R. & Mauduit J. (2018). Outer Space Law: Russia-United States Common Challenges and Perspectives. *Moscow Journal of International Law*, 106 (1), 16–34.
- Contant-Jorgenson, C., Lála P. & Schrogl K.-U. (2006). Space Traffic Management. Paris: International Academy of Astronautics.
- de Zwart, M., Henderson, S., & Neumann, M. (2023). Space resource activities and the evolution of international space law. *Acta Astronautica*, 211, 155–162.
- Diederiks-Verschoor, I. H. P., & Kopal V. (2008). *An Introduction to Space Law*. Kluwer Law International.
- Harrison, T. & Cooper, Z. (2016). *Next Steps for Japan-U.S. Cooperation in Space*. Center for Strategic and International Studies (CSIS).
- Hobe, S. & de Man, P. (2017). National Appropriation of Outer Space and State Jurisdiction to Regulate the Exploitation, Exploration and Utilization of Space Resources. *German Journal of Air and Space Law*, 3 (66), 460–475.
- Jakhu, R. S. (Ed.). (2010). *National Regulation of Space Activities*. Springer Netherlands.
- Jakhu, R. S. et al. (Eds.). (2017). *Space Mining and Its Regulation*. Springer International Publishing.
- Kallender-Umezu, P. (2013). Enacting Japan's Basic Law for space activities: Revolution or evolution? *Space Policy*, 29 (1), 28–34.
- Köchler, H. (2009). Civilizations and World Order: The Relevance of the Civilizational Paradigm in Contemporary International Law. *Multiculturalism and International Law*. Eds. S. Yee and J.-Y. Morin. Leiden. Boston.
- Lyall, F., & Larsen, P.B. (2009). *Space Law: A Treatise*. Ashgate Publishing Limited, U.K.
- Mandl, V. (1932). *Das Weltraum-Recht. Ein Problem der Raumfahrt*. J. Bensheimer Verlag. Mannheim. (In German).
- Morimito, T., Hara, T., Saito, G., Matsubara, I., Yamaguchi, S., Miki, M., Fukuchi, Y., Tanaka, D., Kikuchi, M. & Oga, K. (2021). Overview of act on launching of spacecraft, etc. and control of spacecraft in Japan. *Journal of Space Safety Engineering*, 8 (4), 317–322.
- Nasution, H., Rahma Diana, S., Sianipar, B., Rubiyanti, S., Susanti, D. & Rafikasari, A. (2018). Indonesia Membership on Asia-Pacific Space Cooperation Organization (APSCO): Cost and Benefit Analysis. *Jurnal Hubungan Internasional*, 11 (1), 121–140.
- Pekkanen, S. M. & Kallender-Umezu, P. (2010). *In Defense of Japan: From the Market to the Military in Space Policy*. 1st ed. Stanford University Press.
- Pekkanen, S. M. (2021). China, Japan, and the Governance of Space: prospects for competition and cooperation. *International Relations of the Asia-Pacific*, 21 (1), 37–64.

- Pekkanen, S. M., Aoki, S. & Takatori, Y. (2023). Japan in the New Lunar Space Race. *Space Policy*, 101577.
- Peoples, C. (2013). A normal space power? Understanding ‘security’ in Japan’s space policy discourse. *Space Policy*, 29 (2), 135–143.
- Smith, L. J., Baumann, I. & Wintermuth, S.-G. (2023). *Routledge Handbook of Commercial Space Law*.
- Stubbe, P. (2018). A gradual approach towards space traffic management: The contribution of UNISPACE+50. *Acta Astronautica*, 152, 179–184.
- Takeuchi, Y. (2019). Law and policy for space situational awareness towards Space Traffic Management – A Japanese perspective. *Journal of Space Safety Engineering*, 6 (2), 130–137.
- Tronchetti, F. & Liu, H. (2021). The White House Executive Order on the Recovery and Use of Space Resources: Pushing the Boundaries of International Space Law? *Space Policy*, 57.
- Tronchetti, F. (2013). *Fundamentals of Space Law and Policy*. Springer New York, NY.
- Verspiere, Q. (2021). Historical Evolution of the Concept of Space Traffic Management Since 1932: The Need for a Change of Terminology. *Space Policy*, 56, 101412.
- von der Dunk, F.G. (2015). Space Traffic Management: A Challenge of Cosmic Proportions. *Proceedings of the International Institute of Space Law*, 58, 385–396.
- Wang, G. & Huang, X. (2024). The establishment of the priority right in space resources activities. *Advances in Space Research*, 73 (1), 918–932.
- Yakovenko, A. (1999). The intergovernmental agreement on the International Space Station. *Space Policy*, 15 (2), 79–86.
- Yehia, J.A., & Schrogl, K.-U. (2010). European regulation for private human spaceflight in the context of space traffic management. *Acta Astronautica*, 66 (11–12), 1618–1624.
- Yoshimatsu, H. (2021). Exploring the China factor in Japan’s foreign and security policy in outer space. *Australian Journal of International Affairs*, 75 (3), 305–322.

Поступила в редакцию: 14.07.2024

Received: 14 July 2024

Принята к публикации: 20.10.2024

Accepted: 20 October 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-70-86

Развитие низкоуглеродной энергетики в Китае и Японии: сравнительный анализ

К.А. Корнеев, И.Р. Томберг

Аннотация. Китай и Япония относятся к числу ресурсодефицитных стран, что во многом определяет для них важность проведения целенаправленной политики по развитию низкоуглеродных секторов энергетики. В первую очередь, речь идет о ВИЭ и водороде, но стоит учитывать и растущую роль мирного атома – та же Япония, несмотря на последствия фукусимской аварии, постепенно увеличивает долю АЭС в структуре генерации. В статье показано, что задачи достижения «чистого нулевого уровня выбросов», стоящие перед Китаем и Японией, имеют немало схожих черт. Рассматриваемые и сравниваемые страны, естественно, обладают различными финансово-экономическими ресурсами, разной потенциальной и доступной емкостью внутренних рынков для внедрения технологий и продуктов низкоуглеродной энергетики в широком смысле, однако выстраивают государственную политику в данном направлении с опорой на такие стимулирующие механизмы, которые создают собственный технологический фундамент, и с учетом того, какие передовые решения разрабатывают и внедряют ближайшие конкуренты. За минувшие два десятилетия у Японии и Китая сложился формат энергетической кооперации, когда акцент делался больше на поставки энергетического и транспортного оборудования из Японии, включая инвестиции японских компаний в строительство различной энергетической инфраструктуры на территории Китая. Однако в настоящее время КНР уже обладает достаточно большим технологическим потенциалом, чтобы не только удовлетворять свои потребности в производстве оборудования и комплектующих для низкоуглеродной энергетики, но и направлять продукцию такого рода на экспорт. Соответственно, нарастает конкуренция с японскими корпорациями, которые долгое время сохраняли лидерские позиции в сегменте ВИЭ как поставщики готового оборудования и инициаторы трансфера технологий в развивающиеся страны (преимущественно Юго-Восточную и Южную Азию). В статье показано, что, невзирая на имеющиеся разногласия, Япония и Китай поддерживают высокий уровень двусторонних контактов: действуют межправительственные организации и фонды, работают совместные научно-исследовательские центры, продолжается кооперация по линии бизнеса, осуществляются крупные проекты.

Ключевые слова: низкоуглеродная энергетика, энергетическая политика и безопасность, двустороннее сотрудничество, технологическая конкуренция, Япония, Китай.

Авторы:

Корнеев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Китая и Современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32); ORCID: 0000-0003-3930-6309; E-mail: korneev@iccaras.ru

Томберг Игорь Ремуальдович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Китая и Современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32); ORCID: 0000-0002-1250-7402; E-mail: itomberg@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Корнеев К.А., Томберг И.Р. Развитие низкоуглеродной энергетики в Китае и Японии: сравнительный анализ // Японские исследования. 2024. № 4. С. 70–86. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-70-86

Development of low-carbon energy sector in China and Japan: A comparative analysis

K.A. Korneev, I.R. Tomberg

Abstract. Japan and China are in the list of resource-deficient countries, and this fact largely determines the importance of pursuing a targeted policy for the development of low-carbon energy sectors. This refers, first and foremost, to renewable energy and hydrogen, but it is also worth taking into account the growing role of peaceful nuclear energy – Japan, despite the consequences of the Fukushima accident, is gradually increasing the share of nuclear power plants in its generation structure. The authors show that the tasks of achieving “net zero emissions” facing Japan and China have many similar features. The countries under consideration, undoubtedly, have different financial and economic resources, different potential and available capacity of their domestic markets for the implementation of low-carbon energy technologies and products in a broad sense. However, they build public policy in this direction based on the incentive mechanisms that create their own technological foundation, taking into account what advanced solutions are being developed and implemented by their closest competitors. Over the past two decades, Japan and China have elaborated the format of energy cooperation where the emphasis was placed on the supply of energy and transport equipment from Japan, as well as investments by Japanese companies in the construction of various energy infrastructure objects in China. However, at present, China already has sufficient technological potential not only to meet its needs in the production of equipment and components for low-carbon energy, but also to export products of this type. Accordingly, Japanese corporations that used to hold leading positions in the renewable energy segment as suppliers of necessary equipment and initiators of technology transfer to developing countries (mainly in Southeast and South Asia), nowadays face competition with Chinese producers. It is shown that, despite the existing controversy, Japan and China keep a high level of bilateral contacts through intergovernmental organizations and funds, joint research centers, various private business cooperation mechanisms and schemes, all of which foster the implementation of large projects.

Keywords: low-carbon energy industry, energy policy and security, bilateral cooperation, technological competition, Japan, China.

Authors:

Korneev Konstantin A., Candidate of Sciences (World History), Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the RAS (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-3930-6309; E-mail: korneev@iccaras.ru

Tomberg Igor R., Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the RAS (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-1250-7402; E-mail: itomberg@yandex.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Korneev, K.A., Tomberg, I.R. (2024). Razvitie nizkouglерodnoi energetiki v Kitae i Yaponii: sravnitel'nyi analiz [Development of low-carbon energy sector in China and Japan: A comparative analysis]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 4, 70–86. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-70-86

Введение

Развитие низкоуглеродной энергетике подразумевает поэтапное внедрение целого набора крупных структурных преобразований энергопотребления и энергообеспечения, направленных на формирование обновленной энергосистемы, обеспечивающей достижение энергетической самостоятельности, снижение зависимости от импорта ископаемого топлива (что особенно актуально для Китая и Японии) и создание собственной высокотехнологичной базы как задела для упрочения конкурентных позиций в глобальном контексте.

Основными драйверами развития низкоуглеродной энергетике, которые прямо касаются формирования долгосрочной энергетической политики в Китае и Японии, являются:

- усложнение условий добычи первичных энергоресурсов в ключевых странах-импортерах из-за истощения легкодоступных запасов и роста доли их трудноизвлекаемой части;
- неизбежный переход к разработке и эксплуатации месторождений в сложных природно-географических условиях;
- искусственные ограничения, появляющиеся в силу экономических и геополитических причин, и серьезно влияющие на ландшафт мировых рынков угля, нефти и природного газа.

Перечисленные выше факторы создают не только ценовую неопределенность на глобальных энергетических рынках уже в среднесрочной перспективе (3–5 лет) и провоцируют риски нестабильного предложения в условиях нарастания спроса со стороны развивающихся экономик, в первую очередь, Юго-Восточной и Южной Азии, но и увеличивают вероятность возникновения различного рода конфликтов на почве получения (или сохранения) доступа к разработке месторождений в слаборазвитых странах, не имеющих для этого необходимого оборудования и компетенций, и потому зависимых от зарубежных партнеров.

Государственная (национальная) энергетическая политика Китая и Японии сегодня формируется с учетом необходимости реагирования на перечисленные выше вызовы, поэтому все большее внимание уделяется низкоуглеродной энергетике в широком смысле, однако в настоящей статье речь в основном пойдет все-таки о ВИЭ (солнце и ветер) и водороде как наиболее перспективных энергоисточниках, дающих очевидный и измеримый эффект в масштабах рассматриваемых государств на горизонте ближайших 10–15 лет [Кистанов, Корнеев 2020]. Для сохранения и/или увеличения темпов экономического роста и упрочения позиций на мировых рынках продукции с высокой добавленной стоимостью решающее значение сегодня имеет предоставление производителям и потребителям бесперебойного доступа к возобновляемой электроэнергии, способной системно поддерживать рост энерговооруженности предприятий и интенсификацию развития целого ряда высокотехнологичных отраслей, а также стимулировать снижение общей энергоемкости экономик.

Развитие новых технологий получения, передачи и хранения возобновляемой энергии, направленных на изменение функционала энергетического сектора, и неизбежное падение конкурентоспособности традиционных видов топлива благодаря уменьшению себестоимости генерации от ВИЭ и водорода, определяют для Китая и Японии необходимость инвестиций в ускорение динамики развития низкоуглеродной энергетике с прицелом на ее доминирование (не менее 50% в общей структуре установленных мощностей и среднегодовой выработки электроэнергии) к 2050–2060 гг.

Показатели и сравнение развития низкоуглеродной энергетики в Японии и Китае

Если Япония стала больше внимания уделять развитию низкоуглеродной энергетики с середины 1990-х гг., то Китай активно подключился к этому процессу в начале 2000-х гг., однако очень быстро обошел Японию по всем параметрам, о чем весьма красноречиво говорит статистика. Однако и Япония, с учетом своей островной специфики, также добилась заметных успехов в части увеличения доли ВИЭ в энергобалансе страны.

Возобновляемые источники энергии (солнечные и ветряные электростанции)

Целесообразно начать с того, что сегмент ВИЭ с начала 2010-х гг. растет очень быстрыми темпами, на порядок превосходящими сопоставимые показатели для традиционной энергетики. Глобальная установленная мощность всех электростанций на ВИЭ за период 2013–2023 гг. увеличилась с 1566 ГВт до 3372 ГВт, из которых порядка 60% обеспечил ввод солнечных электростанций (СЭС), 30% – ветряных (ВЭС), и 10% – прочих альтернативных источников. Объем электроэнергии, выработанной на СЭС и ВЭС, составил в 2023 г. 14% от общемирового показателя, прибавив 2% по отношению к 2022 г. С привлечением других низкоуглеродных источников, к числу которых относятся АЭС и ГЭС, доля электроэнергии, выработанной различными нетрадиционными (альтернативными) генераторами, достигла нового рекорда – 39% от общемирового показателя, который равнялся почти 30 000 ТВт·ч. При сохранении таких темпов роста, доля только солнца и ветра в структуре глобальной генерации электроэнергии может вплотную приблизиться к 40% в 2035 г.¹

Заметнее всего в 2023 г. выросли установленные мощности солнечной энергетики – на 24%, второе место заняла ветряная энергетика с ростом на 17%. Уже более чем в 60 странах мира СЭС и ВЭС производят не менее 10% генерируемой ежегодно электроэнергии, и эта тенденция только набирает обороты, особенно в Азиатском регионе, где лидерами являются Китай, Япония, Республика Корея и Индия. Очевидно, что именно этот регион обеспечит наибольшую концентрацию технологий и инноваций в области низкоуглеродной энергетики в долгосрочной перспективе².

Возобновляемая и водородная энергетика, а также накопители, входят в число наиболее важных драйверов экономического роста в Китае. В 2023 г. Китай обеспечил 38% глобальных инвестиций в развитие низкоуглеродной энергетики – 676 млрд долл. из 1765 млрд долл., идущие на втором месте США – 17% или 303 млрд долл. Доля прочих стран и регионов заметно ниже: ЕС в целом – 341 млрд долл., Великобритания – 74 млрд долл., Бразилия – 35 млрд долл., Индия – 31 млрд долл., Япония – 30 млрд долл.³ Темпы роста отдельных низкоуглеродных сегментов высокие – например, производство солнечных панелей в КНР в 2023 г. превысило уровень 2013 г. почти в 9 раз, а литий-ионных аккумуляторов – более чем в 3 раза. В 2023 г. на долю Китая пришлось 48% глобального ввода мощностей СЭС и ВЭС (123 ГВт из 266 ГВт), в то время как в Японии ввели в эксплуатацию только 6 ГВт возобновляемых мощностей (15% от глобального показателя). Если смотреть чуть подробнее, то Китай в 2023 г. обеспечил 47%

¹ Renewable Energy Statistics 2023. IRENA Report. <https://www.irena.org/Publications/2023/Jul/Renewable-energy-statistics-2023> (дата обращения: 04.06.2024).

² Global Electricity Mix 2024. Our World in Data. <https://ourworldindata.org/electricity-mix> (дата обращения: 04.06.2024).

³ World Energy Investment 2023. International Energy Agency Data. <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2023/overview-and-key-findings> (дата обращения: 05.06.2024).

общемирового ввода мощностей ВЭС (33 ГВт из 71 ГВт) и 50% мощностей СЭС (57 ГВт из 115 ГВт). Японии, конечно, далеко до такой динамики, однако по доле ВИЭ в общей структуре генерации разница не так велика – всего в Китае 980 ГВт возобновляемых мощностей (без учета ГЭС), что составляет 33% от общего парка генерирующей мощности (2920 ГВт), а в Японии – 84 ГВт возобновляемых мощностей (также без учета ГЭС), что составляет 25% от общего парка мощности в стране (370 ГВт)⁴.

Довольно интересный факт – в список 10 самых крупных в мире производителей поликристаллического кремния, наиболее распространенного материала для изготовления солнечных панелей, по итогам 2023 г. входило 7 китайских компаний. В свою очередь, рейтинг из 10 крупнейших в мире производителей кремниевых пластин и ячеек полностью сформирован из китайских компаний. При этом для данной важной подотрасли характерна очень высокая концентрация показателей: на долю 10 крупнейших компаний в 2023 г. приходилось 90% глобального производства поликристаллического кремния, а в сегменте выпуска готовых модулей из кремния эта доля достигала 95%. Более того, среди 15 крупнейших мировых производителей оборудования для ветроэнергетики почти половина – также компании из КНР. Очевидно, что влияние китайских компаний на глобальный рынок возобновляемой энергетики огромно, хотя не далее, как 15 лет назад, основные производственные ниши занимали США, страны ЕС и Япония. Здесь важно упомянуть, что в конце 2000-х гг. Япония входила в топ-3 поставщиков технологий и оборудования возобновляемой энергетики в Китай, во многом способствовав формированию отрасли ВИЭ в КНР, а теперь ситуация зеркальна – Япония является крупным импортером различных компонентов для строительства СЭС и ВЭС⁵.

Стимулирующим фактором для опережающего развития солнечной энергетики в КНР является наличие хорошей собственной ресурсной базы. Например, доля Китая в общемировом производстве кремния в 2023 г. составила 68%, а по добыче серебра и меди, которые также применяются для выпуска солнечных модулей, страна занимала 2-е (14%) и 4-е (9%) места в мире соответственно⁶. Еще одним важным фактором является продолжающееся сближение традиционной и возобновляемой энергетики по общему уровню стоимости единицы мощности. Ввод в эксплуатацию мощностей СЭС в КНР в 2023 г. оценивался в 720 долл./кВт, а наземных ВЭС – 1100 долл./кВт. Аналогичный показатель для газовых ТЭС в 2023 г. составлял около 560 долл./кВт, для угольных ТЭС – 800 долл./кВт. Для Японии значение приведенных показателей в 1,2–1,3 раза выше, что обусловлено как узким внутренним рынком, дающим ограниченный эффект масштабирования, так и высокими ценами на сопутствующие энергетические услуги⁷.

Накопители энергии

Применение ВИЭ-генераторов (с учетом прерывистого характера их работы) в масштабах средних и крупных энергосистем затруднительно без использования накопителей энергии, роль которых – запасать излишки в период высокой загрузки и отдавать их в сеть потребителям в периоды снижения – в безветренную погоду или ночью, когда

⁴ Renewable Energy Statistics 2023. IRENA Report. <https://www.irena.org/Publications/2023/Jul/Renewable-energy-statistics-2023> (дата обращения: 04.06.2024).

⁵ Renewable Energy Market 2023. International Energy Agency Data. <https://www.iea.org/reports/renewable-energy-market-update-june-2023> (дата обращения: 05.06.2024).

⁶ World Mining Data 2024. Federal Ministry of Finance Report and Statistics, Austria. https://world-mining-data.info/?World_Mining_Data___PDF-Files (дата обращения: 05.06.2024).

⁷ Renewable Energy Market 2023. International Energy Agency Data. <https://www.iea.org/reports/renewable-energy-market-update-june-2023> (дата обращения: 05.06.2024).

уровень инсоляции минимален. Логично, что Китай как крупнейший в мире производитель электроэнергии при помощи ВИЭ постепенно развивает этот сегмент. Совокупная мощность накопителей энергии превысила 40 ГВт в 2023 г., что в эквиваленте выдаваемой в сеть электроэнергии составляет 74,5 ГВт·ч – суточное потребление небольшой европейской страны. Самым распространенным типом по-прежнему остаются литий-ионные батареи, на долю которых пришлось 95% ввода мощностей, но растут и перспективные сегменты различных проточных окислительно-восстановительных батарей большой емкости⁸. Высокая доля именно литий-ионных решений напрямую связана с наличием у Китая собственной сырьевой базы – в 2022 г. страна стала третьим по величине производителем лития в мире (с долей более 15%)⁹. Необходимость накопления энергии для балансировки энергосистем особенно характерна для регионов Китая с высокой концентрацией ВИЭ – это автономный район Внутренняя Монголия (15% мощности действующих в КНР ветрогенераторов, или 50 ГВт из 342 ГВт), а также Синьцзян-Уйгурский автономный район, где расположено 10% мощности СЭС, или 28 ГВт из 292 ГВт¹⁰.

Если говорить о Японии, то отсутствие ресурсной базы не позволяет ей претендовать на сколько-нибудь значимые позиции в плане добычи не только углеводородов, но и минералов, редких и редкоземельных металлов. Япония закупает карбонат лития как раз в КНР (80% всего импорта), а также в США и Чили. Поэтому и установленная мощность накопителей энергии для балансировки ВИЭ-генераторов гораздо скромнее, порядка 14 ГВт (с целью произвести еще 40 ГВт к 2030 г.) – сказывается высокая цена конечного продукта. Тем не менее, в масштабах энергосистемы Японии – это хороший показатель, лишь немного уступающий показателю Германии, где из возобновляемых источников вырабатывается более 50% всей электроэнергии ежегодно¹¹. Для справки следует упомянуть, что накопители сегодня – один из быстрорастущих сегментов мировой энергетики, драйвером которого являются не только ВИЭ, но и распределенная (децентрализованная) энергетика. Если в 2021 г. глобальные инвестиции в сегмент накопителей составили 10 млрд долл., то в 2022 г. показатель возрос до 21 млрд долл., а в 2023 г. превысил 37 млрд долл. К 2030 г. ежегодный объем инвестиций превысит 100 млрд долл. Китай обеспечивает около 40% таких инвестиций, Япония – 7–8%¹².

Водородная энергетика

Еще одним важным направлением для Китая и Японии является водородная энергетика. Фактически, речь идет о применении низкоуглеродного водорода (может производиться из различных ископаемых топлив с использованием установок улавливания и хранения углерода, или способом электролиза воды с поставкой электроэнергии от ВИЭ, ключевой критерий – четкое пороговое значение выбросов 9,8–4,4 и ниже кг CO₂-экв./кг H₂) как универсального энергоносителя, способного частично снизить зависимость от импортируемых первичных

⁸ Global Energy Storage Market Report 2023. China Energy Storage Alliance. <https://en.cnesa.org/latest-news> (дата обращения: 06.06.2024).

⁹ Lithium Statistics and Information. U.S. Geological Survey. <https://www.usgs.gov/centers/national-minerals-information-center/lithium-statistics-and-information> (дата обращения: 06.06.2024).

¹⁰ Decarbonising China & the World: Chinese Energy SOEs Supercharge Renewable Investment in Response to the 14th Five-Year Plan. https://climateenergyfinance.org/wp-content/uploads/2023/11/FINAL-301123-Decarbonising-China-the-World_-Chinese-Energy-SOEs-Supercharge-Renewable-Investment-1-1.pdf (дата обращения: 08.06.2024).

¹¹ Global Energy Storage Market Report 2023. China Energy Storage Alliance. <https://en.cnesa.org/latest-news> (дата обращения: 06.06.2024).

¹² World Energy Investment 2023. International Energy Agency Data. <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2023/overview-and-key-findings> (дата обращения: 08.06.2024).

энергоресурсов и ускорить движение на пути к углеродной (климатической) нейтральности [Zhou, Baldino 2022].

Глобальные тенденции развития водородной энергетики носят неоднозначный характер. Если еще в 2021–2022 гг. МЭА, а также другие крупные международные исследовательские и консалтинговые центры оптимистично оценивали рост всех значимых сегментов (производство и мировые продажи установок на протонно-обменных топливных элементах и твердооксидных топливных элементах, ввод мощностей электролизеров для производства низкоуглеродного водорода), предполагая, что к 2035 г. показатели увеличатся минимум в 5–6 раз по сравнению с текущими (порядка 1,8 ГВт совокупных мощностей топливных элементов и чуть более 2 ГВт электролизных мощностей), то в 2023–2024 гг. подходы изменились.

Для примера – число анонсированных проектов в области низкоуглеродной водородной энергетики год от года растет, но окончательные инвестиционные решения приняты менее чем по 7% из них на сумму в 40 млрд долл. Всего в мире по состоянию на 2023 г. зарегистрировано 1400 таких проектов (включая крупнотоннажный экспорт водорода), а необходимые для их осуществления инвестиции оцениваются в 570 млрд долл. Количество реализуемых на практике проектов по производству низкоуглеродного водорода не позволяет достичь цели в 38 млн т даже в рамках самого консервативного из сценариев МЭА (States Policies Scenario) к 2030 г., поскольку в стадии проектирования находятся объекты всего на 3 млн т в дополнение к действующим (100 тыс. т), строящимся (1 млн т) и утвержденным (2 млн т)¹³. Тем не менее в Китае и Японии ситуация отличается от общемировой, поскольку важность развития водородной энергетики для этих стран высока, прежде всего, в контексте достижения лучших показателей энергетической самостоятельности. Япония, например, планирует к 2035 г. до 40% конечного потребления энергии в стране обеспечивать за счет возобновляемых источников. То есть сегмент низкоуглеродной водородной энергетики в Китае и Японии демонстрирует темпы роста, превышающие общемировые показатели, несмотря на то, что в 2022–2023 гг. в Японии наметилось определенное замедление, связанное с общим сокращением инвестиций в «экологически чистый» водород [Azhgaliyeva, Ram, Zhang 2023]. Целесообразно более подробно остановиться на следующих составляющих: автомобили на водородных топливных элементах (ВТЭ), производство, транспортировка и хранение низкоуглеродного водорода.

В 2023 г. Китай стал единоличным лидером по количеству вновь зарегистрированных транспортных средств на водородных топливных элементах, уверенно обогнав рынки США, Японии и Южной Кореи. Продажи таких автомобилей в Китае превысили 6 тыс. штук по итогам 2023 г. (рост 34% по отношению к 2022 г.). Но доля легковых автомобилей невелика, более 80% – это коммерческий транспорт¹⁴. Для сравнения – в Японии за весь 2023 г. продали только 422 транспортных средства на ВТЭ (падение на 50% по отношению к 2022 г.), однако, в отличие от Китая, это в основном обычные легковые автомобили, которые люди используют для ежедневных поездок. Всего же в Японии находятся в эксплуатации порядка 10 тыс. единиц транспорта на ВТЭ¹⁵, в Китае – более 30 тыс. единиц¹⁶.

В дополнение к общенациональным планам по доведению числа автомобилей на ВТЭ до 50 тыс. единиц на дорогах страны к 2025 г., 29 провинций Китая включили в свои региональные

¹³ Green Hydrogen: Energizing the Path to Net Zero 2023. Deloitte's 2023 Global Green Hydrogen Outlook and Report. https://www.researchgate.net/publication/371534124_Green_hydrogen_Energizing_the_path_to_net_zero (дата обращения: 12.06.2024).

¹⁴ A Total Number of Globally Registered Fuel Cell Electric Vehicles Sold from January to December in 2023. https://www.sneresearch.com/en/insight/release_view/229/page/ (дата обращения: 17.06.2024).

¹⁵ Number of New Fuel Cell Electric Vehicle (FCEV) Registrations in Japan from 2014 to 2023. <https://www.statista.com/statistics/682128/japan-fuel-cell-vehicle-new-registrations/> (дата обращения: 17.06.2024).

¹⁶ New LCV Sales are Booming in China. <https://www.globalfleet.com/en/fleet-strategy/global/features/new-energy-lcv-sales-are-booming-china-through-government-support> (дата обращения: 17.06.2024).

программы строительство более 1200 водородных заправочных станций (ВЗС) к концу 2025 г. При условии осуществления этих планов количество ВЗС в Китае к концу 2026 г. может в 1,5 раза превысить общее число действующих на сегодня ВЗС в мире (примерно 1100 ед., причем из них 350 – в КНР, в Японии – 160, и в планах довести до 200 к 2025 г.)¹⁷. Планы КНР по эксплуатации 50 тыс. на дорогах страны в 2025 г. кажутся вполне реалистичными, а что касается Японии, то не слишком понятно, за счет чего она собирается выполнить поставленные правительством амбициозные цели (800 тыс. транспортных средств на ВТЭ и более 1000 ВЗС к 2030 г.), которые не изменились и после пересмотра национальной водородной стратегии летом 2023 г.¹⁸ Тем не менее, и в Китае, и в Японии доля транспорта на ВТЭ по-прежнему остается незначительной на фоне ускоренного развития электротранспорта. Для сравнения: в 2023 г. в КНР было продано порядка 6,7 млн единиц электромобилей, в Японии – более 1,8 млн единиц (включая гибриды)¹⁹.

Что касается производства низкоуглеродного водорода, который и рассматривается в качестве ключевого энергоносителя будущего, то здесь и Япония, и Китай заявляют весьма амбициозные планы. Китай планирует ежегодно производить до 3 млн т (при прогнозируемой потребности в 6 млн т) такого водорода к 2030 г. и более 10 млн т к 2030 г. при прогнозируемой потребности в 15–16 млн т²⁰, в то время как Япония планирует ежегодно производить не менее 500 тыс. т (при общей прогнозируемой потребности в 3 млн т) к 2030 г. и порядка 3 млн т при прогнозируемой потребности в 6 млн т к 2035 г.²¹ Основной способ производства – электролиз воды с поставкой электроэнергии от возобновляемых источников (СЭС и ВЭС), поскольку этот способ позволяет обеспечить «низкоуглеродный» статус водорода со значением выбросов 4,4 и ниже кг CO₂-экв./кг H₂. В мире достаточно развиты и технологии получения низкоуглеродного водорода методом паровой конверсии метана с применением установок улавливания и хранения CO₂, которые также позволяют минимизировать углеродный след. Но для Китая и Японии как крупнейших импортеров природного газа в этом почти нет экономической целесообразности, поскольку высокая стоимость газа (не говоря уже об устойчивой структуре потребления – для получения водорода придется закупать дополнительные объемы) только увеличивает и без того немалую стоимость 1 кг низкоуглеродного водорода (в среднем 4–5 долл./кг в Китае и 6–8 долл./кг в Японии)²².

В таком контексте электролиз воды остается, по сути, единственным способом, однако для работы электролизеров требуется вода высокой степени очистки, также велик и ее расход – порядка 9 л уходит на выработку 1 кг водорода. И в Китае, и в Японии запасы пресной воды ограничены и не могут быть использованы для производства водорода в заявленных промышленных масштабах, иначе это приведет к элементарным перебоям с обеспечением населения, не говоря уже о прочих технологических и производственных нуждах. Остаются варианты с очисткой сточных вод или опреснением морской воды, но применение специальных

¹⁷ Global Hydrogen Review 2023. International Energy Agency. <https://www.iea.org/reports/global-hydrogen-review-2023> (дата обращения: 18.06.2024).

¹⁸ Japan Automotive Fuel Cell Market Size. Spherical Insights. <https://www.sphericalinsights.com/reports/japan-automotive-fuel-cell-market> (дата обращения: 18.06.2024).

¹⁹ Trends in Electric Cars 2023. International Energy Agency. <https://www.iea.org/reports/global-ev-outlook-2024/trends-in-electric-cars> (дата обращения: 18.06.2024).

²⁰ Lou, Yu., Corbeau, S. China's Hydrogen Strategy: National vs. Regional Plans. SIPA at Columbia University. <https://www.energypolicy.columbia.edu/publications/chinas-hydrogen-strategy-national-vs-regional-plans/> (дата обращения: 20.06.2024).

²¹ Japan Basic Hydrogen Strategy. Edition of June 6, 2023. https://www.meti.go.jp/shingikai/enecho/shoene_shinene/suiso_seisaku/pdf/20230606_5.pdf (дата обращения: 20.06.2024).

²² Production Costs of Green Hydrogen Worldwide by Select Country (Japan and China). Statista Analysis. <https://www.statista.com/statistics/1086695/green-hydrogen-cost-development-by-country/> (дата обращения: 21.06.2024).

очистителей и опреснителей на 2–3 долл. увеличивает итоговую стоимость 1 кг водорода. Другой интересный момент – для достижения заявленных показателей производства в 3 млн т к 2030 г. Китаю нужно ввести в эксплуатацию не менее 10 ГВт мощностей электролизеров и зарезервировать порядка 150 млрд кВт·ч электроэнергии от возобновляемых источников на этот процесс (всего в Китае ВИЭ выработали в 2022 г. более 2500 млрд кВт·ч электроэнергии). Японии же для производства 500 тыс. т водорода к 2030 г. надо ввести в эксплуатацию порядка 3 ГВт мощностей электролизеров и зарезервировать 30–40 млрд кВт·ч электроэнергии от ВИЭ, причем всего в Японии ВИЭ выработали в 2022 г. 200 млрд кВт·ч [Franzmann, Heinrichs, Lippkau 2023].

По состоянию на декабрь 2023 г. в Китае действовало примерно 1,5 ГВт мощностей электролизных установок, которые произвели до 100 тыс. т низкоуглеродного водорода (производство обычного, или т. н. грязного водорода в Китае для нужд промышленности оценивается в 33 млн т ежегодно). Прогнозируется, что до конца 2024 г. введут в эксплуатацию еще порядка 1 ГВт, и суммарная установленная мощность всех электролизеров достигнет 2,5 ГВт. Это позволит получать порядка 220 тыс. т низкоуглеродного водорода ежегодно²³. В целом, если темпы ввода электролизных установок в Китае сохранятся на уровне 1–1,5 ГВт в год (а такое вполне вероятно), к 2030 г. можно достичь рубежа в 10 ГВт. Вопрос заключается в наличии устойчивого внутреннего спроса – будут ли промышленность, транспорт и энергетика нуждаться в 3 млн т экологически чистого водорода ежегодно? Пока динамика такова, что эту цифру можно смело делить на 3 и определить реальную потребность Китая в низкоуглеродном водороде в диапазоне 0,8–1,5 млн т в год к 2030 г., то есть в 6 раз ниже прогнозируемой. Если Китаю удастся выйти даже на такие показатели, это будет большим успехом, особенно на фоне снижения оптимизма в отношении развития водородной энергетики в США и странах ЕС.

Что касается Японии, то по состоянию на декабрь 2023 г. в стране действовало порядка 100 МВт мощностей электролизных установок, которые произвели не более 30 тыс. т низкоуглеродного водорода (производство «грязного» водорода в Японии оценивается в 3–4 млн т ежегодно). Однако в планах намечено увеличить количество мощностей электролизеров до 15 ГВт к 2030 г.²⁴, то есть Японии нужно будет вводить в среднем по 2,5 ГВт ежегодно начиная с 2024 г., что не имеет ничего общего с реальностью и, судя по всему, через 1–2 года приведет к очередному пересмотру показателей Базовой водородной стратегии, принятой еще в 2017 г. и уже серьезно пересмотренной в 2023 г. (в основном по причине того, что не удалось достичь поставленных целей). Потребность японского внутреннего рынка в низкоуглеродном водороде вряд ли превысит 200–300 тыс. т к 2030 г. (то есть в 15 раз меньше прогнозируемой), но при сохранении текущей динамики достичь даже таких показателей у страны не получится. Важное уточнение – ввод новых мощностей электролизеров как в Китае, так и в Японии должен сопровождаться строительством СЭС и ВЭС специально под эти цели, иначе придется брать электроэнергию от угольных и газовых станций.

Развитие водородной энергетики невозможно без создания инфраструктуры хранения и транспортировки, поскольку далеко не всегда центры производства и потребления водорода расположены в непосредственной близости. Чаще бывает наоборот – в местности, где хорошие условия для размещения СЭС либо ВЭС, часть генерируемой электроэнергии от которых может идти на производство водорода, нет достаточного количества потребителей, преимущественно сконцентрированных в крупных агломерациях.

²³ Le, M., Selvaraju, K. China Set to Smash National Hydrogen Targets, Solidifying Lead in Global Electrolyzer Market. <https://www.rystadenergy.com/news/china-hydrogen-targets> (дата обращения: 21.06.2024).

²⁴ Japan: Hydrogen Strategy – November 2023. MFAT Report. <https://www.mfat.govt.nz/en/trade/mfat-market-reports/japan-hydrogen-strategy-november-2023> (дата обращения: 22.06.2024).

Для успешного решения таких инфраструктурных вопросов Китай собирается построить самый длинный в мире водородный трубопровод протяженностью 737 км. Соглашение о кооперации по осуществлению данного проекта подписали компания Tangshan Haitai New Energy Technology (подразделение производителя солнечных панелей Haitai Solar) и дочерняя структура CNPC – компания China Petroleum Pipeline Engineering (CPPEC). Трубопровод пойдет от завода по производству «зеленого» водорода в г. Чжанцзякоу до порта Цаофэйдянь в провинции Хэбэй. Инвестиционная емкость проекта оценивается почти в 900 млн долл. Это довольно много, поскольку требуется внедрение целого ряда новых технологических решений, одно из которых – стабильная работа трубопровода при давлении в 63 атм. вместо стандартных для Китая 40 атм. Это необходимо, чтобы передавать больше объема газа при неизменном сечении трубы. В декабре 2023 г. проект получил одобрение правительства провинции Хэбэй, строительство должны начать в июне 2024 г., а закончить летом 2027 г.²⁵

Вообще, Китай активно реализует проекты строительства водородных трубопроводов в рамках национального плана по развитию сети протяженностью не менее 6000 км до 2035 г.²⁶ Государственная корпорация Sinopet ведет разработку проекта строительства водородного трубопровода длиной 400 км от города Уланчаб (автономный район Внутренняя Монголия) до нефтехимического комплекса в столице, г. Пекине. Пока же самым длинным в мире считается водородный трубопровод между Францией и Бельгией длиной 400 км²⁷.

В 2023 г. Sinopet приступила к реализации масштабного проекта Ordos по производству «зеленого» водорода во Внутренней Монголии. Водород предполагается получать способом электролиза, для чего будут построены дополнительные мощности ВИЭ – 450 МВт ВЭС и 270 МВт СЭС. Суммарная мощность электролизеров составит 390 МВт, чего достаточно для производства более 30 тыс. т экологически чистого водорода в год. Примерный срок завершения строительства – 2026 г. Этот проект сегодня является одним из крупнейших в мире с объемом привлекаемых инвестиций более 830 млн долл., однако его дополнительное значение еще и в том, что отрабатываются технологии хранения больших объемов водорода. Для этого в рамках данного проекта предполагается сооружение нескольких специальных емкостей общей вместимостью 288 тыс. м³, где водород будет с минимальными потерями храниться в течение нескольких недель для последующей доставки потребителям (преимущественно предприятиям химической промышленности) как раз через сеть трубопроводов²⁸.

Достижения Японии в области развития инфраструктуры транспортировки и хранения водорода гораздо скромнее, чем у Китая. Впрочем, менее емкий внутренний рынок, небольшая территория и высокая концентрация населения в отдельных агломерациях (Токио и Осака как пример) и не ставят задач, сопоставимых по масштабу с Китаем. В настоящее время в Японии действует всего лишь один водородный трубопровод длиной чуть более 1 км, построенный к Олимпиаде 2021 г. В конце марта 2024 г. крупнейшая японская газовая компания Tokyo Gas сообщила, что до конца года начнет первые коммерческие поставки водорода по трубопроводу объемом 150 м³ в час для нужд потребителей в пределах территории бывшей Олимпийской деревни. Что это за потребители и как они собираются использовать водород, не сообщается, однако, с большой долей вероятности, речь идет о заправке водородом автобусов и грузовиков

²⁵ China to Build World's Longest Hydrogen Pipeline to Transport Green Hydrogen. <https://www.pipeline-journal.net/news/china-build-worlds-longest-hydrogen-pipeline-transport-green-hydrogen> (дата обращения: 23.06.2024).

²⁶ China to Build World's Longest Hydrogen Pipeline to Transport Green Hydrogen. <https://www.pipeline-journal.net/news/china-build-worlds-longest-hydrogen-pipeline-transport-green-hydrogen> (дата обращения: 23.06.2024).

²⁷ China's First Long-Distance Hydrogen Pipeline. <https://dialogue.earth/en/digest/chinas-first-long-distance-hydrogen-pipeline/> (дата обращения: 24.06.2024).

²⁸ Yuan, H., Yang, M. World's Largest Green Hydrogen Plant Breaks Ground in Ordos. China Daily. <https://www.chinadaily.com.cn/a/202302/17/WS63ef4bcea31057c47ebaf741.html> (дата обращения: 24.06.2024).

на топливных элементах. Водород будет поступать в трубопровод с завода компании ENEOS производительностью 300 м³ в час²⁹.

С учетом амбициозных целей по развитию производства низкоуглеродного водорода в Японии на горизонте ближайших 10–15 лет становится вполне очевидным, что без создания трубопроводной инфраструктуры не обойтись. Однако каких-либо явных планов на этот счет правительство не озвучивало, поэтому не очень понятно, каким именно образом предполагается перевозить водород по стране, чтобы снабжать им сотни заправочных станций, а также десятки предприятий и объектов энергетики. Конечно, остается вариант производства и потребления на месте, но такой подход десятилетиями применяется в химической и нефтеперерабатывающей промышленности и не имеет ничего общего с низкоуглеродной экономикой [Демина, Мазитова 2023]. Установка же собственного производства рядом с АЗС (электролизеры) сопряжена с большими затратами, рисками безопасности и высокой итоговой ценой 1 кг водорода (более 10 долл./кг), что делает такой подход заведомо неконкурентоспособным. То есть экономически гораздо целесообразнее производить водород в промышленных масштабах на нескольких крупных предприятиях и потом направлять его потребителям по сети трубопроводов.

Отчасти решением проблемы может стать так называемое подмешивание водорода в природный газ и передача его по действующим газопроводам, о чем периодически говорят в Японии³⁰. Однако уже неоднократно доказано, что подмешивание более 10% водорода в силу его химических свойств меняет свойства газа и требует усовершенствования технологического оборудования трубопроводов (компрессоров, контрольно-измерительных приборов, и т. д.), иначе значительно возрастает вероятность аварий. Немаловажно и то, что на выходе этот водород необходимо отделить. Естественно, затраты на такие операции велики, а передача 5–10% водорода в смеси с природным газом для обеспечения предполагаемых больших объемов слабо влияет на ситуацию – то есть все-таки нужна специализированная инфраструктура.

В вопросах создания инфраструктуры хранения прогресс также нельзя назвать существенным. Наиболее адекватный пример последних лет – строительство и запуск в 2023 г. в эксплуатацию компанией Mitsubishi Power водородного полигона в городском округе Такасаго. Это первый в Японии подобный проект, где основной акцент делается на производстве водорода способом электролиза, однако предполагается и апробация технологий совместного сжигания водорода и природного газа в различных пропорциях в газовых турбинах. Для производства используют щелочной электролизер норвежской компании HydrogenPro AS с выходной мощностью 1100 м³/ч, самой высокой в мире, а для хранения водорода построили подземные хранилища общей вместимостью 39 тыс. м³³¹.

В завершение раздела следует отметить, что в качестве важного инструмента достижения климатической нейтральности используется и углеродное регулирование. В январе 2024 г. в КНР объявили о запуске в стране добровольного углеродного рынка. Это, несомненно, является еще одной мерой по сокращению выбросов CO₂ и переходу на экологически чистые источники энергии – ВИЭ, водород, биотопливо. Уже сегодня на долю Китая приходится порядка 24% от общего числа различных действующих в мире проектов по снижению углеродного следа. Получать «чистые» углеродные единицы можно за инициативы в области лесонасаждения,

²⁹ Tokyo Gas to Start Japan's First Pipeline Hydrogen. <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/energy-transition/032824-tokyo-gas-to-start-japans-first-pipeline-hydrogen-supply-march-29> (дата обращения: 26.06.2024).

³⁰ Japan's NTT to Study Hydrogen Transportation Through Existing Pipelines. Hydrogen Tech World Data. <https://hydrogentechworld.com/japans-ntt-to-study-hydrogen-transportation-through-existing-pipelines> (дата обращения: 26.06.2024).

³¹ Mitsubishi Power Launches Production at Takasago H2 Park. <https://www.chemengonline.com/mitsubishi-power-launches-production-at-takasago-hydrogen-park/> (дата обращения: 28.06.2024).

солнечной, ветряной и водородной энергетики³². Однако в данном начинании Япония опередила Китай – основываясь на положительном опыте «Технического демонстрационного проекта для рынка углеродных единиц», реализованного Министерством экономики, торговли и промышленности (МЭТП) в 2022 г., Токийская фондовая биржа в октябре 2023 г. официально запустила торговлю углеродными единицами³³.

Обзор двустороннего сотрудничества в области низкоуглеродной энергетики

Наиболее содержательный и активный этап японо-китайского сотрудничества в области низкоуглеродной энергетики пришелся на период конца 1990-х – начала 2010-гг. После запуска Китаем своей масштабной инициативы «Один пояс и один путь» в 2013 г. это сотрудничество демонстрирует нисходящую динамику, что и неудивительно. Формат реализации инициативы предусматривал резкое усиление внимания Китая к энергетической проблематике, причем не только в виде более масштабного участия китайских корпораций в разработке месторождений первичных энергоресурсов за рубежом (в странах Центральной и особенно Юго-Восточной Азии, где напрямую пересекались интересы Китая и Японии), но и в плане явного увеличения китайского высокотехнологичного экспорта в сегменте низкоуглеродных технологий, а именно – различного оборудования для солнечной, ветряной и водородной энергетики. Буквально за 5–7 лет китайские компании существенно потеснили европейские, японские и американские на мировом рынке, заняв нишу системообразующих глобальных производителей солнечных панелей, ветряных турбин и т.д.

Фактически в начале-середине 2000-х гг. в КНР стартовали несколько больших программ стимулирования развития возобновляемой энергетики – ключевым стал национальный закон «О возобновляемых источниках энергии» от 2005 г. [Schuman, Lin 2012] – и отрасль стала привлекательной для инвестиций. Поэтому в 2000-е гг. рынок продукции для низкоуглеродной энергетики в Китае рос очень высокими темпами, и, поскольку собственная технологическая база была слабой, развитие отрасли осуществлялось преимущественно благодаря закупкам оборудования за границей. Японские корпорации Sumitomo и Mitsubishi Heavy Industries поставляли в Китай ветрогенераторы средней и большой мощности (10 кВт – 1 МВт), а Sharp и Kyocera – солнечные панели [Grafström, 2017]. Собственно, поставки из Японии закрывали до 20% потребности растущей отрасли, счет шел на сотни миллионов долларов. Например, в середине 2000-х гг. Китай импортировал порядка 10–12 ГВт мощностей ветряных турбин ежегодно, общая зависимость от иностранных поставщиков составляла более 70%. Однако уже к началу 2014 г. китайские производители покрывали почти 95% потребностей внутреннего рынка, и начали продавать свое оборудование в другие страны, причем сначала в Индию и отдельные страны ЮВА (Индонезия, Филиппины), а потом и в Латинскую Америку (Бразилия, Аргентина, Чили), Европу и также соседям – Японии и Южной Корее, пусть и не в таких больших объемах – около 5% совокупного экспорта [Grafström, 2017].

К концу 2010-х гг. Китай вышел на лидирующие позиции как экспортер оборудования для ветряной и солнечной энергетики. Экспорт ветрогенераторов за период 2017–2022 гг. находился в диапазоне 3–8 ГВт ежегодно с пиком 7,2 ГВт в 2021 г. Всего же Китай в данный период экспортировал различного оборудования для ветроэнергетики на сумму порядка 15 млрд долл. ежегодно, и закупки со стороны азиатских партнеров (государств ЮВА,

³² Carbon Trading in China: Relaunch of the Certified Emission Reduction Scheme. The Hong Kong CGI. <https://cgj.hkcgj.org.hk/carbon-trading-china-relaunch-certified-emission-reduction-scheme> (дата обращения: 28.06.2024)

³³ Japan Carbon Credit Market. <https://www.jpj.co.jp/english/equities/carbon-credit/index.html> (дата обращения: 30.06.2024).

Индии, Японии и Республики Корея) обеспечили до 3,5 млрд долл.³⁴ Что касается экспорта солнечных панелей, то цифры еще более внушительные – начиная с 2020 г. Китай экспортирует не менее 100 ГВт в год, а в 2022 г. экспортировал 212 ГВт на сумму порядка 52 млрд долл.³⁵ В целом же на Китай в 2023 г. приходилось 70–80% глобального экспорта оборудования для низкоуглеродной энергетики, в то время как доля Японии не превышала 3% (по большей части это солнечные панели) и складывалась в основном за счет поставок в Мексику, Индию и ряд государств Юго-Восточной Азии (Таиланд, Малайзия, Вьетнам), с которыми у нее сформировались устойчивые деловые связи еще в середине-конце 2000-х гг.³⁶

Несмотря на то, что Япония давно проиграла конкуренцию Китаю на мировом рынке оборудования для развития возобновляемой энергетики, свои потребности страна закрывает более чем на 80% и в ближайшей перспективе вряд ли станет чрезмерно зависимой от поставок из Китая. Это сохраняет высокую привлекательность Японии как технологического партнера для КНР, особенно по направлениям, где сегодня ведутся важные перспективные разработки – например, те же перовскитные солнечные элементы. Поэтому сотрудничество между странами продолжается, что вполне подтверждается практикой.

К середине 2000-х гг. стало понятно, что Китаю и Японии необходимо выстраивать полноценный диалог по целому ряду энергетических вопросов, поскольку эти две страны фактически формировали архитектуру региональной энергетической безопасности. Во время визита премьера Государственного совета КНР Вэнь Цзябао в Токио в апреле 2007 г. состоялся первый развернутый диалог между министрами энергетики Японии и Китая. По его итогам Министерство экономики, торговли и промышленности Японии и Государственный комитет по делам развития и реформ КНР опубликовали «Совместную декларацию об укреплении сотрудничества между Японией и Китаем в энергетике», в которой обе стороны согласились укреплять двустороннее сотрудничество в области энергосбережения и поддержания энергетической безопасности в регионе Северо-Восточной Азии. Предполагалось, что Китай получит от Японии передовые технологии для повышения энергоэффективности экономики, что было выгодно и Японии, поскольку это помогло бы контролировать растущий спрос на первичную энергию со стороны Китая и способствовало бы сокращению выбросов CO₂ и других парниковых газов.

В рамках диалога на уровне министров энергетики обе стороны также провели семинар по энергетическому сотрудничеству между Японией и Китаем, в котором приняли участие 230 компаний и более 650 руководителей предприятий энергетики из обеих стран. Семинар был разделен на четыре секции: электроэнергетика, нефть и газ, уголь и возобновляемые источники энергии. В результате стороны пришли к общему пониманию необходимости ускоренного развития возобновляемой энергетики и договорились о дальнейших контактах в данном направлении. На протяжении 2010-х гг. Китай и Япония также неоднократно участвовали в различных многосторонних диалогах высокого уровня по энергетическому сотрудничеству. Это заседания Рабочей группы по энергетике в рамках Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), и аналогичной рабочей группы в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [Minoura 2011].

³⁴ David, A. Chinese Wind Turbine Export Growth Continued in 2021. U.S. International Trade Commission. https://www.usitc.gov/publications/332/executive_briefings/ebot_chinese_wind_turbine_export_growth_continued_in_2021.pdf (дата обращения: 01.07.2024).

³⁵ Export Volume of Solar Photovoltaic Equipment in China in 2021 and 2023, by Component. Statista Analysis. <https://www.statista.com/statistics/1391057/solar-photovoltaic-export-volume-by-component-china/> (дата обращения: 03.07.2024).

³⁶ Solar Panel Exports from Japan. Volza Grow Global. <https://www.volza.com/p/solar-panel/export/export-from-japan/> (дата обращения: 04.07.2024).

Двустороннее энергетическое сотрудничество Китая и Японии достигло наибольшего прогресса в области энергоэффективности и охраны окружающей среды. С 2006 г. регулярно и успешно проводится Китайско-японский комплексный форум по энергосбережению и охране окружающей среды, в котором принимают участие соответствующие министерства и деловые круги обеих стран. Последний на текущий момент 16-й форум прошел в феврале 2023 г., в мероприятии приняли участие 870 представителей государственных органов власти, заинтересованных компаний и организаций, включая таких высокопоставленных лиц, как министр экономики, торговли и промышленности Японии в 2022–2023 гг. Нисимура Ясутоси, председатель Японо-китайской экономической ассоциации Мунэока Сёдзи и председатель Национальной комиссии по развитию и реформам КНР Хэ Лифэн. На форуме был проведен обмен меморандумами о запуске 17 новых совместных проектов. Благодаря этому число таких проектов достигло 430 с момента проведения первого форума.

На форуме были организованы четыре сессии. Первая традиционно касалась аспектов повышения энергоэффективности и достижения лучших показателей энергосбережения, вторая затрагивала проблемы развития электротранспорта, третья охватывала вопросы внедрения интеллектуальных энергетических систем, а четвертая была посвящена применению водорода. Акцент именно на водороде не случаен – Китай и Япония уделяют этому направлению самое пристальное внимание, о чем подробно рассказано в предыдущем разделе статьи. В целом же предполагается, что водород станет важной составной частью низкоуглеродной экономики будущего, поскольку его можно использовать и как энергоноситель, и как топливо для транспорта, и для балансировки работы энергетических систем на основе ВИЭ, и для снижения углеродного следа в нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, черной металлургии и т. д. Будучи ресурсодефицитными государствами, Китай и Япония довольно сильно заинтересованы в наличии собственного источника энергии, который позволит заметно снизить зависимость от импортируемых ископаемых ресурсов – угля, нефти и природного газа. Водородная экономика пока – концепция будущего, но Китай и Япония прилагают большие усилия для того, чтобы она стала реальностью на горизонте ближайших 15–20 лет³⁷.

Хороший накопленный багаж и потенциал к дальнейшему расширению кооперации есть у отдельных энергетических компаний, а также отраслевых и научно-исследовательских центров. Однако со временем подобные контакты стали происходить гораздо реже и в ограниченном формате. Например, в апреле 2024 г. в японских СМИ прошла серия публикаций, обвиняющих руководство Института возобновляемой энергетики в тесных отношениях с правительством КНР (вплоть до получения финансирования от китайской стороны). Поводом стало включение логотипа Государственной электросетевой корпорацией Китая в слайды для заседания Целевой группы по возобновляемым источникам энергии, и вопросы от представителей ряда министерств и правительственных учреждений на этот счет поступили докладчикам прямо во время выступления. Через несколько дней Институт возобновляемой энергетики вынужден был опубликовать на сайте опровержение того, что имел какие-либо неофициальные контакты с Государственной электросетевой корпорацией Китая³⁸.

Тем не менее, взаимодействие не только на уровне правительств, но и по линии отдельных компаний продолжается. Токийская энергетическая компания (TEPCO) и Государственная электросетевая корпорация Китая достаточно активно сотрудничают с середины 2000-х гг., один из недавних совместных проектов – участие инженеров TEPCO в проектировании двухконтурной линии электропередачи напряжением 1 млн В и техническое консультирование

³⁷ The 16th Japan-China Energy Conservation and Environment Forum Held. Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. https://www.meti.go.jp/english/press/2023/0211_001.html (дата обращения: 08.07.2024).

³⁸ On the Relationship Between Renewable Energy Institute and SGCC. REI News. <https://www.renewable-ei.org/en/activities/information/20240410.php> (дата обращения: 12.07.2024).

китайских коллег в процессе ее строительства. Энергетическая компания Кандэн (КЕРСО) с середины 2000-х гг. поставляет оборудование китайским партнерам для создания систем передачи данных по трансмиссионным линиям³⁹. Есть и другие примеры, что указывает на интерес к японским технологиям в Китае. Поэтому рано говорить о том, что Япония полностью уступила Китаю именно технологическое лидерство в Азиатском регионе. По количественным показателям – да, Китай далеко впереди, но вот по качественным все не так однозначно.

Заключение

Перспективы низкоуглеродной энергетике и в Китае, и в Японии оцениваются вполне оптимистично – эти две страны являются несомненными региональными локомотивами в плане развития ВИЭ и водородной энергетике, а Китай доминирует еще и в глобальном масштабе, доказывая, что целенаправленные усилия дают значительный результат. Согласно большинству имеющихся прогнозов, к 2050 г. на долю возобновляемых источников энергии и водорода будет приходиться в среднем 56% мирового конечного потребления энергии (в 2023 г. этот показатель равнялся 23%). По различным регионам мира конечное потребление энергии за счет ВИЭ и водорода составит от 50% до 80%. Если опираться на соответствующие национальные планы и обязательства стран, Китай должен попасть в диапазон 70–80%, Япония – 60–70% (но это при оптимистичном сценарии, то есть в случае, если японское правительство минимум в 2 раза ускорит темпы развития низкоуглеродной энергетике)⁴⁰.

По состоянию на декабрь 2023 г. общая доля низкоуглеродных источников, включая биомассовые установки, атомные, ветровые, солнечные и гидроэлектростанции в структуре электрогенерации КНР составила 35%. В 2010 г. этот показатель не превышал 20%, так что прогресс очевиден⁴¹. В Японии доля низкоуглеродных источников составила около 30%, это немногим меньше, чем у Китая, но с учетом того, что авария на АЭС «Фукусима» в 2011 г. фактически отбросила Японию на несколько шагов назад, данный результат вдвойне весомей⁴². Конечно, до желаемых 60–70% энергетической независимости (то есть на импорт первичной энергии остается только 30%) Японии еще далеко, и вряд ли этот показатель может быть достигнут ранее 2050 г., однако справедливости ради следует отметить, что, несмотря на все успехи Китая и его глобальное лидерство в области возобновляемой энергетике, уголь по-прежнему остается основным энергоисточником – 60% ежегодной генерации электроэнергии, и его доля снижается медленно. Более того, Китай постоянно вводит в строй новые угольные ТЭС, пусть и на обновленной технологической платформе (так называемые сверхкритические угольные ТЭС с КПД до 40%), в то время как Япония постоянно выводит из эксплуатации объекты угольной генерации, меняя их на газовые ТЭС и ВИЭ. К 2030 г. Япония вообще планирует отказаться от угля как энергоисточника, а в сегменте транспорта – полностью отойти от использования двигателей внутреннего сгорания к 2035 г.

Есть у Японии и успехи в области транспортировки водорода, где она уверенно опережает Китай. Речь идет о Suiso Frontier – первом в мире танкере, предназначенном для

³⁹ On the Relationship Between Renewable Energy Institute and SGCC. REI News. <https://www.renewable-ei.org/en/activities/information/20240410.php> (дата обращения: 12.07.2024).

⁴⁰ Renewable Energy Sources will Account for 56% of Global Final Consumption by 2050. Enerdata Scenarios. <https://eneroutlook.enerdata.net/forecasting-renewable-final-consumption.html> (дата обращения: 15.07.2024).

⁴¹ 2023 China Electricity Mix Yearly Review. CEF Analysis and Report. <https://climateenergyfinance.org/wp-content/uploads/2024/01/MONTHLY-CHINA-ENERGY-UPDATE--2023-China-Electricity-Mix-Yearly-Review-1-1.pdf> (дата обращения: 14.07.2024).

⁴² Electricity in Japan in 2023. Low Carbon Power Analysis and Report. <https://lowcarbonpower.org/region/Japan> (дата обращения: 16.07.2024).

перевозки жидкого водорода, который был спущен на воду в 2019 г. Позже, в 2022 г., танкер в рамках тестового рейса доставил в японский порт Кобэ жидкий водород, полученный при помощи газификации из австралийского угля. Рейс прошел в штатном режиме – тем самым японские судостроители доказали, что транспортировка водорода морем с технической точки зрения вполне возможна, правда, экономической целесообразности в этом пока нет, и судно по прямому назначению не используется на постоянной основе⁴³.

2020-е гг. характеризуются нарастанием геополитической напряженности в регионе Северо-Восточной Азии, поскольку Китай четко проводит независимую внешнюю политику, направленную на продвижение собственной модели глобализации, а Япония по-прежнему ориентируется на США, чьи позиции в регионе ослабевают. Тем не менее, имеющийся положительный опыт двустороннего энергетического сотрудничества между Японией и Китаем показывает, что их контакты вполне устойчивы, несмотря на изменения геополитического ландшафта, которые произошли за последние 20 лет. Обе стороны хотят избежать выраженных конфликтов и вместо этого стремятся к продолжению взаимовыгодного сотрудничества. Для Японии экономические связи с Китаем очень важны, поскольку ей никак не удастся преодолеть долговременную стагнацию, и она становится все более зависимой от китайской экономики. Справедливо и обратное – экономика Китая, пусть в значительно меньшей степени, но также зависит от японского рынка и инвестиций. К тому же Китай и Япония имеют схожие проблемы в части энергетической безопасности, а многие вопросы внешней политики, такие как проблема Северной Кореи, защита жизненно важных морских путей, региональное сотрудничество в Восточной Азии, требуют взаимной координации. В КНР по-прежнему ценят японские технологии, которые помогают повысить энергоэффективность промышленности и сохранить окружающую среду. С учетом вышесказанного следует ожидать, что тенденция к партнерству и кооперации все-таки останется доминирующей в рамках двусторонних японо-китайских отношений в обозримой перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Демина О.В., Мазитова М.Г. Роль Японии на формирующемся глобальном рынке водорода // *Японские исследования*. 2023. № 4. С. 65–80. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-65-80
- Кистанов В.О., Корнеев К.А. Энергетическая политика Китая – собственные уникальные особенности и влияние опыта Японии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2020. № 3. С. 67–79. DOI: 10.31857/S013128120009644-9

REFERENCES

- Dyomina, O.V., Mazitova, M.G. (2023). Rol' Yaponii na formiruyushchemsya global'nom rynke vodoroda [Japan's Role in the Emerging Global Hydrogen Market]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 4, 65–80. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-65-80
- Kistanov, V.O., Korneev, K.A. (2020). Energeticheskaya politika Kitaya – sobstvennye unikal'nye osobennosti i vliyanie opyta Yaponii [China's Energy Policy – Its Own Unique Features and the Impact of Japan's Experience]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 3, 67–79. (In Russian). DOI: 10.31857/S013128120009644-9

⁴³ Hydrogen Transportation. ANZ. <https://www.anz.com/content/dam/anzcom/pdf/institutional/reports/hydrogen-transportation.pdf> (дата обращения: 18.07.2024).

* * *

- Azhgaliyeva, D., Ram, K., Zhang, H. (2023). *Hydrogen in Decarbonization Strategies in Asia and the Pacific*. Asian Development Bank Institute.
- Franzmann, D., Heinrichs, H., Lippkau F., et al. (2023). Green Hydrogen Cost-Potentials for Global Trade. *International Journal of Hydrogen Energy*, 48 (85), 33062–33076.
- Grafström, J. (2017). *China's Wind Power Development – An Anatomy of Mishaps*. The Ratio Institute and Lulea University of Technology Working Paper No. 317.
- Minoura, H. (2011). *Energy Security and Japan-China Relations: Competition or Cooperation?* The University of Tokyo.
- Schuman, S., Lin, A. (2012). China's Renewable Energy Law and its Impact on Renewable Power in China: Progress, Challenges and Recommendations for Improving Implementation. *Energy Policy*, 51, 89–109.
- Zhou, Y., Baldino, Ch. (October 2022). Defining Low-Carbon Gas and Renewable Gas in the European Union. *International Council on Clear Transportation Briefing*, 2–10.

Поступила в редакцию: 29.07.2024

Received: 29 July 2024

Принята к публикации: 20.10.2024

Accepted: 20 October 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-87-105

Взаимодействие российского Дальнего Востока с Японией и Южной Кореей в условиях санкционных ограничений

А.Л. Лукин, В.И. Волощак, С.В. Севастьянов

Аннотация. Статья посвящена анализу санкционной политики Японии и Республики Корея в отношении России и оценке влияния санкций на развитие российско-японского и российско-южнокорейского сотрудничества на Дальнем Востоке России. Исследование базируется на широком спектре первичных источников – материалах государственных ведомств России, Японии и Южной Кореи, источниках личного происхождения, а также на основе работы с материалами СМИ. По итогам проведенного исследования экономических связей сторон (в областях торговли, инвестиций, финансов, туризма и транспорта) и их взаимодействия в образовательной и культурно-гуманитарной сферах в условиях санкционных ограничений, авторы приходят к выводу, что санкционная политика Японии и Южной Кореи в отношении России имеет общую основу, обусловленную принадлежностью к «коллективному Западу», а принимаемые ими антироссийские меры преследуют цель максимально ослабить индустриально-технологический потенциал РФ. В то же время, подобно большинству своих западных партнеров, Япония и Южная Корея не готовы накладывать на Россию санкции, которые могут нанести существенный ущерб их собственным экономическим и стратегическим интересам. В санкционных подходах Японии и Южной Кореи при этом прослеживаются важные различия – Япония проводит в отношении России гораздо более жесткую политику, не только ограничив экспорт в Россию, но и введя запрет на импорт из России ряда товаров. Южнокорейская сторона проявляет гораздо больше стремления сохранить связи с Россией и ее дальневосточными территориями, несмотря на неблагоприятную политическую обстановку, что, в частности, выражается в продолжающихся официальных контактах между Приморским краем и Владивостоком и рядом провинций и муниципалитетов РК. Авторы предполагают, что связи российского Дальнего Востока с Южной Кореей могут быть быстро восстановлены после урегулирования ситуации вокруг Украины, в то время как перспективы восстановления отношений с Японией выглядят гораздо менее определенными.

Ключевые слова: санкции, Россия, Япония, Южная Корея, российско-японские отношения, российско-корейские отношения, российский Дальний Восток.

Авторы:

Лукин Артем Леонидович, канд. полит. наук, профессор кафедры международных отношений Восточного института Дальневосточного федерального университета, (адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10). ORCID: 0000-0001-7252-9905; E-mail: lukin.al@dvfu.ru

Волощак Валентин Игоревич, старший преподаватель кафедры международных отношений Восточного института Дальневосточного федерального университета (адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10). ORCID: 0000-0001-7557-7494; E-mail: voloshchak.vi@dvfu.ru

Севастьянов Сергей Витальевич, д-р полит. наук, профессор департамента политологии и международных отношений Школы социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (адрес: 190068, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 123а). ORCID: 0000-0003-0216-2794; E-mail: ssevastyanov@hse.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лукин А.Л., Волощак В.И., Севастьянов С.В. Взаимодействие российского Дальнего Востока с Японией и Южной Кореей в условиях санкционных ограничений // Японские исследования. 2024. № 4. С. 87–105. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-87-105

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00605, <https://rscf.ru/project/24-28-00605/>

Interaction of the Russian Far East with Japan and South Korea under sanctions

A.L. Lukin, V.I. Voloshchak, S.V. Sevastianov

Abstract. The article presents a comparative study of the sanctions policy of Japan and the Republic of Korea towards Russia and the assessment of the impact of their sanctions on the development of Russian-Japanese and Russian-South Korean cooperation in the Russian Far East. The research is based on a wide range of primary sources – information materials of Russian, Japanese, and South Korean governmental bodies, primary sources of personal origin, as well as analysis of media materials. Based on the results of the study of the economic ties of Russia, Japan, and South Korea (in the areas of trade, investment, finance, tourism, and transport) and their interaction in the educational and cultural-humanitarian spheres under sanctions restrictions, the authors come to the conclusion that the sanctions policies of Japan and South Korea towards Russia have a common basis due to their belonging to the “collective West,” and the anti-Russian measures they take are aimed at weakening the industrial and technological potential of the Russian Federation. At the same time, like most of their Western partners, Japan and South Korea are not ready to impose such sanctions that could cause significant damage to their own economic and strategic interests. There are important differences in the sanctions approaches of Japan and South Korea – Japan pursues a much tougher policy towards Russia, not only limiting exports to Russia, but also imposing a ban on imports of a number of goods from Russia. South Korea is much more willing to maintain ties with Russia and its Far Eastern territories, despite the unfavorable political situation, which is expressed, in particular, in the ongoing official contacts between Primorsky Krai and Vladivostok and a number of provinces and municipalities of the Republic of Korea. The authors suggest that ties between the Russian Far East and South Korea can be quickly restored once the situation around Ukraine is resolved, while the prospects for restoring relations with Japan look much less certain.

Keywords: sanctions, Russia, Japan, South Korea, Russia-Japan relations, Russia-Korea relations, Russian Far East.

Authors:

Lukin Artyom L., PhD in Political Science, Professor at the Department of International Relations, Oriental Institute, Far Eastern Federal University (address: 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922). ORCID: 0000-0001-7252-9905; E-mail: lukin.al@dvfu.ru

Voloshchak Valentin I., Assistant Professor at the Department of International Relations, Oriental Institute, Far Eastern Federal University (10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922). ORCID: 0000-0001-7557-7494, E-mail: voloshchak.vi@dvfu.ru

Sevastianov Sergey V., D.Sc. in Political Science, Professor at the Department of Political Science and International Relations, School of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (address: 123 Griboyedova Canal Emb., St Petersburg, 190068). ORCID: 0000-0003-0216-2794, E-mail: ssevastyanov@hse.ru

Conflict of interests: The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Lukin, A.L., Voloshchak, V.I., Sevastianov, S.V. (2024). Vzaimodeistvie rossiiskogo Dal'nego Vostoka s Yaponiei i Yuzhnoi Koreei v usloviyakh sanktsionnykh ogranichenii [Interaction of the Russian Far East with Japan and South Korea under sanctions]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 4, 87–105. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-87-105

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 24-28-00605), <https://rscf.ru/project/24-28-00605/>

Введение

Связи с Японией и Южной Кореей (Республика Корея, РК), наряду с Китаем, в течение долгого времени являлись наиболее важными для России – и особенно для ее дальневосточных территорий – двусторонними отношениями в Азии. Эти три страны Северо-Восточной Азии находятся в непосредственной близости от российского Дальнего Востока. Кроме того, Китай, Япония и Южная Корея являются, соответственно, первой, второй и четвертой по размеру экономиками Азии и входят в число наиболее технологически развитых держав мира.

Если с Китаем отношения, в целом, продолжают расширяться и углубляться, то с Японией и Южной Кореей в последние годы ситуация стала весьма проблематичной, прежде всего из-за участия этих государств в режиме санкций, введенных против России после начала в феврале 2022 г. специальной военной операции. И Япония, и Южная Корея сегодня официально рассматриваются как государства, недружественные России.

Авторы статьи анализируют, как введенные Японией и РК санкции сказались на их связях с российским Дальним Востоком. Под Дальним Востоком авторы понимают территории, входящие в состав Дальневосточного федерального округа (ДФО). Сначала мы кратко охарактеризуем политические отношения, складывающиеся между Москвой и Токио, а также Москвой и Сеулом в новой международно-политической ситуации. Затем будет рассмотрена санкционная политика Японии и Южной Кореи в отношении РФ. Основная часть статьи посвящена разбору того, как японские и южнокорейские санкции влияют на комплекс отношений Дальнего Востока с этими странами. Основное внимание мы сосредотачиваем на экономических связях (торговля, инвестиции, финансы, туризм, транспорт), но также изучаем влияние новых обстоятельств на отношения в образовательной и культурно-гуманитарной сферах. В заключительной части мы делаем некоторые выводы и сравниваем сходство и различия между тем, как в новых условиях складываются связи российского Дальнего Востока на японском и южнокорейском направлениях.

Проведенное исследование можно отнести к области международной политической экономии, поскольку оно рассматривает проблематику на стыке международных отношений, геополитики и экономики. Авторы не претендуют на теоретические выводы и обобщения, сосредоточившись в основном на эмпирической оценке и анализе санкционной политики Японии и Республики Корея в отношении России и ее влиянии на связи этих государств с Россией и особенно ее Дальним Востоком в период с февраля 2022 г. по июль 2024 г. Методологически работа опирается на анализ публикаций СМИ и материалов официальных органов России, Японии и Южной Кореи. Кроме того, авторы использовали информацию, почерпнутую в ходе бесед с представителями бизнеса Приморского края, а также японскими и южнокорейскими дипломатами и экспертами.

Политический контекст отношений России с Японией и Южной Кореей

Отношения между Россией и Японией сегодня находятся, пожалуй, на низшей точке со времен завершения Второй мировой войны. Даже в самые непростые периоды холодной войны между Японией и СССР не прерывалось прямое пассажирское сообщение (в настоящее время оно отсутствует), а японский бизнес вкладывал деньги и технологии в освоение ресурсов и создание инфраструктуры на советском Дальнем Востоке (нынешнее японское правительство запрещает новые капиталовложения в Россию).

Следует оговориться, что деградация российско-японских отношений началась не в феврале 2022 г., а раньше – с уходом Абэ Синдзо с поста премьер-министра в 2020 г. Сменивший его Суга Ёсихидэ не проявил желания продолжать курс своего предшественника на улучшение отношений с Россией. Если администрация Суга была, в целом, безразлична к России, то следующего премьера, Кисида Фумио (4 окт. 2021 г. – 1 окт. 2024 г.), можно охарактеризовать как весьма антироссийского политика даже по меркам Японии, где симпатии к России никогда не были сильны среди правящей элиты. Одно из объяснений русофобии Кисида, возможно, заключается в его ярко выраженной проамериканской и в целом прозападной ориентации.

После февраля 2022 г. Япония выступила в качестве одного из главных и активных участников возглавляемой США антироссийской коалиции. Помимо санкционной войны против России, Токио оказывает масштабную политико-дипломатическую и материально-финансовую поддержку правительству Зеленского. В частности, Кисида посетил Киев в марте 2023 г., а в июне 2024 г. Япония стала первой страной вне НАТО, подписавшей с Украиной двустороннее соглашение «о поддержке и сотрудничестве», в котором приоритетное место занимают вопросы «безопасности и обороны»¹.

Помимо усиливающейся военно-политической интеграции с США, Токио активизировал курс на укрепление стратегического сотрудничества с НАТО и его ведущими европейскими государствами-членами. В частности, японский премьер принимал участие в трех ежегодных саммитах НАТО (в 2022, 2023 и 2024 г.), а Япония вместе Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией образовали так называемую Индо-Тихоокеанскую четверку стран-партнеров НАТО. Главным внешнеполитическим лозунгом администрации Кисида стала формула: «сегодня Украина, завтра – Восточная Азия».

Москва ожидаемо отреагировала на позицию Токио прекращением диалога по мирному договору, в том числе по «территориальному вопросу». В качестве одной из ответных мер Россией в одностороннем порядке были прекращены осуществлявшиеся с 1992 г. безвизовые гуманитарные обмены между Южными Курилами и Японией. Российские официальные лица, включая президента В. Путина, дают понять, что проводимая Японией политика делает невозможным продолжение переговорного процесса, который начался еще в конце 1980-х гг. при М. Горбачеве². Российские дипломаты используют в отношении Японии предельно жесткую риторику, в частности, предупреждая, что Москва будет реагировать на антироссийские шаги японского правительства «максимально жесткими и чувствительными для Токио контрмерами»³.

¹ Accord on Support for Ukraine and Cooperation between the Government of Japan and Ukraine // Ministry of Foreign Affairs of Japan. June 13, 2024. <https://www.mofa.go.jp/files/100684186.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).

² Встреча В. Путина с руководителями международных информагентств // Kremlin.ru. 05.06.2024. <http://kremlin.ru/events/president/news/74223> (дата обращения: 01.08.2024).

³ О встрече директора Третьего департамента Азии МИД России Л.Г. Воробьевой с директором Департамента Европы МИД Японии М. Накагомэ // Министерство иностранных дел РФ. 21.06.2024. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1958611/ (дата обращения: 01.08.2024).

Траектория современных российско-южнокорейских отношений отчасти напоминает процессы между Москвой и Токио. До начала 2020-х гг. отношения между РФ и РК развивались в положительном ключе. Администрации президентов Ли Мён Бака (2008–2013), Пак Кын Хе (2013–2017) и Мун Чжэ Ина (2017–2022) стремились поддерживать дружественные отношения с Россией, что особенно проявилось во время президентства Муна, который рассматривал сотрудничество с Россией в качестве важного фактора для достижения своего главного приоритета – нормализации межкорейских отношений [Севастьянов 2020]. Пришедший на смену Муну представитель правоконсервативного лагеря президент Юн Сок Ёль (май 2022 – н.в.) относится к России гораздо более прохладно, что объясняется, во-первых, его жесткой линией в отношении Северной Кореи, а, во-вторых, явным креном в сторону Вашингтона и Токио. По инициативе Юна началось беспрецедентное сближение Сеула и Токио, что, в свою очередь, позволило американской дипломатии реализовать давнюю цель – сколотить в Северо-Восточной Азии трехсторонний блок в составе самих США, Японии и РК, направленный прежде всего против КНР, а также Северной Кореи и России.

Несмотря на проамериканскую ориентацию Сеула при Юне руководство Южной Кореи проявляет сравнительную умеренность в украинском вопросе. Как и Кисида, Юн побывал в Киеве (в июле 2023 г.), но все же поддержка Киева и риторика в адрес Москвы со стороны Сеула носят более сдержанный характер. В отличие от Токио, который с энтузиазмом включился в антироссийскую коалицию, Сеул вводил санкции против России и оказывал помощь правительству В. Зеленского скорее не по зову сердца, а по велению и под давлением старшего американского союзника. Это дало российским дипломатам основание охарактеризовать Южную Корею как «одну из самых дружественных среди недружественных стран»⁴. В свою очередь, министр иностранных дел РК назвал Россию потенциальным «стратегическим партнером», подразумевая надежду Сеула, что после завершения военного конфликта на Украине южнокорейско-российские связи восстановятся⁵. Происходящее с лета 2023 г. стратегическое сближение между РФ и КНДР и подписание в июне 2024 г. в ходе визита Путина в Пхеньян Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, с одной стороны, осложнило отношения Москвы и Сеула, но, с другой, стимулирует южнокорейскую дипломатию искать компромиссы с Россией.

При Юне нормализация двусторонних отношений уже вряд ли возможна, однако она может случиться при следующей президентской администрации, особенно если к власти придет представитель прогрессивно-националистического лагеря. Такой надежды почти не осталось в отношениях России с Японией. Приход к власти в Токио сил, которые бы проводили гораздо более независимую от США политику, весьма маловероятен.

Санкционная политика Японии в отношении России

Первые санкции против России Япония ввела в 2014 г., реагируя на присоединение к РФ Крыма. В сравнении с антироссийскими санкциями, введенными другими участниками «большой семерки», японские ограничительные меры были приняты с задержкой и носили довольно мягкий, скорее символический характер⁶. Это во многом объяснялось стремлением тогдашнего премьер-министра Абэ Синдзо к улучшению отношений с Москвой [Панов 2024].

⁴ *Портякова Н.* «Южная Корея – одна из самых дружественных среди недружественных стран» // Коммерсант. 18.12.2023. <https://www.kommersant.ru/doc/6410748> (дата обращения: 01.08.2024).

⁵ *Park, Min-hee.* Seoul's top diplomat says closer North Korea-Russia ties run 'counter' to Chinese interests // Hankyoreh. July 15, 2024. https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/1149178.html (дата обращения: 01.08.2024).

⁶ *Пляскунова Е.* Япония одобрила санкции в отношении России // РИА Новости. 05.08.2014. <https://ria.ru/20140805/1018818105.html> (дата обращения: 01.08.2024).

Кроме того, в Токио, судя по всему, полагали, что украинский кризис 2014 г. не затрагивал непосредственно интересы безопасности Японии.

В 2022 г. позиция Японии разительно изменилась. Кабинет Кисида сразу же просигнализировал о готовности действовать солидарно и в максимальной координации с западными партнерами по «Большой семерке» (США, Канада, Великобритания, Франция, Германия, Италия, а также Европейский Союз) в оказании санкционного давления на Россию.

Реагируя на признание Москвой ДНР и ЛНР, Япония одновременно с другими членами «большой семерки» 23 февраля 2022 г. приняла первую серию ограничительных мер в отношении РФ. 25 февраля, на следующий день после начала специальной военной операции России на Украине, Токио объявил о новых масштабных санкциях против России. Затем правительство Японии, в тесной координации с США и другими членами «семерки», продолжило вводить дополнительные санкции в отношении РФ. По состоянию на июнь 2024 г., японское правительство приняло в общей сложности 24 пакета санкций против России. Санкции со стороны Японии, в целом, аналогичны антироссийским санкционным мерам, введенными США, Евросоюзом, Великобританией и другими членами западного лагеря.

В японские санкционные списки внесены более 1000 российских физических лиц, включая военно-политическое руководство РФ во главе с В. Путиным, а также более 700 организаций и компаний РФ. Ограничительные меры предполагают замораживание имущества попавших в черный список лиц и организаций в случае его обнаружения на территории Японии. Фигуранты списка не могут въезжать в Японию, им запрещено совершать банковские и кредитные операции в стране. Около 1000 товарных позиций запрещены к экспорту в Россию. В список запрещенных к экспорту товаров и технологий входят, в частности, полупроводники, «предметы роскоши», оборудование для обеспечения морской и авиационной безопасности, средства связи, продукция военного назначения, программное обеспечение, нефтеперерабатывающее оборудование, грузовая техника, железнодорожные локомотивы, обрабатывающие станки и другое электрическое оборудование, автомобили с гибридными и электродвигателями, автомобили с объемом двигателя свыше 1,9 литра, а также товары двойного назначения и иные товары, «способствующих укреплению промышленной базы РФ»⁷. Токио подверг санкциям ключевые российские финансовые учреждения, включая Центральный банк РФ, запретив с ними транзакции и заморозив их активы на территории Японии.

Япония лишила Россию статуса наибольшего благоприятствования в торговле, что привело к повышению таможенных пошлин на ряд российских товаров, а также ввела запрет на импорт из России некоторых товаров, в том числе золота, нетехнических алмазов, ряда видов продукции из древесины (щепы, бревен и шпона). Токио ввел запрет на новые инвестиции в Россию, а также на предоставление отдельных услуг, в частности, на бухгалтерские и аудиторские, консалтинговые, транспортные, строительные и инженерные. Кроме того, Япония ввела фактический запрет на прямое авиасообщение с Россией.

Целеполагание нынешней санкционной политики Японии в отношении России полностью совпадает с намерениями США и других стран Запада, заключаясь в нанесении максимального ущерба военно-промышленному потенциалу РФ и российской экономике в целом. В то же время в Токио, как и в других столицах «семерки», открыто признают, что значимость России как поставщика энергетических и сырьевых ресурсов для мировой экономики и для их собственных стран делает невозможной ее полную торгово-финансовую блокаду и требует нюансированного подхода к применению санкций.

Нынешнее руководство Японии желает нанести максимально возможный урон индустриально-технологическому и финансовому состоянию России, но при условии, что это

⁷ Какие санкции вводила Япония в отношении России // ТАСС. 01.03.2024. <https://tass.ru/info/20126445> (дата обращения: 01.08.2024).

не будет создавать существенных негативных эффектов и рисков для японской экономики. Важным базовым параметром в связи с этим является зависимость страны от торговли с Россией. Так, для США – главного инициатора и координатора антироссийских санкций – внешнеторговая зависимость от РФ в 2021 г., то есть перед введением массированных санкций, была минимальна: 0,4% по экспорту и 1% по импорту. Зависимость стран Евросоюза в том же году была гораздо выше: 4,1% по экспорту и 6,8% по импорту. Что касается Японии, в 2021 г. лишь 1% из всего объема национального экспорта отправлялся в Россию, в то время как 1,8% японского импорта поступал из РФ. Таким образом, торговая зависимость Японии от России несколько выше, чем у США, но значительно ниже, чем у стран континентальной Европы. Однако ряд завозимых из России ресурсов занимает чувствительную долю в импорте Японии. Речь, прежде всего, идет о природном газе (в 2021 г. на долю РФ приходилось 7,4% японского газового импорта), цветных металлах (10,3%), угле (9,8%), рыбе и морепродуктах (9,1%), древесине (13,1%). Что касается экспорта, 53,1% японских поставок в Россию в 2021 г. приходилось на автомобили и их компоненты, хотя доля российского рынка для японских автоэкспортеров составляла не критические 3,3%⁸.

Сокращение или даже полное прекращение экспорта японской продукции в Россию не способно нанести заметного ущерба экономике Японии. В области же импорта из России Токио располагает гораздо меньшей свободой маневра. Это, в первую очередь, касается поставок российских углеводородов (газа, нефти и угля). Вместе с другими членами «семерки» Токио в 2022 г. взял обязательство постепенно отказаться от импорта российских угля и нефти. К 2024 г. Япония полностью прекратила закупки нефти из России (в 2021 г. доля российской нефти и нефтепродуктов составляла 3,3% японского нефтяного импорта). Импорт российского угля (а Россия была вторым по значимости поставщиком для Японии) снизился к 2024 г. до минимальных значений и, скорее всего, полностью прекратится в ближайшем будущем.

В то же время Токио не стал брать на себя обязательства отказаться от импорта сжиженного природного газа (СПГ) из России, а также отказался выходить из нефтегазовых проектов Сахалин-1 и Сахалин-2, в которых японским компаниям принадлежат крупные доли. Такое решение японцев контрастирует с поведением американской Exxon Mobil и британской Shell, которые полностью ушли из сахалинских проектов практически сразу после начала СВО. Объясняя решение сохранить участие в углеводородных проектах на Сахалине, премьер Кисида отметил, что они крайне важны для обеспечения долгосрочной энергетической безопасности Японии⁹.

Решение Токио продолжать импорт российского СПГ и остаться в сахалинских проектах продиктовано сразу несколькими причинами. Во-первых, в отличие от импортируемых нефти и угля, японским энергокомпаниям гораздо сложнее найти альтернативных поставщиков СПГ. Во-вторых, сахалинский СПГ, 60% которого экспортируется в Японию по долгосрочным контрактам, благодаря максимально возможной географической близости является самым выгодным газом для японских потребителей. В-третьих, японские компании стояли у истоков сахалинских нефтегазовых проектов, вложив в них значительные финансовые и человеческие ресурсы. В-четвертых, можно предположить, что, в отличие от американцев и европейцев, у японцев существует исторически обусловленная эмоциональная привязанность к Сахалину, что придает дополнительную значимость нефтегазовым проектам на острове. В-пятых, в Токио опасаются, что в случае

⁸ Yoshida Shigekazu. The Economic Impact of Russia's Invasion of Ukraine on Japan and Kansai from a Trade Perspective. https://www.apir.or.jp/files/whitepaper/2023/part02_chap02_clmA.pdf (дата обращения: 25.07.2024).

⁹ Japan to slowly phase out Russian oil, keep interests in projects // Kyodo News. May 9, 2023. <https://english.kyodonews.net/news/2022/05/3936be564dfb-breaking-news-japan-to-maintain-interests-in-russian-oil-projects-kishida.html> (дата обращения: 01.08.2024).

ухода их место на стратегически важном для Японии российском острове могут занять «третьи страны»¹⁰, прежде всего Китай.

Морепродукты – это еще одна сфера, в которой Япония не готова накладывать на Россию существенные ограничения. В отличие от США, которые ввели запрет на импорт российской рыбы и морепродуктов, Япония продолжает их закупать. Более того, эта статья российского экспорта в Японию имеет тенденцию к росту, увеличившись в первом полугодии 2024 г. на 10,9% в сравнении с аналогичным периодом прошлого года¹¹. По словам представителя управления рыболовства Японии, запрет «имел бы большое воздействие на японскую индустрию переработки морепродуктов»¹². В отличие от нефти, угля и древесины, найти полноценные заменители крабам, морским ежам и другим деликатесам из российских дальневосточных морей практически невозможно.

Одновременно с другими членами «семерки», со второй половины 2023 г., Япония начала усиливать меры по борьбе с «уклонением от санкций». Токио стал активнее применять механизм «вторичных санкций». В черный список был внесен ряд компаний третьих стран, в частности, Индии, Казахстана, Узбекистана, Китая и ОАЭ, обвиненных в сотрудничестве с Россией¹³. В июле 2024 г. в Японии был произведен первый арест по обвинению в нарушении экспортных ограничений в отношении России: в Осаке был задержан гражданин РФ, которого заподозрили в поставках в Россию подсанкционных гидроциклов, лодочных моторов и подержанных мотоциклов¹⁴. Причем, как утверждается, эти поставки из порта Осаки во Владивосток осуществлялись через Южную Корею¹⁵. За нарушение японского закона «О регулировании валютных операций и внешней торговли» россиянину грозит до пяти лет лишения свободы. Арест российского бизнесмена можно рассматривать как сигнал устрашения в адрес потенциальных нарушителей антироссийских санкций.

Российско-японское взаимодействие на Дальнем Востоке РФ в условиях санкционных ограничений

В 2021 г. объем российско-японской торговли составил 19,9 млрд долл. К 2023 г. он сократился вдвое, составив 9,6 млрд долл.¹⁶ Данные по экспортным и импортным потокам Дальневосточного федерального округа после марта 2022 г. недоступны, но можно предположить, что объем торговли российского Дальнего Востока с Японией уменьшился примерно в той же пропорции, что и российско-японская торговля в целом, то есть в два раза.

Санкции неизбежно сказались на расположенных в России предприятиях с японскими инвестициями. Наиболее крупные японские активы в России были сосредоточены

¹⁰ Япония нарастила импорт рыбы из РФ на 10% за первые полгода 2024 // Известия. 18.07.2024. <https://iz.ru/1729254/2024-07-18/iaponiia-narastila-import-ryby-iz-rf-na-10-za-pervye-polgoda-2024> (дата обращения: 01.08.2024).

¹¹ Япония ввела санкции против 11 физлиц и 42 компаний из России // ТАСС. 21.06.2024. <https://tass.ru/ekonomika/21159603> (дата обращения: 01.08.2024).

¹² Nikkei: цена краба в Японии снижается благодаря импорту из России // ТАСС. 03.12.2023. <https://tass.ru/ekonomika/19441691> (дата обращения: 01.08.2024).

¹³ Япония ввела санкции против 11 физлиц и 42 компаний из России // ТАСС. 21.06.2024. <https://tass.ru/ekonomika/21159603> (дата обращения: 01.08.2024).

¹⁴ Баласян Л. В Японии задержан россиянин по подозрению в обходе санкций // Коммерсант. 10.07.2024. <https://www.kommersant.ru/doc/6821475> (дата обращения: 01.08.2024).

¹⁵ Japanese sanctions against Russia: first case of arrests for alleged violations // BakerMcKenzie. July 16, 2024. <https://sanctionsnews.bakermckenzie.com/sanctions-against-russia-first-case-of-arrests-for-alleged-violations/> (дата обращения: 01.08.2024).

¹⁶ Товарооборот между Россией и Японией в 2023 году упал на 45,3% // ТАСС. 24.01.2024. <https://tass.ru/ekonomika/19800797> (дата обращения: 01.08.2024).

в нефтегазовой, автомобильной, табачной и лесной отраслях. Однако полный выход японских собственников состоялся только из автомобилестроения. В 2022 г. была остановлена работа заводов Toyota и Nissan в Санкт-Петербурге. В Приморском крае прекратила деятельность «Мазда Соллерс Мануфэкчуринг Рус» (совместное предприятие российской «Соллерс» и японской Mazda), собиравшее на заводе во Владивостоке автомобили Mazda, а также двигатели Mazda на предприятии в пригороде Владивостока.

В других отраслях японцы предпочли сохранить присутствие. Japan Tobacco, 33% акций которой владеет правительство Японии, решило сохранить бизнес в России. На это решение во многом повлияло то обстоятельство, что на долю российского рынка приходится около 20% общей прибыли компании¹⁷.

Японские компании, в целом, стремятся сохранять свое присутствие в лесной отрасли. В отличие от автомобилестроения и табачной промышленности японские лесные активы сосредоточены именно в восточной части России, что объясняется наличием здесь обширных запасов древесины и близостью к японскому рынку, являющемуся крупным ее потребителем. Старейшим и наиболее крупным проектом российско-японского партнерства в лесной сфере выступает ОАО «Тернейлес» в Приморском крае, 45% в уставном капитале которого принадлежит Sumitomo Corporation. В мае 2023 г. был сформирован новый состав совета директоров «Тернейлеса», в котором три из семи мест занимают представители Sumitomo¹⁸. Продолжает деятельность в России крупная японская домостроительная компания Iida Group Holdings, которая уже в 2022 г. завершила покупку 75% акций крупнейшего дальневосточного производителя леса RFP (основные активы RFP расположены в Хабаровском крае). В руководстве RFP значится японский гражданин, возглавляющий департамент по взаимодействию с акционерами¹⁹.

Основной объем прямых японских инвестиций в России приходится на нефтегазовый сектор, а именно проекты Сахалин-1, Сахалин-2 и Арктик СПГ-2. Японский консорциум SODECO (в нем 50% принадлежит правительству Японии, а остальное – корпорациям Itochu, Inpex, Japan Petroleum Exploration и Marubeni) владеет долей 30% в проекте Сахалин-1. В проекте Сахалин-2 японцам принадлежит 22,5% (Mitsui — 12,5 %, Mitsubishi — 10 %). В Арктик СПГ-2 японский консорциум Japan Arctic LNG в составе Mitsui и JOGMEC владеет 10%. Японские акционеры этих проектов согласились на перевод своих долей в новые юридические лица, которым по указу президента РФ в октябре 2022 г. были переданы полномочия операторов Сахалин-1 и Сахалин-2. В ежегодном докладе («Синей книге») МИД Японии, опубликованном в апреле 2024 г., сказано, что «в свете обеспечения стабильных поставок на среднесрочную и долгосрочную перспективу» Япония продолжает рассматривать Сахалин-1 и Сахалин-2 как «важные проекты в сфере энергетической безопасности и намерена сохранять в них долю»²⁰.

Ситуация с новым проектом – Арктик СПГ-2, в который японцы вошли в 2019 г., сложилась по-другому. В конце 2023 г. правительство США наложило блокирующие санкции на Арктик СПГ-2 и связанную с ним логистическую инфраструктуру, включая перевалочный терминал на Камчатке, через который значительную часть СПГ планировалось доставлять японским и другим азиатским потребителям. После этого японские акционеры проекта, Mitsui and JOGMEC, приостановили свое участие в нем, хотя сохраняют пока свои доли

¹⁷ Кеффер Л. Japan Tobacco сохранит бизнес в РФ во избежание проблем с инвесторами // *Коммерсант*. 01.05.2024. <https://www.kommersant.ru/doc/6679695> (дата обращения: 01.08.2024).

¹⁸ Информация о совете директоров ОАО «Тернейлес», 2023 г. // ОАО «Тернейлес» 24.05.2023. http://terneyles.ru/?page_id=143 (дата обращения: 01.08.2024).

¹⁹ Руководство // Официальный сайт холдинга RFP. <https://www.rfpgroup.ru/leaderships> (дата обращения: 25.07.2024).

²⁰ 外交 書外 務 省 2024 [Синяя книга по дипломатии. Министерство иностранных дел Японии. 2024]. 16.04.2024. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100653233.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).

в уставном капитале. Точно так же поступили и другие иностранные совладельцы Арктик СПГ-2 (французская Total, китайские CNOOC и CNPC). Заморозка участия в проекте означает, что японские и другие иностранные акционеры отказались от получения продукции проекта и остановили его финансирование.

За исключением вышеупомянутых проектов в энергетическо-сырьевой сфере, остальные – весьма немногочисленные – предприятия с японскими инвестициями на российском Дальнем Востоке имели сравнительно скромные размеры. К их числу относятся построенные во второй половине 2010-х гг. с использованием японских агротехнологий тепличные комплексы JGC Evergreen в Хабаровске и тепличный комплекс «Саюри» в Якутске. Теплицы продолжают функционировать. Японские инвесторы не объявляли о выходе из проектов.

Во Владивостоке продолжает работать медицинский реабилитационный центр «Хокуто», который был открыт в 2018 г. JGC Corporation и Hokuto Social Medical Corporation. Проект по созданию центра превентивной медицины и диагностики «РЖД-медицина» в Хабаровске начался в 2018 г. и должен был реализовываться ОАО «РЖД» совместно с Marubeni. Однако в апреле 2022 г. Marubeni покинула проект, после чего, в сентябре 2023 г., РЖД открыла высокотехнологичное медицинское учреждение уже без участия японцев²¹.

По словам японского источника, правительство Японии не оказывает давления на компании, которые приняли решение остаться в России. Они могут работать с Россией при условии соблюдения действующего санкционного режима. В то же время, по словам того же источника, во многих японских компаниях, работающих на российском направлении, идут внутренние дебаты между теми членами их руководства, кто высказывается за продолжение присутствия в России, и теми, кто настроен антироссийски и выступает за уход из РФ.²²

С начала 1990-х гг. одним из столпов российско-японского экономического взаимодействия на Дальнем Востоке был импорт японских подержанных автомобилей. Введение Японией с августа 2023 г. запрета на экспорт в Россию автомобилей с бензиновыми и дизельными моторами объемом более 1,9 литра, гибридных машин и электрокаров (в декабре того же года запрет на экспорт в Россию авто с объемом от 2 литров ввела Южная Корея) нанесло удар по этому бизнесу. Однако он сумел в значительной степени адаптироваться. После первоначального резкого спада объем импорта авто из Японии и Южной Кореи вновь начал расти. По данным Владивостокской таможни, середине 2024 г. ввоз японских и южнокорейских авто физическими лицами приблизился к досанкционным объемам. Причем на российский рынок продолжают поступать и автомобили подсанкционных категорий. Для этого используются обходные схемы с поставками через третьи страны, такие как Малайзия, Китай или Монголия²³. Частные автодилеры во Владивостоке предлагают приобрести у них «санкционные автомобили, как из Южной Кореи, так и из Японии», обещая доставку в течение 20 дней.²⁴ Не наблюдается пока значительных перебоев и с запасными частями для японских авто. Как отмечает один из автовладельцев, «цены на японские автозапчасти во Владивостоке остаются стабильными в течение года. Значит, скорее всего, нет проблем с их поставками во Владивосток»²⁵. Ему вторит другой владивостокский автовладелец: «У меня сломалась электронная плата на Lexus, я заказал аналогичную плату в автосервисе, заплатив

²¹ Чудновский А. «РЖД-Медицина» открыла Центр превентивной медицины в Хабаровске за 1 млрд рублей. // *Vademecum*. 14.09.2023. <https://vademec.ru/news/2023/09/14/rzhd-meditsina-otkryla-tsentr-preventivnoy-meditsiny-v-khabarovske-za-1-mlrd-rublej/> (дата обращения: 01.08.2024).

²² Беседа с японским дипломатом, июль 2024 г.

²³ Пивненко Ю. Автоимпорт из Японии и Южной Кореи объехал санкции // *EastRussia*. 16.07.2024. <https://eastrussia.ru/material/avtoimport-iz-yaponii-i-yuzhnoy-korei-obekhal-sanktsii/> (дата обращения: 01.08.2024).

²⁴ Телеграм-канал «ChesAuto – автомобили под заказ». <https://t.me/chesauto/3151> (дата обращения: 27.07.2024).

²⁵ Беседа с владивостокским владельцем японского автомобиля, июль 2024 г.

за нее около 10 тысяч рублей. Через короткое время ее доставили в автосервис и установили несмотря на то, что Япония запрещает экспортировать электронику в Россию»²⁶.

Хотя Япония заблокировала транзакции с крупнейшими российскими финансовыми учреждениями, в российско-японских коммерческих сделках остается возможность расчетов через некоторые небольшие и региональные банки. В качестве примера можно привести базирующийся во Владивостоке «Солид-Банк». Примечательно, что совладельцем банка является японский HS Holdings Co. Ltd., которому принадлежит 46% акций²⁷.

Критическая инфраструктура на российском Дальнем Востоке мало зависит от японских технологий. Единственным исключением является теплоэлектростанция на острове Русском во Владивостоке, которая была построена в начале 2010-х г. и оснащена семью газовыми турбинами Kawasaki. Обслуживание этих газотурбинных установок стало проблематичным после введения санкций. Компания «РусГидро», которой принадлежит дальневосточная энергосистема, планирует заменить импортные турбины (помимо японских на Дальнем Востоке, в Якутске и Владивостоке, эксплуатируются установки американской General Electric) на отечественные²⁸.

Введение санкций поставило крест на планах по использованию японскими грузоотправителями транспортно-транзитных коридоров через Россию и российский Дальний Восток. В 2020 г. японский бизнес при поддержке Министерства земель, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии тестировал транзит через Россию по Транссибу в рамках сервиса Trans-Siberian LandBridge, организованного ОАО «РЖД» и судоходной компанией FESCO²⁹. Японцы проявляли некоторый интерес и к транзиту по Северному морскому пути. После февраля 2022 г. Япония полностью отказалась от услуг Транссиба как транзитной артерии. Кроме того, японцы перестали рассматривать СМП как потенциальную альтернативу маршруту через Суэц³⁰.

В течение нескольких лет, предшествующих пандемии коронавируса, туризм был, пожалуй, самым быстрорастущим сектором российско-японского взаимодействия на Дальнем Востоке. Многие дальневосточники отправлялись в отпуск или даже отдохнуть на длинные выходные в Японию, куда летали прямые рейсы российских авиакомпаний, в то время как на Дальний Восток, прежде всего во Владивосток, рос поток гостей из Японии (по численности иностранных туристов японцы занимали третье место после китайцев и южных корейцев). В расчете прежде всего на нарастающие туристические потоки крупнейшие японские авиаперевозчики, JAL и ANA, планировали в 2020 г. начать регулярные полеты во Владивосток³¹. Эти планы были перечеркнуты сначала пандемией, а потом санкциями.

В настоящее время прямое транспортное сообщение между российским Дальним Востоком и Японией отсутствует. Наиболее оптимальная альтернатива – лететь через Китай, например, Харбин или Пекин. Попытка организовать прямое пассажирское сообщение по морю не увенчалась успехом. В октябре 2023 г. российская компания-судовладелец «Восток Тур» объявила о запуске регулярных морских пассажирских рейсов между Владивостоком и японским портом Нанао в префектуре Исикава. Однако совершив всего четыре рейса,

²⁶ Беседа с жителем Владивостока, июль 2024 г.

²⁷ Дементьева К., Шерункова О. Банк с японским капиталом растет в РФ // *Коммерсант*. 11.04.2024. <https://www.kommersant.ru/doc/6636989> (дата обращения: 01.08.2024).

²⁸ Смертина П. К Дальнему Востоку подключают гигаватты // *Коммерсант*. 06.05.2024. <https://www.kommersant.ru/doc/6687420> (дата обращения: 01.08.2024).

²⁹ Холдинг «РЖД» отправил по Транссибу первый контейнерный поезд с японскими грузами в Европу // РЖД. 18.11.2020. <https://cargo.rzd.ru/ru/9433/page/2452802?id=256996> (дата обращения: 01.08.2024).

³⁰ Беседа с японским экспертом, апрель 2024 г.

³¹ JAL и ANA в феврале-марте начнут летать из Токио во Владивосток // Международный аэропорт Владивосток. 29.01.2020. <https://www.vvo.aero/press-center/media-publication/1078/> (дата обращения: 01.08.2024).

компания была вынуждена свернуть этот проект, столкнувшись с недоброжелательным отношением японских властей, устроивших судну проверки с пристрастием³².

Жертвой сначала пандемии, а потом санкций также стал проект по передаче пятизвездочного отеля на Корабельной набережной Владивостока в управление крупной японской гостиничной сети Okura.

Туризм между российским Дальним Востоком (и Россией в целом) и Японией в настоящее время практически отсутствует. Туристические поездки, в принципе, остаются возможными, но сопряжены с рядом трудностей. Для россиян – это прежде всего отсутствие прямых авиарейсов и невозможность использования международных платежных систем. Для японцев к этому добавляется настоятельная «рекомендация» японского правительства своим гражданам не посещать Россию.

Одной из немногих сфер, пока почти не пострадавших от ухудшения двусторонних отношений России и Японии, являются консульские связи. Все три японских генеральных консульства на Дальнем Востоке (во Владивостоке, Хабаровске и Южно-Сахалинске) продолжают работать. Россия и Япония сумели избежать взаимного закрытия консульских учреждений и высылки их персонала. Единственным исключением стал инцидент осенью 2022 г., когда российские власти объявили персоной нон грата консула генконсульства Японии во Владивостоке, а Токио в ответ выслал сотрудника генконсульства РФ в Саппоро.

Не рекомендуя своим гражданам приезжать в Россию (а в Японии такая рекомендация носит, по сути, характер запрета), японские власти не препятствуют въезду в Японию тех российских граждан, кого не пугают трудности, связанные с отсутствием прямого пассажирского сообщения и затрудненного доступа к международным платежным картам. В отличие от многих своих западных партнеров, правительство Японии не стало существенно ограничивать выдачу виз россиянам. Так, генеральное консульство Японии во Владивостоке выдает визы практически всем желающим посетить Японию. Ежемесячно – это 400–500 виз, из которых около 70% составляют визы для турпоездок. Для сравнения: до 2020 г. количество выдаваемых виз достигало 2000 в месяц³³.

Контакты в сфере образования серьезно сжались. При этом российские студенты, в том числе дальневосточных вузов, изучающие японский язык, все еще имеют возможность поехать в Японию. Для россиян продолжает действовать ряд японских образовательных и стипендиальных программ. В то же время количество японских молодых людей, приезжающих на обучение в вузы российского Дальнего Востока, измеряется буквально единицами. По состоянию на май 2024 г. в крупнейшем вузе ДФО, Дальневосточном федеральном университете во Владивостоке, учились всего два гражданина Японии. Справедливости ради надо отметить, что и до санкций и ковида число японских студентов было весьма невелико. В 2019 г. в ДВФУ их насчитывалось всего трое³⁴. Отчасти в результате санкций, отчасти вследствие долговременной тенденции уменьшения в Японии интереса к России было принято решение о сворачивании деятельности единственного филиала российского вуза в Японии – филиала ДВФУ в Хакодате. С июня 2024 г. прекращен набор студентов для обучения в этом учреждении, которое работало с 1994 г.

³² Морские рейсы из Владивостока в Японию отменили после усиленной проверки в заграничном порту – российское судно изучала комиссия из Токио // VL.RU. 22.11.2023. <https://www.newsvl.ru/vlad/2023/11/22/220681/> (дата обращения: 01.08.2024).

³³ Беседа с японским дипломатом, июль 2024 г.

³⁴ Наибольшее количество японских обучающихся во Владивостоке наблюдалось в 1990-е гг., когда именно японцы составляли подавляющее большинство на программах для иностранцев, изучающих русский язык. Причем, как отмечают педагоги-русисты, почти все японские ученики отличались высокой мотивацией. С конца 1990-х гг. количество японских студентов начало неуклонно уменьшаться (беседа с доцентом кафедры русского языка как иностранного Восточного института ДВФУ Ю.А. Гунько, июль 2024 г.).

Культурно-гуманитарные контакты между Японией и российским Дальним Востоком значительно сократились, но не прекратились окончательно. Так, в марте 2024 г. во Владивостоке прошли гастроли японского дирижера и продюсера Симура Кэнъити в рамках проекта «Симфония анимэ»³⁵.

Как сами японцы оценивают результативность санкций против России? В качестве одного из мнений можно привести наблюдения Араи Хирофуми из Университета Ниигаты, который посетил Владивосток и Хабаровск весной 2024 г. Араи, в частности, отмечает полные полки супермаркетов и делает вывод, что благодаря «глубине» российской экономики санкции пока не оказали большого влияния на материальную жизнь россиян. Араи задается вопросом: «Если даже более жесткие и длительные санкции в отношении Северной Кореи не привели к ее капитуляции, то возможны ли, в принципе, эффективные санкции против России, которая имеет гораздо более мощную экономику?»³⁶. Вышеприведенное мнение профессора Араи созвучно оценкам ряда видных российских экономистов, которые отмечают устойчивость и адаптивность экономики России, проявившиеся после беспрецедентного санкционного шока 2022 года [Минакир 2023].

Санкционные меры Южной Кореи в отношении России

24 февраля 2022 г. правительство Республики Корея выразило намерение присоединиться к санкциям против РФ и ввести экспортные ограничения в объеме, «сопоставимом с мерами экспортного контроля, введенными международным сообществом»³⁷. 25 февраля на брифинге Министерства торговли, промышленности и энергетики РК с участием Корейского агентства по содействию внешней торговле и инвестициям (КОТРА), Корейской ассоциации внешней торговли (КИТА) и представителей крупного бизнеса было объявлено о создании Штаба по защитным мерам в реальном секторе экономики и Управления торговой безопасности (включающего отдельное бюро по санкциям в отношении России) под эгидой Министерства. Работа бюро по России и других новых органов должна была заключаться в «разрешении трудностей южнокорейских компаний, экспортирующих товары в Россию, и ... минимизации влияния на бизнес РК экспортных ограничений США в отношении России»³⁸.

28 февраля 2022 г. РК официально присоединилась к антироссийским санкциям, объявив о приостановке транзакций с крупнейшими банками России – Сбером, ВЭБ, ВТБ и рядом других. Южнокорейское правительство также начало консультации с Министерством финансов США с целью согласования санкционной политики. По взаимному соглашению, РК решила

³⁵ «Симфония Анимэ». Кеничи Симура (Япония) во Владивостоке. 17 марта 2024 г. // VL.RU. <https://www.vl.ru/afisha/vladivostok/event/194273> (дата обращения: 01.08.2024)

³⁶ 経済制裁が利かない? 懐深いロシア経済のリアル [Являются ли экономические санкции эффективными? Реальность устойчивой российской экономики] // Toyo Keizai. 08.06.2024. <https://toyokeizai.net/articles/-/759409?page=6> (дата обращения: 01.08.2024).

³⁷ 산업통상자원부, 대(對)러 수출통제 본격 동참 // 산업통상자원부 보도참고자료 [Полноценное участие Министерства торговли, промышленности и энергетики в санкциях в отношении России] // Информационные материалы Министерства торговли, промышленности и энергетики Республики Корея). 28.02.2022. <https://www.motie.go.kr/attach/down/095a2dda9c864e1d90d751f7668a1117/1391d2d70cf06bc859af715540400d7f> (дата обращения: 01.08.2024).

³⁸ 미국의 대(對)러 수출통제 강화 조치 발표 // 산업통상자원부 보도참고자료 [Объявление о мерах США по расширению экспортного контроля в отношении России] // Информационные материалы Министерства торговли, промышленности и энергетики Республики Корея). 25.02.2022. <https://www.motie.go.kr/attach/viewer/095a2dda9c864e1d90d751f7668a1117/4cceed292247078037c94557631e4779/778bdf5db9ced7c8fd52756c00bf0cd> (дата обращения: 01.08.2024).

придерживаться тех же ограничений в рамках финансовых санкций, наложенных на Россию, которые предусматривают генеральные лицензии Минфина США.

Южная Корея также оказалась затронута действием правила прямого иностранного продукта США (foreign direct product rule, FDP), согласно которому иностранные компании, производящие товары с использованием американских технологий, должны получить лицензию правительства США для последующего экспорта таких товаров в третьи страны. В ходе консультаций с Министерством торговли США было решено, что смартфоны, стиральные машины, автомобили и подобные изделия, не имеющие военного предназначения, могут быть освобождены от ограничений FDP со стороны США³⁹. Однако основным условием этого явилось «добровольное» присоединение РК к санкционному режиму в отношении РФ и введение собственных экспортных ограничений – таким образом, южнокорейским компаниям, экспортирующим подобные товары в Россию, необходимо получать разрешение собственного правительства [Тимофеев и др. 2023, с. 260].

В марте 2022 г. правительство РК объявило о введении эмбарго на поставки товаров 49 российским ведомствам, организациям и компаниям. В список подлежащих экспортному контролю товаров было включено 57 позиций – электронные приборы и программное обеспечение для их разработки, телекоммуникационное оборудование, оптические приборы, компоненты и технологии, газотурбинные и дизельные двигатели для тракторов и авиатехники, навигационное оборудование и др.⁴⁰ Сеул также приостановил действие режима наибольшего благоприятствования в отношении России в рамках ВТО.

С 28 апреля 2023 г. вступила в силу вторая редакция списка товаров, ограниченных к экспорту в Россию – в него были добавлены 741 новая позиция. В число новых товаров, подлежащих экспортному контролю, вошли промышленное оборудование (станки, подшипники, теплообменники), оборудование для переработки нефти и газа, автомобили стоимостью выше 50 тыс. долл. США и запчасти, толуол и ряд других химических веществ, транзисторы и другие электронные компоненты⁴¹.

26 декабря 2023 г. Министерство торговли, промышленности и энергетики РК объявило о вступлении в силу с 24 февраля 2024 г. новых экспортных ограничений в отношении России и Белоруссии. К требованиям к экспорту автомобилей добавилось также положение, ограничивающее экспорт автомобилей с объемом двигателя выше 2 литров. Часть нового списка составили изделия двойного назначения – тяжелое строительное оборудование, стальные конструкции, аккумуляторные батареи, транспортная и погрузочная техника, станки и запчасти для авиатехники. Данные позиции в новой редакции списка подлежат к ситуативному разрешению к экспорту в особых случаях. Компания имеет право экспортировать свою

³⁹ 미(美)의 해외직접제품규칙(FDPR) 등 대(對)러 수출통제 조치 관련 안내 // 산업통상자원부 보도참고자료 [Информация о мерах экспортного контроля в отношении России, включая правила прямого иностранного продукта США (FDPR)] // Информационные материалы Министерства торговли, промышленности и энергетики Республики Корея). 03.03.2022. <https://www.motie.go.kr/attach/viewer/095a2dda9c864e1d90d751f7668a1117/5b18ed72c204397c60c8a74455bd3423/778bdf5db9ced7e8fd52756c00bf0cd> (дата обращения: 01.08.2024).

⁴⁰ 미국의 수출통제번호(ECCN) 57개 국영문 공지 // 산업통상자원부 Yestrade 전략물자관리시스템 [Уведомление о 57 позициях по номерам экспортного контроля США (ECCN)] // Портал системы управления стратегическими материалами Yestrade Министерства торговли, промышленности и энергетики Республики Корея). 08.03.2022. <https://yestrade.go.kr/common/common.do?jPath=/im/imVm010D> (дата обращения: 01.08.2024).

⁴¹ 제31차 전략물자수출입고시 개정에 따른 對러 수출통제 이행 가이드라인 2023 // 산업통상자원부 Yestrade 전략물자관리시스템 [Рекомендации по осуществлению мер экспортного контроля в отношении России после пересмотра 31-го Уведомления об экспорте и импорте стратегических материалов, 2023 г.] // Портал системы управления стратегическими материалами Yestrade Министерства торговли, промышленности и энергетики Республики Корея). 15.03.2023. https://www.yestrade.go.kr/common/common.do?jPath=/im/imVm010D&BD_NO=1&BBS_NO=34710&TOP_MENU_CODE=MENU0006&CURRENT_MENU_CODE=MENU0097&CURRENT_MENU_CODE=MENU0097 (дата обращения: 01.08.2024).

продукцию, если сможет выполнить все требования по получению разрешения со стороны правительства РК в каждом конкретном случае⁴².

Четвертое расширение списка ограниченных к экспорту товаров было объявлено Министерством торговли, промышленности и энергетики РК 28 июня 2024 г. Список включает 243 позиции, в том числе станки для резки металла, детали станков, детали оптических устройств и датчики⁴³. Таким образом, по состоянию на конец июня 2024 г. суммарное количество позиций, ограниченных к экспорту в Россию, составляет 1402.

В русле общего антисеверокорейского курса администрации Юн Сок Ёля, а также в качестве реакции на российско-северокорейское сближение Сеул усилил санкционную активность в отношении российских физических и юридических лиц, обвиняемых в сотрудничестве с КНДР. Одним из примеров является внесение в санкционные списки США и Южной Кореи зарегистрированной во Владивостоке компании ООО «Алис», занимающейся «разработкой программного обеспечения» и подозреваемой в связях с северокорейскими компаниями⁴⁴.

Российско-южнокорейское взаимодействие на Дальнем Востоке РФ в новых условиях

По итогам 2023 г. объем российско-южнокорейской торговли составил 15,1 млрд долл. (российский экспорт в Южную Корею – 8,8 млрд долл., импорт из Южной Кореи – 6,1 млрд долл.). Объемы двусторонней торговли в 2023 г. упали более чем на 40% относительно 2021 г., когда товарооборот был зафиксирован на отметке 27,3 млрд долл.⁴⁵ Последние доступные данные по торговле между субъектами Дальневосточного федерального округа и Южной Кореей приходятся на 2021 г., когда товарооборот составил 10,3 млрд долл. (экспорт из ДФО в РК – 8,9 млрд долл., импорт из РК – 1,3 млрд долл.)⁴⁶.

Ввиду прямых и косвенных последствий санкционного давления как со стороны западных стран, так и южнокорейских экспортных ограничений, серьезно пострадали, либо были вовсе остановлены многие проекты двустороннего сотрудничества. Со второй половины 2010-х гг. самым крупным и высокотехнологичным российско-южнокорейским проектом являлось участие корейских судостроительных компаний в строительстве нефтяных и СПГ-танкеров на судостроительном комплексе «Звезда» в г. Большой Камень (Приморский край). Основной южнокорейский партнер, компания Samsung Heavy Industries, объявил о прекращении производства блоков и оборудования для 10 из 15 танкеров ледового класса для перевозки СПГ, строящихся на «Звезде»⁴⁷. В настоящее время SHI напрямую

⁴² 제33차 전략물자 수출입고시 시행 // 산업통상자원부 보도참고자료 [Имплементация 33-го Уведомления об экспорте и импорте стратегических материалов] // Информационные материалы Министерства торговли, промышленности и энергетики Республики Корея. 20.02.2024. <https://www.motie.go.kr/attach/viewer/095a2dda9c864e1d90d751f7668a1117/66ab579c28cb8665f5194a05962bccb4/9a9db098b587ee18b321c826f3707a49> (дата обращения: 01.08.2024).

⁴³ 대(對) 러시아, 벨라루스 상황허가 대상품목 243개 추가 // 산업통상자원부 보도참고자료 [243 новые позиции, подлежащие специальному утверждению при торговле с Россией и Белоруссией] // Информационные материалы Министерства торговли, промышленности и энергетики Республики Корея. 28.06.2024.

⁴⁴ Еще одна компания из Владивостока попала под санкции США и Южной Кореи // PrimaMedia. 28.03.2024. <https://primamedia.ru/news/1712940/> (дата обращения: 01.08.2024).

⁴⁵ Сост. по: Korea International Trade Association. <https://www.kita.org/kStatistics/overview/balanceOfTrade/balanceOfTradeList.do> (дата обращения: 01.08.2024).

⁴⁶ Сост. по: Статистическая информация о внешней торговле по итогам 4 квартала 2021 года // Дальневосточное таможенное управление. 11.03.2022. https://dvtu.customs.gov.ru/statistic/2021-god/ItoGovaya_informaciya/document/329535 (дата обращения: 01.08.2024).

⁴⁷ Бузлаев П. Samsung Heavy прекратила производить оборудование для 10 СПГ-судов «Звезды» // Коммерсант. 26.12.2023. <https://www.kommersant.ru/doc/6426798> (дата обращения: 01.08.2024).

не осуществляет совместные проекты с комплексом «Звезда». Работы по пяти оставшимся танкерам ведутся компанией Bolshoy KHAN⁴⁸ – филиалом южнокорейского судостроителя компании KHAN в г. Большой Камень, оказывающим агентские услуги для DSME, SHI и других судостроительных компаний РК.

В отличие от Японии, власти Южной Кореи не вводили официального запрета на новые капиталовложения в Россию, однако после февраля 2022 г. практически все планировавшиеся ранее южнокорейские инвестиционные проекты были остановлены. В их числе – строительство промышленного комплекса в Приморье, которое было объявлено в качестве одного из «мостов сотрудничества» в рамках объявленной президентом РК Мун Чжэ Ином в 2017 г. инициативы «9 мостов» по развитию экономического сотрудничества с Россией. Похожая судьба постигла и план Lotte по строительству животноводческого комплекса и молочного завода в Приморском крае. При этом в рамках старых проектов в Приморском крае продолжают работать южнокорейские сельскохозяйственные предприятия во главе с той же Lotte, которые выращивают сою, кукурузу и овес. Lotte также сохраняет контроль над одноименной гостиницей в центре Владивостока, одной из крупнейших в городе⁴⁹.

Санкции привели к разрыву транспортно-логистических схем, что прежде всего затронуло пассажирское авиасообщение между Россией, в том числе городами российского Дальнего Востока, и Южной Кореей. Все авиарейсы были прекращены на неопределенный срок по решению южнокорейской стороны⁵⁰. Частичной компенсацией прерванного авиасообщения стал запуск летом 2022 г. по инициативе южных корейцев грузопассажирской паромной линии Владивосток – Тонхэ, которая работает по сей день. Что касается грузового сообщения, с Дальнего Востока ушли два южнокорейских контейнерных перевозчика (НММ и КМТС), однако продолжила работу крупная судоходная компания Sinokor. Внесение «Восточной стивидорной компании», управляющей терминалом в порту Восточный, в санкционный список США в феврале 2024 г. заставило Sinokor прекратить работу с терминалом ВСК, однако компания сохраняет свое присутствие во Владивостоке⁵¹.

До 2020 г. туризм был одной из самых успешных сфер взаимодействия между российским Дальним Востоком и Южной Кореей. В 2019 г. количество корейских туристов, посетивших Владивосток, достигло 300 тысяч человек⁵². Между Россией и Южной Кореей продолжает действовать введенный в 2015 г. безвизовый режим, но отсутствие прямых авиарейсов и отключение России от международных платежных систем практически уничтожили возможности для развития массового туризма. Тем не менее во Владивостоке продолжает работать Национальная организация туризма Кореи, которая в сотрудничестве с местными туристическими компаниями предлагает туры и проводит промо-акции⁵³.

В новых обстоятельствах контакты российского Дальнего Востока с Южной Кореей отчасти сместились на межрегиональный уровень. Так, в декабре 2023 г. состоялся семинар

⁴⁸ ООО «Большой КХАН» // РБК Компании. 07.03.2023. <https://companies.rbc.ru/id/1212500012427-obschestvo-s-ogranichennoj-otvetstvennostyu-bolshoj-khan/> (дата обращения: 01.08.2024).

⁴⁹ В отличие от Японии у Южной Кореи никогда не было на российском Дальнем Востоке прямых инвестиций сопоставимых по размеру с сахалинскими проектами.

⁵⁰ Korean Air приостановила полеты в Москву и Владивосток // Интерфакс. 15.03.2022. <https://www.interfax.ru/business/828197> (дата обращения: 01.08.2024).

⁵¹ Крупнейший морской перевозчик на Дальнем Востоке из-за санкций отказался заходить в порт Восточный // VPost-media. 04.03.2024. <https://vpost-media.ru/texts/krupneyshiy-morskoy-perevozchik-na-dalnevostoke-iz-za-sankciy-otkazalsya-zakhodit-v-port> (дата обращения: 01.08.2024).

⁵² Генеральное консульство Республики Корея во Владивостоке. https://overseas.mofa.go.kr/ru-vladivostok-ru/wpge/m_7829/contents.do (дата обращения: 01.08.2024).

⁵³ Живём по-английски: приморцам предлагают учиться и отдыхать в английской деревне в Корее // VL.RU. 16.05.2024. <https://www.news1.ru/vlad/2024/05/16/223741/> (дата обращения: 01.08.2024).

по сотрудничеству между Приморским краем и провинцией Северная Чолла, в ходе которого стороны обсудили перспективы сотрудничества в рыбной промышленности и торговле рыбной продукцией⁵⁴. Сохраняются официальные контакты Приморского края с провинциями Канвон и Северная Кёнсан. С участием трех сторон в Приморье реализуются различные форматы сотрудничества, такие как Международный форум «Канвон – Приморье», проводятся маркетинговые мероприятия, к примеру, фестивали «К-Маркет», прошедшие дважды во Владивостоке в 2023 г., и фестивали российского краба в г. Тонхэ в 2023 и 2024 г. На заседании Ассоциации региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (АРАССВА) в мае 2024 г. в г. Кёнджу был подписан План мероприятий по сотрудничеству между Приморским краем и провинцией Канвон⁵⁵. В июле 2023 г. при поддержке администрации провинции Канвон была открыта контейнерная линия, связывающая Владивосток, Тонхэ и Пусан⁵⁶. Акцент на межрегиональном измерении российско-южнокорейских контактов можно объяснить стремлением как российской, так и южнокорейской сторон деполитизировать экономическое и гуманитарное сотрудничество России и РК. Кроме того, следует учитывать заинтересованность япономорских провинций РК в сохранении и, насколько возможно, развитии экономических связей с российским Дальним Востоком.

Даже в неблагоприятных политических условиях между российским Дальним Востоком и Южной Кореей сохраняется заметный объем культурно-гуманитарных и образовательных контактов. Так, во Владивостоке, при поддержке генерального консульства РК, проходят фестивали корейской культуры⁵⁷. В ДВФУ по состоянию на май 2024 г. учились 35 студентов из Южной Кореи (в 2019 г. таковых было 41). Студенты ДВФУ и других дальневосточных вузов имеют возможность ездить по обменным программам в университеты РК.

Заключение

Санкционная политика Японии и Южной Кореи в отношении России имеет общую основу, обусловленную прежде всего тем, что оба эти государства – младшие союзники США и часть «коллективного Запада». В связи с этим принимаемые ими антироссийские меры преследуют цель максимально ослабить индустриально-технологический потенциал РФ.

В то же время, подобно большинству своих западных партнеров, Япония и Южная Корея не готовы накладывать на Россию санкции, которые могут нанести существенный ущерб их собственным экономическим и стратегическим интересам. Самым показательным примером такого прагматизма служат проекты Сахалин-1 и Сахалин-2, которые Токио вывел из-под действия санкций. Япония и, в несколько меньшей степени, Южная Корея хотели бы сохранить доступ к российским природным ресурсам, особенно учитывая соседство богатого ими российского Дальнего Востока. Что касается машиностроения и других технологичных секторов, и Токио, и Сеул сравнительно легко пожертвовали сотрудничеством с Россией,

⁵⁴ Межрегиональное сотрудничество с провинцией Северная Чолла (Республика Корея) // Телеграм-канал Агентства международного сотрудничества Приморского края. 12.12.2023. https://t.me/ams_primorsky/584 (дата обращения: 01.08.2024).

⁵⁵ Международные организации – эффективный инструмент развития международного сотрудничества // Телеграм-канал Агентства международного сотрудничества Приморского края. 24.05.2024. https://t.me/ams_primorsky/741 (дата обращения: 01.08.2024).

⁵⁶ Между Южной Кореей и Владивостоком откроют контейнерную линию. Уже в этом месяце // Телеграм-канал «Город В». 06.07.2023. https://t.me/gorod_vl/13171 (дата обращения: 01.08.2024).

⁵⁷ В ДВФУ состоялось главное событие Дальнего Востока, посвященное корейской культуре. 07.05.2024. https://www.dvfu.ru/news/fevu-news/v_dvfu_sostoyalos_glavnoe_sobytie_dalnego_vostoka_posvyashchennoe_koreyskoy_kulture/ (дата обращения: 01.08.2024).

поскольку доля российского рынка для них в этой сфере несущественна. Если говорить именно о Дальнем Востоке, участие Японии в сырьевом секторе экономики региона ограничивалось лишь японской Mazda (два автосборочных завода в Приморье). Единственным значимым промышленным проектом Южной Кореи было технологическое партнерство с судостроительным комплексом «Звезда» тоже в Приморье. Сотрудничество в его в рамках окончательно не прекратилось, но сталкивается со значительными трудностями.

Однако в санкционных подходах Японии и Южной Кореи есть и важные различия. В целом, Япония проводит в отношении России гораздо более жесткую политику. Например, Япония, в отличие от РК, не только ограничивает экспорт в Россию, но и запретила импорт из России ряда товаров. По сравнению с японцами, южнокорейская сторона проявляет гораздо больше стремления сохранить связи с Россией и ее дальневосточными территориями несмотря на неблагоприятную политическую обстановку. Это, в частности, выражается в продолжающихся официальных контактах между Приморским краем и Владивостоком и рядом провинций и муниципалитетов РК.

Более высокая степень конфронтационности Японии по отношению к России объясняется как политическими, так и экономическими причинами. В отличие от Южной Кореи, Япония является членом «семерки», что обязывает Токио соответствовать самым жестким «эталонам» антироссийской политики Запада. Японская политическая элита – более проамериканская и более русофобская в сравнении с южнокорейской, в которой влиятелен прогрессивно-националистический лагерь, более критически относящийся к Америке, более непредвзято воспринимающий Россию и рассчитывающий на содействие Москвы в деле межкорейского диалога.

В экономическом измерении «развод» между Россией и Японией, по сути, начался задолго до 2022 г., поскольку две страны все меньше нуждаются друг в друге. Японии, стране с сокращающимся населением и стагнирующим ВВП, уже не столь интересны российские энергетические и сырьевые товары. Это обстоятельство во многом обусловило скромные результаты «плана сотрудничества из восьми пунктов» С. Абэ во второй половине 2010-х гг. [Стрельцов, Лукин 2017, с. 55–56]. С другой стороны, миновали времена, когда Япония лидировала в ключевых областях научно-технического прогресса. Это значительно уменьшает ее привлекательность для России в качестве технологического и инвестиционного партнера. Южная Корея, напротив, находится на пике своей экономической формы. Она активно ищет новые рынки, а ее индустриально-технологические достижения представляют значительный интерес для России.

Есть и геополитические нюансы. Если Япония демонстрирует особое отношение к Сахалину, то для Южной Кореи приоритетом выступает Приморский край. Во многом это объясняется наличием общей границы между Приморским краем и КНДР. Не следует сбрасывать со счетов и эмоционально-историческую связь корейцев с югом российского Дальнего Востока, некоторые районы которого в далеком прошлом входили в состав протокорейских государств.

Можно предположить, что связи российского Дальнего Востока с Южной Кореей быстро восстановятся после урегулирования ситуации вокруг Украины. Перспективы восстановления отношений с Японией выглядят гораздо менее определенными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Минакир П.А. Внешнеторговый фактор экономики форс-мажора: пространственный маневр // *Пространственная экономика*. 2023. Т. 19. № 1. С. 7–19. [https:// dx.doi.org/10.14530/se.2023.1.007-019](https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.1.007-019) (дата обращения: 01.08.2024).

- Панов А.Н. Внешнеполитическое наследство премьер-министра Японии Абэ Синдзо // *Японские исследования*. 2024. № 2. С. 21–40. DOI:10.55105/2500-2872-2024-2-21-40
- Севастьянов С.В. Перспективы развития трансграничных отношений Дальнего Востока России в контексте выдвинутых ведущими странами СВА стратегий международного сотрудничества // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2020. № 4. С. 125–136. DOI:10.24866/1998-6785/2020-4/125-136
- Стрельцов Д.В., Лукин А.Л. Российско-японские отношения через призму теории: реализм, конструктивизм и двухуровневые игры // *Международные процессы*. 2017. №2. С. 44–63. DOI:10.17994/IT.2017.15.2.49.3
- Тимофеев И.Н., Чуприянова П.И., Троцкая К.В. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. Издание 3-е, переработанное и дополненное. – Москва: НИ РСМД, 2023. 536 с.

REFERENCES

- Minakir, P. (2023). Vneshnetorgovyi faktor ekonomiki fors-mazhora: prostranstvennyi manevr [The Foreign Trade Factor of the Force Majeure Economy: A Spatial Manoeuvre]. *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], 1, 7–19. (In Russian). <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.1.007-019>
- Panov, A.N. (2024). Vneshnepoliticheskoe nasledstvo prem'er-ministra Yaponii Abe Sindzo [Foreign policy legacy of Prime Minister of Japan Abe Shinzō]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2, 21–40. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-21-40
- Sevastyanov, S. (2020). Perspektivy razvitiya transgranichnykh otnoshenii Dal'nego Vostoka Rossii v kontekste vydvinytykh vedushchimi stranami SVA strategii mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Prospects for the Development of Transborder Relations of the Russian Far East in the Context of the Strategies of International Cooperation Put Forward by NEA Leading Powers]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional Studies], 4, 125–136. (In Russian). DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/125-136
- Streltsov, D. & Lukin, A. (2017). Rossiisko-yaponskie otnosheniya cherez prizmu teorii: realizm, konstruktivizm i dvukhurovnevye igry [Russian-Japanese Rapprochement Through the Lens of IR Theory: Neo-Classical Realism, Constructivism, and Two-Level Games]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2, 44–63. (In Russian). DOI:10.17994/IT.2017.15.2.49.3
- Timofeev I., Chupriyanova P., & Trotskaya K. (Eds.) (2023). *Politika sanktsii: tseli, strategii, instrumenty: khrestomatiya. Izdanie 3-e, pererabotannoe i dopolnennoe* [Sanctions Policy: Goals, Strategies, Instruments: A Reader. 3rd Edition, Revised and Supplemented]. Moscow: Russian International Affairs Council. (In Russian).

Поступила в редакцию: 02.08.2024

Received: 02 August 2024

Принята к публикации: 20.10.2024

Accepted: 20 October 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-106-118

Роль личности Икэда Дайсаку в деятельности буддийского неорелигиозного общества Сока гаккай

Р.М. Сеитов, Е.Э. Войтишек

Аннотация: Сока гаккай – одна из крупнейших неорелигиозных организаций Японии, основанная на идеологии нитирэннизма. Она появилась в 1930 г., но широкое распространение и популярность получила после Второй мировой войны. Сегодня в ней состоят миллионы членов как в Японии, так и за рубежом, она располагает образовательными учреждениями от детских садов до университетов, собственными СМИ, представительством при ООН, а также значительным влиянием на внутреннюю политику страны. В своем современном виде организация во многом обязана усилиям Икэда Дайсаку – третьего президента и духовного лидера, а также основателя политической партии Комэйто. Он оказал колоссальное влияние на развитие Сока гаккай, создав в нем мощную бюрократическую структуру, и вывел его деятельность на международную арену. Постепенно Д. Икэда отошел от формального ведения дел, но, будучи почетным президентом организации, он продолжал направлять деятельность и идеологию общества. При этом многие процессы в организации оказались замкнуты на эксплуатацию образа Д. Икэда, занимающего центральное место во всех религиозных и мирских делах. В официальных публикациях Сока гаккай Д. Икэда предстает как литератор, пацифист, интеллигент, просветитель. Его личной инициативе приписывается дипломатическая, образовательная и миротворческая деятельность общества, открытие школ, музеев и университетов, написание и издание многотомной коллекции сочинений. Возвышение Д. Икэда можно объяснить ориентацией нитирэннизма на преемственность учения через харизматическое лидерство. После его смерти в 2023 г. в Сока гаккай не оказалось другого авторитетного лидера, и возникла угроза дестабилизации и распада организации и потери ее политического влияния. При этом отказ от передачи преемнику харизматического лидерства, судя по всему, был осознанным решением, выработанным бюрократическим аппаратом организации. В статье рассматривается эволюция личности и образа Икэда Дайсаку и его роль в деятельности Сока гаккай на современном этапе.

Ключевые слова: Сока гаккай, Икэда Дайсаку, Нитирэн, нитирэннизм, Комэйто, политика, общество, культура.

Авторы:

Сеитов Руслан Маратович, аспирант, инженер лаборатории востоковедных исследований «Ориентир» Гуманитарного институт Новосибирского государственного университета (адрес: 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1). ORCID: 0000-0002-7083-7848; E-mail: seitofuruslan@gmail.com

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, профессор, приглашенный профессор Университета иностранных языков Киото (адрес: 615-0074, Киото, Япония). ORCID: 0000-0001-8054-6369; E-mail: elenavoyt@academ.org

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Seitov R.M., Voytishkek E.E. Роль личности Икэда Дайсаку в деятельности буддийского неорелигиозного общества Сока гаккай // Японские исследования. 2024. № 4. С. 106–118. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-106-118

Благодарности. Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки №FSUS-2024-0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

The role of Ikeda Daisaku in the activities of the Buddhist neo-religious society Soka Gakkai

R.M. Seitov, E.E. Voytishkek

Abstract. Soka Gakkai is one of the largest neo-religious organizations in Japan and is based on the ideology of Nichirenism. It was created in 1930 but became widespread and gained popularity after the Second World War. Today, it has millions of members both in Japan and abroad, it also has educational institutions from kindergartens to universities, its own media outlets, a representative office at the UN, and significant influence on the country's domestic politics. In its modern form, the organization owes much to the efforts of Ikeda Daisaku, the third president and spiritual leader, as well as the founder of the political party Komeito. He had a colossal influence on the development of Soka Gakkai, creating a powerful bureaucratic structure in it, and brought its activities to the international arena. Gradually, D. Ikeda moved away from formal management of affairs, but, as the honorary president of the organization, he continued to direct the activities and ideology of the society. At the same time, many processes in the organization turned out to be focused on exploiting the image of D. Ikeda, who occupied a central place in all religious and secular affairs. In the official publications of Soka Gakkai, D. Ikeda appears as a writer, pacifist, intellectual, and educator. Numerous diplomatic, educational, and peacekeeping activities, the opening of schools, museums, and universities, and the writing and publication of a multi-volume collection of works are attributed to his personal initiative. The rise of D. Ikeda can be explained by the orientation of Nichirenism toward the continuity of teachings through charismatic leadership. After his death in 2023, there was no other authoritative leader in Soka Gakkai, and there was a threat of destabilization and disintegration of the organization and the loss of its political influence. At the same time, the refusal to transfer charismatic leadership to a successor, apparently, was a conscious decision made by the bureaucratic apparatus of the organization. The article examines the evolution of the personality and image of Ikeda Daisaku and his role in the activities of the Soka Gakkai at the present stage.

Keywords: Soka Gakkai, Ikeda Daisaku, Nichiren, Nichirenism, Komeito, politics, society, culture.

Authors:

Seitov Ruslan M., postgraduate student, Engineer of the laboratory of oriental studies “Orientir”, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (address: 1, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7083-7848; E-mail: seitofuruslan@gmail.com

Voytishkek Elena E., Doctor of Sciences (History), Professor, visiting professor of Kyoto University of Foreign Studies (address: 615-0074, Kyoto, Japan). ORCID: 0000-0001-8054-6369; E-mail: elenavoyt@academ.org

Conflict of interest. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Seitov, R.M., Voytishkek, E.E. (2024). Rol' lichnosti Ikeda Daisaku v deyatel'nosti buddiiskogo neoreligioznogo obshchestva Soka gakkai [The role of Ikeda Daisaku in the activities of the

Buddhist neo-religious society Soka Gakkai]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 4, 106–118. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-106-118

Acknowledgements. The study was supported by state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. FSUS-2024-0028 “Axiological potential of Buddhism in the context of international relations of Russia with the countries of East Asia: history and modernity”.

Введение

15 ноября 2023 г. скончался Икэда Дайсаку (池田大作), почетный президент буддийской неорелигиозной организации «Общество созидания ценностей» (創価学会 *Сока гаккай*). Он был третьим президентом общества и почитается как один из трех его президентов-основателей. За 63 года у власти он обеспечил беспрецедентный рост количества последователей и политического влияния. Его детищем также стала политическая партия Комэйто, которая в своих предвыборных кампаниях опирается на членов религиозной организации и когда-то была одной из крупнейших оппозиционных партий, а в настоящее время входит в правящую коалицию.

Смерть Икэда Дайсаку всколыхнула японское общество и политические круги. Огромная масса последователей Сока гаккай лишилась своего харизматического лидера, и некоторые члены партии Комэйто забеспокоились, что они теперь могут лишиться мобилизационного ресурса и поддержки общества¹. Тем не менее, пока нельзя сказать, что уход из жизни почетного президента привел к вакууму власти или даже оставил организацию без центральной фигуры. Сегодня образ Д. Икэда продолжает занимать центральное место во всех аспектах жизни Сока гаккай, затмевая собой даже Нитирэн, основателя средневековой буддийской школы, которая стала основой для создания неорелигиозного движения в начале XX в. Концепция и образ духовного лидера закреплены в уставе и конституции организации, в Японии и за ее пределами устраивают выставки его работ, переводят его сочинения, организуют семинары и конференции, посвященные памяти «сэнсэя».

Многие годы Д. Икэда выстраивал сложную инфраструктуру и бюрократическую систему Сока гаккай, а сам стал символом организации и ее непререкаемым авторитетом. Американский исследователь Леви МакЛафлин, много лет изучавший Сока гаккай изнутри, в своей работе размышлял о том, что станет с организацией после смерти ее духовного лидера: «в мире без Д. Икэда администраторам Сока гаккай может оказаться сложно продолжать требовать самопожертвования от приверженцев, приказывая им делать то, что желал бы «сэнсэй». Обращение к харизматическому авторитету, который больше не доступен физически, может представлять трудности для бюрократов Сока гаккай, независимо от их успеха в возвышении Икэда Дайсаку до имманентного присутствия в жизни его членов» [McLaughlin 2019, p. 176].

В данной статье мы рассмотрим, как эволюционировал образ Д. Икэда при жизни и какую роль он занимает в Сока гаккай после его ухода.

История общества Сока гаккай

Общество Сока гаккай было основано в 1930 г. школьным учителем и гуманистом Макигути Цунэсабуро (1871–1944). Первоначально деятельность общества была сосредоточена на приведении в жизнь гуманистических идеалов самого Ц. Макигути, а также общественно-

¹ Karisuma fuzai, Kōmeitō ga shōnenba...ji no Shūin giin senkyo ni muke shiji-sō no funki unagasu [Lacking charisma, Komeito faces critical moment... Urging supporters to rally for next House of Representatives election]. *Yomiuri Shimbun*. 31.01.2024. <https://www.yomiuri.co.jp/election/shugiin/20240130-OYT1T50219/> (дата обращения: 08.08.2024).

политических постулатов учения «Школы истинного учения Нитирэна» (日蓮正宗 *Нитирэн-сё:сю:*) и не была сильно завязана на религиозной составляющей секты [Смертин 2012, с. 191].

В годы Второй мировой войны общество подверглось репрессиям со стороны властей за религиозные и политические убеждения его основателей. Практически всем членам общества пришлось отречься от его идей, а Ц. Макигути, а также его ученик и ближайший соратник Тода Дзёсэй (1900–1958) были заключены в тюрьму. В заключении Д. Тода обратился к религиозной практике. Согласно биографии на официальном сайте организации, в тюрьме он три раза перечитал Сутру лотоса – основной текст школы Нитирэн – и каждый день произносил мантру «Наму мё:хо: рэнгэ кэ» по десять тысяч раз. Такое глубокое погружение в религиозную практику привело к тому, что Д. Тода «осознал свою миссию как одного из “бодхисатв земли”, которому Будда поручил распространение истины Сутры лотоса по всему миру»².

В 1944 г. Ц. Макигути умер в заключении от недоедания, а организация была распущена. После выхода из тюрьмы в 1945 г. Д. Тода восстанавливает общество Сока гаккай, дает ему современное название и переориентирует в сторону большей религиозности. Ключевые особенности организационной структуры общества, заложенные во время его президентства, сохраняются до сих пор. Для решения тех или иных задач, возникающих в деятельности, и расширения общества были основаны несколько отделов, каждый из которых выполнял определенный круг задач. Важными отделами общества, появившимися при Д. Тоде, стали Комитет по воспитанию и обучению (教学運営委員会), Женский отдел (婦人部), Финансовый отдел (財務部), Управление по делам печати (出版局), Управление культуры (文化局), Отдел молодежи (青年部) [Державин 1972, с. 65]. Некоторые из отделов имеют жесткую разветвленную структуру.

В условиях послевоенной разрухи и нищеты общество Сока гаккай активно привлекало последователей. Д. Тода поставил цель довести их количество до 750 тыс. домохозяйств. Эта цель была достигнута 1958 г., незадолго до смерти второго президента, и важную роль в этом деле сыграл Икэда Дайсаку, который в то время занимал пост руководителя Отдела молодежи. В 1960 г. Д. Икэда становится третьим президентом общества. Двухлетний промежуток между смертью Д. Тода и избранием Д. Икэда в качестве президента в официальной историографии общества никак не объясняется, однако, судя по всему, в это время происходила борьба за власть между Икэда Дайсаку и другим влиятельным членом Отдела молодежи, Исида Цугуо (1925–1992). Д. Икэда смог мобилизовать административные ресурсы, находящиеся в его распоряжении, и в итоге вышел победителем [McLaughlin 2019, p. 53].

Получив назначение на пост президента Сока гаккай, энергичный 32-летний Д. Икэда принимается за расширение и реорганизацию общества. Через несколько месяцев после назначения, в том же 1960 г. Д. Икэда отправляется в зарубежное турне в США, Канаду и Бразилию, а в 1961 г. он посещает несколько стран в Азии и Европе. Эти поездки заложили основу расширения общества до международного уровня, которое вылилось в создание международной организации Сока гаккай интернешнл (Soka Gakkai International) в 1975 г.

В течение 1960-х гг. Сока гаккай начало активное продвижение в культурной и общественно-политической жизни Японии. Икэда Дайсаку реорганизовал структуру общества и расширил область деятельности подразделений, развил издательскую деятельность, организовал широкую кампанию по привлечению средств, занялся централизованным и целенаправленным продвижением аффилированных лиц на политические посты различных уровней. В 1961 г. была образована «Лига чистой политики» (公明政治連盟), на основе которой в 1964 г. была образована «Партия чистой политики» – Комэйто (公明党), которая и сегодня является одним из ключевых игроков на политической арене Японии.

² Dai nidai kaichō toda jōsei sensei [Second President, Josei Toda Sensei]. Soka Gakkai official website. <https://www.sokagakkai.jp/philosophy/founding-presidents/toda.html> (дата обращения: 19.07.2024).

На протяжении 1960-х гг. Общество Сока гаккай продолжало свое расширение во всех сферах японского общества и привлекало все больше сторонников. Не обходилось и без скандалов: организацию обвиняли в нарушении конституции и привлечении религии в политику секулярного государства. Кроме того, возмущение вызывал агрессивный метод привлечения сторонников, основанный на доктрине Нитирэн *сякубуку* (折伏), что означает «громить плохие учения и обращать людей в свою веру». На съезде религиозного общества в 1970 г. Д. Икэда заявил о разделении Сока гаккай и Комэйто, а также о прекращении интенсивной миссионерской деятельности [Игнатович, Светлов 1989, с. 213].

В 1979 г. на фоне скандалов в СМИ и ухудшения отношений с Нитирэн-сё:сю: Д. Икэда формально ушел с поста главы Сока гаккай и занял специально учрежденный пост почетного президента, который занимал вплоть до своей смерти в 2023 г. За это время в организации сменилось несколько президентов, однако ни один не имел такого авторитета. По сути, Д. Икэда не только не потерял влияние, но наоборот, усилил свои позиции в качестве харизматического духовного лидера.

В 1991 г. произошел раскол между организациями Нитирэн-сё:сю: и Сока гаккай. До этого между школой и обществом складывались взаимовыгодные отношения, в которых секта Нитирэн-сё:сю: предоставляла паломникам из Сока гаккай доступ к нитирэнистским храмам и святыням, взамен получая пожертвования. После раскола Сока гаккай пришлось искать другие, независимые пути отправления религиозных обрядов, что в итоге еще больше укрепило позиции Д. Икэда как духовного лидера. Штаб-квартира общества в токийском районе Синаномати стала местом притяжения со всей Японии и из-за рубежа паломников, жаждущих приобщиться к личности учителя [McLaughlin 2019, p. 2].

Преимственность учения в Сока гаккай

Как было уже указано, основой для создания Сока гаккай послужило учение японской буддийской секты Нитирэн-сё:сю:, которая возводит свое учение к одному из виднейших религиозных и общественных деятелей средневековья, монаху Нитирэн (1222–1282). Выходец из школы Тэндай, он активно проповедовал во времена социального-политического кризиса эпохи Камакура (1185–1333). Разруху и междоусобицы в современной ему Японии он приписывал наступлению эпохи «конца закона» (末法 *манпо:*). В своем учении Нитирэн всецело полагался на Сутру лотоса, считая ее единственным истинным учением и источником всеобщего спасения [Игнатович, Светлов 1989, с. 3]³.

Нитирэн обладал харизмой и непререкаемым авторитетом, которые сподвигли его последователей канонизировать монаха. Если изначально учение Нитирэн носило название «Школа лотоса благого закона» (法華宗 *Хоккэсю:*), то в XIX и XX вв. крупнейшие нитирэнистские секты получили названия «Школа Нитирэна» (日蓮宗 *Нитирэн-сю:* и 日蓮正宗 *Нитирэн-сё:сю:*). В среде нитирэнистских сект основателя учения принято почтительно называть «великим мудрецом» (日蓮大聖人 Нитирэн Дайсенин).

В своих трактатах Нитирэн называет себя перерождением бодхисаттвы Дзё:гё:-босацу, которая упоминается в Сутре лотоса как самая важная из четырех главных бодхисаттв-

³ Нитирэн считал, что нет необходимости молиться о спасении после смерти: человек должен добиваться спасения в этой жизни, а также активно преобразовывать мир вокруг себя. Согласно этим убеждениям, монах активно действовал в общественной и политической сфере, пытался внедрить свое учение в политическую и военную власть. Он распространял свое учение агрессивными методами, призывал к искоренению иных школ буддизма и уничтожению их храмов и монахов, за что подвергался гонениям, ссылкам и однажды едва не был казнен. Идеальным государственным устройством он видел феодальную теократию [Игнатович, Светлов 1989, с. 117].

последователей Будды Шакьямуни. К Будде же Нитирэн и возводит истоки своего учения, что в средние века будет воспринято его последователями как «внутренняя линия учения» [Игнатович 2002, С. 95].

Таким образом, нитирэнистские секты в целом придают большое значение роли личности основателя и учителя, и особенно сильно это можно заметить на примере Сока гаккай. Так, на официальном сайте общества в разделе «философия Сока гаккай» дается информация о том, что «Сока гаккай – это современное развитие буддизма Нитирэна Дайсёнина», а в качестве основных персоналий представлены Будда Шакьямуни, Нитирэн, а также три президента-основателя: Макигути Цунэсабуро, Тода Дзесэй и Икэда Дайсаку⁴.

Те же персоналии отражены в конституции общества, и в ней же закрепляется важная роль личностей президентов-основателей. Так, в преамбуле конституции Сока гаккай 2017 г. приводится откровение, которое Тода получил в тюрьме, и в котором увидел себя Бодхисаттвой земли. Все трое президентов названы «вечными наставниками распространения учения, появившимися в этом мире с миссией реализовать призыв Дайсёнина к всемирному распространению учения». Статьи конституции указывают на главенствующую роль деятельности и идей президентов Ц. Макигути, Д. Тода и Д. Икэда. При этом статья 3 полностью посвящена президентам-основателям, где закреплены почтительные обращения в их адрес⁵.

В конституции и в биографиях трех президентов-основателей подчеркиваются такие эпизоды, как мученичество во имя веры и идеалов общества, гонения со стороны властей, распространение учения по всей Японии. Таким образом, официальные биографии трех президентов-основателей перекликаются с биографией Нитирэн, что подчеркивает преемственность и в какой-то степени канонизирует их личности.

В конституции Сока гаккай редакции 2002 г. оговаривается, что последующие (после трех первых) президенты выполняют исключительно административные функции. Таким образом, в конституцией закреплены положения, которые делают Д. Икэда последним из харизматических лидеров общества, однако при этом сохраняется возможность назначить почетного президента [McLaughlin 2019, p. 65].

После формального ухода Икэда Дайсаку с поста президента Сока гаккай в 1979 г. в обществе сменилось несколько президентов, однако ни один из них не обладал какой-либо заметной харизмой и не оставил после себя осязаемого идеологического наследия. Можно сказать, что на личности и идеях Д. Икэда было завязано дальнейшее развитие общества, поскольку в конце преамбулы конституции приводится его видение дальнейшего развития Сока гаккай вплоть до XXIII в., в соответствии с которым «Сока гаккай стремится исполнить великий обет всемирного распространения учения, с верой «многие телом, единые разумом», и в соответствии с глобальным, ориентированным на будущее видением, которое изложил Икэда-сэнсэй».

Таким образом, доктрина и особенности школы Нитирэн, на которой основывается учение общества Сока гаккай, определили его структуру, деятельность и стиль руководства. Нарративы официальных ресурсов постоянно отсылают к сходству биографий и деятельности Нитирэн и президентов-основателей общества, в частности, их противостоянию с властями и мученичеству во имя веры. Фактор харизматического лидерства, которым обладал сам Нитирэн и который играл значительную роль в последующем развитии нитирэнизма, в образе Д. Икэда последовательно доводится до предела, замыкая на себе всю идеологию общества.

⁴ Nichirendaishōnin no buppō o gendai ni tenkai shita no ga sōkagakkaidesu [Soka Gakkai is the modern-day extension of Nichiren Daishonin's Buddhism]. Soka Gakkai official website. <https://www.sokagakkai.jp/philosophy/> (дата обращения: 19.07.2024).

⁵ Sōkagakkai kaiken [Soka Gakkai Constitution]. Soka Gakkai official website. <https://www.sokagakkai.jp/about-us/constitution.html> (дата обращения: 19.07.2024).

При этом стоит отметить, что харизма была не единственным фактором, способствовавшим тому, что Д. Икэда стал центральной фигурой Сока гаккай и оставался ею до конца своей жизни. Немаловажным представляется тот факт, что он пришел на пост лидера общества в то время, когда оно уже стало крупной и богатой организацией с разветвленной структурой управления. Он смог организовать вокруг себя влиятельных его членов, а также грамотно выстроить его бюрократию и политику.

Организация Сока гаккай, изначально руководствовавшись скорее гуманистическими и общественно-политическими идеями, нежели религиозными, к 1960 г. также стала влиятельной политической силой. Дальнейшее закрепление политического влияния с помощью создания партии Комэйто и выход общества на международную арену показывают, что Д. Икэда не мог управлять таким сложным обществом с помощью одной лишь харизмы или религиозных идей, а опирался также на бюрократический аппарат.

В отличие от лидеров других неорелигиозных организаций Японии, Д. Икэда не приписывал себе сверхъестественных способностей. Так, например, основатели «Риссе косэй кай» Нивано Никкё (庭野日敬) и Наганума Мёко (長沼妙佼) начинали свою деятельность как «чудотворцы» и целители, а основатели «Рэй ю кай» Кубо Какутаро (久保角太郎) и Котани Кими (小谷喜美) изначально прославились способностью «общаться с духами» [Игнатович, Светлов 1989, с. 172]. Уже позже, по мере развития и роста этих организаций, образы их основателей были заметно «очищены» от сверхъестественных элементов, и сейчас на официальных ресурсах практически невозможно встретить упоминаний о них. Вера в некоторые «чудесные» способности Д. Икэда распространилась среди последователей Сока гаккай уже после его прихода к власти [McLaughlin 2019, p. 101]. Тот факт, что после смерти Д. Икэда никто из его родных не занял центральное место в организации, а канонизация его образа началась еще при жизни, может говорить нам о том, что его харизма активно поддерживалась, а может быть и конструировалась внутри общества.

Таким образом, наиболее вероятно, что резкий рост популярности организации Сока гаккай в Японии и за ее пределами был обусловлен сознательно подкорректированным образом общества и его лидера, а также выбором ориентации на более широкое проблемное поле общественно-политических проблем, нежели только религиозную пропаганду. Имидж тоталитарного лидера, обладающего необыкновенными «магическими» способностями, перестал быть привлекательным в глазах общественности. Вместо него в лице Д. Икэда был создан образ грамотного и успешного управленца, обладающего вполне понятными человеческими качествами.

Роль Икэда Дайсаку как общественного деятеля

Среди трех президентов-основателей Д. Икэда оставил самый заметный след в деятельности и идеологии Сока гаккай. Отчасти это можно естественным образом связать с беспрецедентно долгим сроком фактического управления обществом, который к тому же пришелся на время экономического подъема страны и развития средств массовых коммуникаций. Кроме того, большую роль сыграли и стиль управления Д. Икэда, его инициативы, а также неоспоримый авторитет, выработанный за многие годы.

Важной частью деятельности Икэда Дайсаку в 1960-е гг. стало активное продвижение Сока гаккай в политике, для чего им было коренным образом реорганизовано Управление культуры. После реформы в него входили политический, экономический, культурный отдел, а также отдел печати и отдел по вопросам образования.

Издательская деятельность и СМИ стали важными факторами дохода и распространения влияния общества. Позже структура Сока гаккай была дополнена учебными заведениями всех уровней, культурными и спортивными центрами. Практически любое начинание Сока

гаккай связывалось с инициативой самого Д. Икэда. В этом проявлялись его незаурядные организаторские способности, а также определенная преемственность в отношении идей и деятельности основателя общества Ц. Макигути, который был интеллектуалом, гуманистом и просветителем.

В 2015 г. на сайте, посвященном Д. Икэда, появилась новость об издании последнего, 150-го тома полного собрания сочинений почетного президента общества. Заметка сообщает, что этот проект был начат в 1988 г., когда изначально предполагалось издать 75 томов, но затем их количество возросло до 150 «ввиду плодотворной писательской деятельности господина Икэда»⁶. Здесь можно провести параллели и с самим Нитирэн, который за жизнь написал более 291 сочинения. Наиболее важные из его трактатов стали основой текстуального канона нитирэннизма, обязательного к постоянному перечитыванию и изучению.

Находясь в ссылке, Нитирэн управлял делами своей школы с помощью переписки, оставаясь лидером и главным идеологом движения, но не принимая личного участия в повседневной деятельности [Игнатович, Светлов 1989, с. 78]. Что-то похожее можно заметить в практике Д. Икэда писать последователям Сока гаккай и функционерам общества, выполняющим важную работу, персонализированные письма со словами приободрения или благодарности за их труд [McLaughlin 2019, p. 24].

Личность Д. Икэда и его деятельность постоянно транслируются в медиаконтенте общества, от газетных и журнальных статей до книг и записей его лекций и выступлений. При этом естественным образом возникают сомнения в том, что сам почетный президент является непосредственным автором всей литературы, приписываемой ему. Согласно заявлениям некоторых отступников общества, а также одной из книг самого Д. Икэда, в процессе написания ему активно помогали приближенные из числа его последователей. Так, судя по всему, литературная деятельность Д. Икэда превратилась в средство создания его публичного образа [McLaughlin 2019, p. 75].

Одним из важнейших литературных произведений за авторством Д. Икэда является повесть «Человеческая революция» (人間革命) и ее продолжение «Новая человеческая революция» (新人間革命). Это беллетризованное описание жизни президентов-основателей общества Тода Дзесэй и Икэда Дайсаку и их усилий по строительству Сока гаккай, которое подается последователям в качестве настоящей истории общества. Работа над 30-томной «Новой человеческой революцией» продолжалась с 1993 по 2018 гг.⁷

Отрывки из нее до сих пор ежедневно публикуются на сайте официального СМИ общества Сэйкё симбун, каждый проиллюстрирован изображением Д. Икэда в определенный момент своей деятельности, описанной в этом отрывке⁸. Так, образ почетного президента Сока гаккай продолжает транслироваться даже после его смерти. Кроме того, веб-сайт, посвященный Д. Икэда, продолжает обновляться и пополняться новыми событиями, связанными с памятливыми датами, переизданием и переводом книг, а также форумами и конференциями, посвященными памяти или каким-либо аспектам его творчества⁹.

⁶ Volume 150 of Daisaku Ikeda's Complete Works Released. Daisaku Ikeda official website. 17.07.2015. <https://www.daisakuikeda.org/sub/events/archives/2015/july/17-complete-works-daisaku-ikeda.html> (дата обращения: 27.07.2024).

⁷ The New Human Revolution—The Conclusion of an Epic Undertaking. Daisaku Ikeda official website. 08.09.2018. <https://www.daisakuikeda.org/sub/events/archives/2018/sep/8-new-human-rev-vol-30.html> (дата обращения: 25.07.2024).

⁸ Taiga 342 ~ 344 peji (shōsetsu 'shin ningenkawainochi') dai juyūonkan [wide river, pages 342-344 (Novel "The New Human Revolution") Volume 14]. Seikyo Shimbun. 01.08.2024. <https://www.seikyoonline.com/article/6E583EE119EC2C5501928DB6572DA804> (дата обращения: 07.08.2024).

⁹ Recent Events. Daisaku Ikeda official website. <https://events.daisakuikeda.org/recent-events/> (дата обращения: 24.07.2024).

С конца 1960-х гг. Сока гаккай начинает строительство частных образовательных учреждений, которые помогли бы пополнять бюрократические кадры быстрорастущего общества, а также обслуживать Комэйто. На сегодняшний день в образовательную сеть Сока гаккай входят учреждения всех ступеней образования, начиная с детских садов и заканчивая университетами, в том числе зарубежными. Учреждение всех образовательных учреждений общества приписывается лично Д. Икэда, который руководствовался «последним желанием учителя Ц. Макигути и учителя Д. Тода»¹⁰. Кроме того, Икэда учредил образовательный фонд Макигути (Makiguchi Foundation for Education), который оказывает финансовую поддержку национальным и международным образовательным проектам, учреждениям и обменам, а также организует сбор книг и школьных принадлежностей для пожертвований, в основном в Африке и Латинской Америке¹¹.

Еще одной инициативой Д. Икэда в области культуры стало открытие Токийского музея изобразительных искусств Фудзи. Как сообщает директор музея Гокита Акира, Д. Икэда объявил о своей идее открыть художественный музей в Токио в 1961 г., и во время своих первых зарубежных поездок посещал европейские музеи в поисках вдохновения. Открывая музей, он руководствовался идеей об искусстве как о «силе, объединяющей человеческие сердца, несмотря на различия в этнической принадлежности, национальности и религии, которая представляет собой яркий свет надежды для всех»¹².

Таким образом, деятельность Д. Икэда в области идеологии и культуры представляется неоднозначной. С одной стороны, декларируется приверженность гуманистическим идеалам президентов-основателей и нитирэннизма. С другой стороны, изначально образование Управления культуры и образовательные инициативы преследовали цель усиления политического и бюрократического аппарата Сока гаккай, а обширная издательская и литературная деятельность были направлены на формирование образа Д. Икэда в необходимом для организации ключе и трансляцию этого образа не только среди ее членов, но и на более широкую аудиторию.

Политическая деятельность Икэда Дайсаку

Высокая политическая активность нитирэннистских религий восходит к деятельности Нитирэн, который был сторонником активного вмешательства в государственные дела. Он разработал доктрину теократического государства, в центре которой должна была встать его школа. Стремление объединить политику и религию в трудах последователей Нитирэн получило название «единство политики и религии» (政教一致) [Игнатович, Светлов 1989, с. 78]. Кроме того, идеология Нитирэн отличалась политическим и религиозным радикализмом, стремлением к агрессивному распространению учения. За свои радикальные взгляды Нитирэн неоднократно отправлялся в ссылки. Он воспринимал современную ему власть, в том числе и императора, как помеху для распространения учения на государственном уровне, поэтому часто вступал в конфронтацию с правительством [Fisker-Nielsen 2012, p. 38]. Нарратив борьбы с репрессивным политическим режимом стал одним из ключевых в период становления Сока гаккай, и особенно был замечен во время президентства Д. Тода, которое пришлось на время послевоенной разрухи, политической нестабильности и массовых протестов.

¹⁰ Sōritsusha ikeda daisaku sensei [Founder Daisaku Ikeda]. Soka Gakuen. <https://soka.ed.jp/introduce/founder/>

¹¹ <https://www.soka.ac.jp/en/news/2023/05/11172/> (дата обращения: 28.07.2024).

¹² Akira Gokita. Tokyo Fuji Art Museum: Creating Peace through Culture. June 2022. <https://www.sokaglobal.org/in-society/initiatives/tokyo-fuji-art-museum.html> (дата обращения: 03.08.2024).

Одним из ключевых событий в жизни Д. Икэда можно назвать его арест и последующее освобождение в конце 1950-х гг., когда общество Сока гаккай активно продвигалось в политике. Во время проведения предвыборной кампании на выборах в Осака последователи общества привлекались к агитационной деятельности, в которой прокуратура усмотрела нарушения избирательного законодательства. В 1957 г. Д. Икэда был арестован, но через две недели прокуратуре пришлось освободить его под давлением, организованным обществом. Непродолжительный арест позволил рассматривать Д. Икэда как наследника Д. Тода и Нитирэн, и позже стал важной частью нарратива Сока гаккай как эпизод праведной борьбы с репрессивной властью [McLaughlin 2019, p. 53].

Реорганизация 1960-х гг. и создание партии Комэйто в 1964 г. вывели политическую деятельность общества на новый уровень, что можно расценить как последовательное следование принципу «единство политики и религии». Тем не менее, когда к концу 1960-х гг. агрессивное расширение Сока гаккай и усиление позиций Комэйто стали предметом общественного недовольства, президенту Д. Икэда пришлось сделать выбор между следованием постулатам учения и сохранением своего имиджа и позиций, завоеванных обществом и партией. Проведенная секуляризация Комэйто, а также формальный уход с поста президента Сока гаккай стали компромиссом, который помог снизить накал общественного давления.

С тех пор образ «сэнсэя» стал меньше ассоциироваться с политической деятельностью, и все больше – с глобальными миротворческими и просветительскими инициативами. Тем не менее, партия Комэйто продолжила укреплять свои позиции, и в конце концов перешла из оппозиционного лагеря к коалиции с правящей ЛДП, также пойдя на компромисс ради сохранения политического влияния. В 2003 г. партия Комэйто как член правящей коалиции поддержала ввод японских Сил самообороны в Ирак, что вызвало возмущение и недоумение у членов Сока гаккай как отступление от пацифизма, декларируемого обществом и самим Д. Икэда. Именно отношение к нему стало определяющим фактором, когда перед людьми встал выбор – продолжать ли поддерживать партию или нет [Fisker-Nielsen 2012, p. 32].

Икэда Дайсаку оказал решающее влияние в политической деятельности Сока гаккай и Комэйто. Главным образом, его влияние отразилось в выработке идеологии общества, в решении следовать постулатам и идеалам его предшественников или идти на компромисс. Кроме того, для членов организации сама личность почетного президента стала ключевым фактором в ситуации морального и политического выбора. В то же время в политической эволюции Комэйто сильнее всего можно заметить, что со временем Д. Икэда отошел от позиций активного деятеля, а его образ обрел черты некоего идеала и морального ориентира, не всегда соответствующего реально проводимой политике.

Международная деятельность Икэда Дайсаку

Одним из больших достижений Д. Икэда в развитии общества и распространении учения стала зарубежная деятельность и создание организации «Сока гаккай интернешнл». Согласно информации на сайте организации, на момент ноября 2023 г. в нее входили около 3 млн человек из 192 стран¹³. Раздел «история» повествует об основных вехах развития и распространения организации, многие из которых связаны с той или иной инициативой Икэда¹⁴.

Отправившись в заграничное турне, Д. Икэда стал первым президентом Сока гаккай, кто сделал шаг к окончательному претворению в жизнь доктрины Нитирэн *косэн руфу*, что можно

¹³ Sekai no sōkagakkai [Soka Gakkai around the world]. Soka Gakkai official website. <https://www.sokagakkai.jp/global/> (дата обращения: 29.07.2024).

¹⁴ Sekai no Sōkagakkai no rekishi [The History of Soka Gakkai Around the World]. Soka Gakkai official website. <https://www.sokagakkai.jp/global/history.html> (дата обращения: 29.07.2024).

перевести как «проповедование истины Сутры лотоса во всемирном масштабе». Согласно этой доктрине, распространение учения должно охватить сначала всю Японию, а затем и весь мир, победив все остальные учения, и это приведет к наступлению вечного мира и всеобщему братству [Игнатович, Светлов 1989, с. 211].

Д. Икэда не только преследовал цель как можно шире распространить учение своего общества, но также занимался различной деятельностью, руководствуясь принципами укрепления мира и международных отношений, повышения уровня образования и культуры. Мирные инициативы третьего президента можно считать логическим продолжением мирных и антиядерных инициатив его учителя Тода Дзэсэй, который в 1957 г. выступил с декларацией, призывающей к запрету ядерного оружия.

В 1968 г. Д. Икэда выступил с предложением о нормализации дипломатических отношений между Японией и Китаем, которые в то время фактически находились в состоянии войны. Он считал нормализацию ключевым фактором мирного процветания Азии. Дипломатические связи между странами действительно были налажены в 1972 г., а в 1974 г. Д. Икэда посетил Китай, где встретился с премьер-министром Чжоу Эньлаем и вице-министром Дэн Сяопином. После смерти Икэда Дайсаку в 2023 г. председатель КНР Си Цзиньпин направил телеграмму с выражением соболезнований премьер-министру Кисида Фумио, а также оценил достижения почетного президента Сока гаккай в укреплении двусторонних отношений¹⁵.

В 1974 г. Д. Икэда впервые посетил СССР, где встретился с председателем Совета министров Алексеем Косыгиным. Сам он позже мотивировал свою поездку чувством необходимости наладить отношения между странами и «глубокой обеспокоенностью влияния напряженных отношений на простых людей мира»¹⁶.

В 1975 г. последовал еще один визит в СССР, где Д. Икэда прочитал лекцию в МГУ и получил свой первый титул почетного доктора наук. Он не раз посещал СССР и Россию, а также другие постсоветские страны, много общался с видными общественными, политическими и культурными деятелями, в том числе с Михаилом Горбачевым, ректорами МГУ Анатолием Логуновым и Виктором Садовничим, космонавтами Александром Серебровым и Валентиной Терешковой, писателем Чингизом Айтматовым. Диалоги с некоторыми собеседниками были изданы в виде книг. Д. Икэда был награжден орденом Дружбы Российской Федерации и благодарностью Правительства Российской Федерации за большой вклад в развитие двусторонних отношений и культурных обменов. Соболезнования по случаю кончины Д. Икэда выразили Российский детский фонд¹⁷ и Посольство Российской Федерации в Японии¹⁸.

Всего за свою жизнь Икэда Дайсаку получил свыше 400 почетных степеней различных институтов и академий¹⁹, а также выступил автором 76 книг с беседами с различными

¹⁵ Chūgoku shi shuseki kara Kishida shushōate ni chōden ikeda daisakushi no shikyo o uke [Chinese President Xi sends condolence telegram to Prime Minister Kishida following the death of Daisaku Ikeda]. NHK. 25.11.2023. <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20231125/k10014269021000.html> (дата обращения: 27.07.2024).

¹⁶ A Portrait of Citizen Diplomacy. Daisaku Ikeda official website. <https://www.daisakuikeda.org/main/peacebuild/peace/peace-05.html> (дата обращения: 26.07.2024).

¹⁷ Светлая память Дайсаку Икэда – великому человеку и нашему большому другу. Российский детский фонд. 29.12.2023. https://detfond.org/news/mezhdunarodnye/svetlaya_pamyat_daysaku_ikede_velikomu_cheloveku_i_nashemu_bolshomu_drugu/ (дата обращения: 29.07.2024).

¹⁸ Об участии временного поверенного в делах России в Японии Г. А. Овечко в церемонии прощания с почившим почетным председателем общества «Сока Гаккай» Д. Икэда. Посольство Российской Федерации в Японии. 30.01. 2024. https://tokyo.mid.ru/ru/novosti_posolstva/ob_uchastii_vremennogo_poverennogo_v_delakh_rossii_v_yaponii_g_a_ovechko_v_tseremonii_proshchaniya_s/ (дата обращения: 29.07.2024).

¹⁹ Academic Honors Conferred. Daisaku Ikeda official website. <https://www.daisakuikeda.org/sub/resources/records/degree/list-of-conferrals.html> (дата обращения: 05.08.2024).

общественными и политическими деятелями²⁰. Он является также лауреатом Премии Мира ООН, имеет награду «За гуманность» Верховного комиссара по делам беженцев при ООН, почетное звание «Поэт-лауреат» Всемирной академии искусств и культуры.

Тем не менее, на наш взгляд, стоит провести различие между международной деятельностью общества Сока гаккай и личными инициативами Д. Икэда, поскольку последние не конвертируются напрямую в рост числа последователей организации или распространение нитирэннизма в мире. Так, например, в России существует зарегистрированная община Сока гаккай, однако найти какие-либо точные данные о количестве последователей в стране или в целом в СНГ не представляется возможным, несмотря на то что Д. Икэда часто посещал страну и общался с политическими лидерами и общественными деятелями.

Заключение

Икэда Дайсаку оставил свой след в каждом аспекте жизни и деятельности Сока гаккай. Постепенно из президента, управленца и реформатора он превратился в своеобразный символ общества и стал неотъемлемой частью его идеологии. Официальные ресурсы Сока гаккай связывают любое начинание с его именем, и ни одно событие в обществе не обходится без «сэнсэя». В действиях, публикациях и заявлениях Д. Икэда прослеживается приверженность курсу, установленному его предшественниками, а также соответствие образу и поступкам Нитирэн как основателя буддийской школы. В его образе, транслируемом на официальных ресурсах организации, сочетаются гуманизм и просветительская деятельность Макигути Цунэсабуро, организационный талант и пацифизм Тода Дзесэй, а также харизма и последовательная приверженность идее распространения учения Нитирэн. При этом образ Икэда Дайсаку старательно очищен от всего негативного, что можно было найти в его предшественниках, – например, от непримиримой враждебности к другим религиям и течениям буддизма и бунтарского духа противостояния государству и власти. Безупречный образ Д. Икэда как гуманиста, пацифиста, интеллектуала и просветителя сделал его известным далеко за пределами Сока гаккай, но похоже, что в пределах самой организации он был поставлен на службу мобилизации ее избирательного потенциала.

После кончины «сэнсэя» в организации не оказалось харизматичной личности, способной занять его место. Его жена, Икэда Канэко, никогда не пользовалась такой же популярностью и известностью, его сыновья Хиромаса и Такахиро хоть и занимают высокие позиции в структурах Сока гаккай, не претендуют на то, чтобы занять место отца. Более того, возможность появления подобной центральной фигуры сильно ограничена уставом организации.

Д. Икэда пришел на пост лидера Сока гаккай в качестве ярого борца за распространение веры и идеалов, готовый сражаться с репрессивным государством, а после ухода оставил огромную и богатую организацию со строгой иерархией, мощным бюрократическим аппаратом, включенным в реальную политику. Быть может, чтобы не допустить появления нового пассионарного лидера, который направил бы эти ресурсы в иное русло, образ Д. Икэда был идеализирован и канонизирован, но при этом как бы закреплен на той же самой позиции, которую его носитель занимал при жизни.

Скорее всего, мы не увидим мгновенного краха Сока гаккай из-за противоборства центростремительных сил в отсутствие сильного лидера. При этом возможности развития и роста организации также ограничены, а без них ее ждет неминуемое угасание и потеря политической силы.

²⁰ Full List of Published Dialogues. Daisaku Ikeda official website. <https://www.daisakuikeda.org/sub/resources/records/dialog.html> (дата обращения: 05.08.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Державнин И. К. Сока-Гаккай – Комэйто: (Религиозно-политическое движение в послевоенной Японии). Москва: Наука. 1972.
- Игнатович А. Н., Светлов Г. Е. Лотос и политика: необуддийские движения в общественной жизни Японии. Москва: Мысль. 1989.
- Игнатович А. Н. Школа Нитирэн. Москва: Стилсервис. 2002.
- Смертин Ю. С. Японский необуддизм: политическая практика и глобальный проект // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 8-1. С. 190–194.

REFERENCES

- Derzhavnin, I.K. (1972). *Soka-Gakkai – Komeito: (Religiozno-politicheskoe dvizhenie v poslevoennoi Yaponii)* [Soka Gakkai – Komeito (A Religious-Political Movement in Post-War Japan)]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Ignatovich, A.N., Svetlov, G.E. (1989). *Lotos i politika: neobuddiiskie dvizheniya v obshchestvennoi zhizni Yaponii* [Lotus and Politics: Neo-Buddhist Movements in Japan's Public Life]. Moscow: Mysl. (In Russian).
- Ignatovich, A.N. (2002). *Shkola Nitiren* [Nichiren School]. Moscow: Stilservis. (In Russian).
- Smertin, Yu.S. (2012). Yaponskii neobuddizm: politicheskaya praktika i global'nyi proekt [Japanese Neo-Buddhism: Political Practice and the Global Project]. *Istoriicheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 8-1, 190–194. (In Russian).

* * *

- Fisker-Nielsen, A.N. (2012). *Religion and Politics in Contemporary Japan: Soka Gakkai Youth and Komeito*. Abingdon: Routledge.
- McLaughlin, L. (2019). *Soka Gakkai's Human Revolution: The Rise of a Mimetic Nation in Modern Japan*. Honolulu: University of Hawai'i Press.

Поступила в редакцию: 19.08.2024

Received: 19 August 2024

Принята к публикации: 20.10.2024

Accepted: 20 October 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-119-131

Christian influence on the culture of the blind in Japan

A.D. Bertova

Abstract. The blind in Japan have created their specific culture. As early as in the 14th century, they organized their own guild (*Tōdōza*) and succeeded in monopolizing a number of traditional entertainment and medical practices, having acquired a rather stable financial position. However, after the end of the Tokugawa shogunate and during the first reforms of the Meiji period, the guild was abolished together with its monopoly, and the blind found themselves in difficult circumstances, having to compete with the sighted, without practical support from the new government. In the early Meiji period, these were mostly Christian missions and private philanthropists who undertook measures to promote education of the blind and fought for their rights and welfare. Christian organizations founded first schools for the blind, such as the Tokyo School for the Blind and Dumb, which made many blind people wishing to acquire education interested in Christianity. The blind often became Christian converts and plunged into educational and philanthropical activities themselves. Major achievements in modernizing the life of the blind in Japan were made due to the work of blind Christians. Blind Christians launched the first Japanese newspaper and one of the first magazines for the blind, were the first among persons with visual impairments in Japan to get higher education, founded the first braille library and one of the first charity funds for the blind. Christianity not only contributed to the rise in living and educational standards of the blind, but also gave them possibilities to discover new ways of self-realization in acquiring new professions as well as in the sphere of spiritual development. For its followers, Christianity eradicated the concept of karma-bound blindness spread in traditional Japan and empowered them with the idea of their special mission in society entrusted to them by God.

Keywords: culture of the blind, Christianity, Japan, education, charity, welfare, people with impairments.

Author: *Bertova Anna D.*, Candidate of Sciences (Philosophy), senior lecturer, Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries, Saint Petersburg State University (address: 7-9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2375-5022; E-mail: aihong@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Bertova, A.D. (2024). Christian influence on the culture of the blind in Japan. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 4, 119–131. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-119-131

Влияние христианства на культуру слепых в Японии

А.Д. Бертова

Аннотация. Слепые в Японии с довольно раннего времени смогли создать свою специфическую культуру. Уже в XIV веке они образовали собственную гильдию (*Тōдōдза*), монополизировав целый ряд традиционных оздоровительных и развлекательных практик – массаж, акупунктуру, прижигания, игру на традиционных музыкальных инструментах. Это дало членам гильдии возможность довольно стабильного заработка. Однако в результате ликвидации сёгуната Токугава и начала преобразований Мэйдзи гильдия оказалась распущена, а слепые попали в тяжелое положение, так как больше не получали от нее поддержки и в условиях ликвидации монополии на свои традиционные занятия были вынуждены конкурировать со зрячими. В ранний период преобразований правительства Мэйдзи заботу о слепых и их образовании взяли на себя частные благотворители и христианские организации. Именно через посредство последних были организованы первые специализированные школы, например, Токийская школа для слепых и немых. Многие незрячие, желавшие получить образование, со временем принимали христианство, после чего сами активно включались в благотворительную и образовательную работу. Целый ряд ключевых достижений в жизни данной категории людей в современной Японии оказался реализован именно благодаря деятельности слепых христиан. Именно они способствовали, в частности, изданию первой газеты и одного из первых журналов для слепых, были в числе первых среди инвалидов по зрению, кто получил высшее образование, создали первую библиотеку и первый благотворительный фонд для слепых. Христианство не только способствовало повышению уровня жизни и образования незрячих в Японии, но и дало им возможность открыть для себя новые возможности как в области выбора жизненного пути, так и в сфере духовного развития. Для своих последователей христианство стало средством устранения представления о кармическом генезисе слепоты, распространенного в традиционной Японии, а также давало им уверенность в том, что им предопределена особая миссия в японском обществе, возложенная на них Богом.

Ключевые слова: культура слепых, христианство, Япония, образование, благотворительность, благосостояние, люди с ограниченными возможностями.

Автор: Бертова Анна Дмитриевна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки, Санкт-Петербургский государственный университет (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9). ORCID: 0000-0002-2375-5022; E-mail: aihong@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Bertova A.D. Christian influence on the culture of the blind in Japan // Японские исследования. 2024. № 4. С. 119–131. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-119-131

Introduction

Christianity is definitely a minority religion in Japan and can hardly be called successful in terms of figures – the number of its adherent floats around about 1% of the whole population of the country. However, the impact Christianity has exercised upon Japanese society goes far beyond these statistical data. In the latter half of the 19th century, Christian missions and members of the Japanese Christian community were among the most active leaders in the fields of modern education, medicine, human rights, welfare, and new type of family building [Bertova 2023, p. 4–6].

Among the fields of work Christian missions were vigorously engaged in were welfare and education of the disabled. In the period when the government of Meiji Japan aimed for rapid progress and modernization, the care for those who fell out of the concept of a civilized and healthy nation ready to compete with the West was a far-from-high-priority question. On the contrary, Christian missionaries and Japanese Christian converts thought it their duty to help the disabled and launched numerous benefactory and educational enterprises for the impaired.

The blind also experienced strong influence from Christianity, and many visually impaired in Japan became Christian converts. They took a surprisingly proactive position in the improvement of living standards of their fellow countrymen with visual impairments and soon overtook many educational and welfare initiatives from foreign missionaries, as well as organized their own cultural community having close ties with blind communities in other countries. Among the enterprises of blind Christians in Japan were the foundation of the Japanese Blind Association (*Nippon mōjinkai*), the first newspaper for the blind (*Akebono*) and the first newspaper in Japanese braille of a country-wide level – *Tenji Mainichi*, one of the first journals for the blind (*Shinkō*), the Japan Lighthouse (*Nippon Raitohausu*), a welfare organization for the blind, the first Japanese braille library (*Nippon Tenji toshokan*), Japan Christian Evangelical Council for the Blind (*Nihon mōjin kirisutokyō dendō kyōgikai*, or *Mōden*), and many others.

In this study, we will try to examine specific features of the blind community in Japan, analyze reasons for its close connection with Christianity after the Meiji Restoration, and throw a glance at the biographies of the most famous Japanese blind Christians.

A brief outline of the history of the blind in Japan

In medieval Japanese society blindness was often considered to be influence of the person's bad karma, or bad karma of his or her parents, which, in a sense, made the blind themselves responsible for their disability [Groemer 2001, p. 350]. The most efficient way of elimination of this bad karma were constant prayers to Buddha and taking monastic vows. However, even having become Buddhist monks, the blind seemed to have difficulties in acquiring stable positions in Buddhist hierarchy, which made them yearn for additional income. This was one of the reasons for the blind to stick together and help each other survive and strengthen their position in society.

During the Kamakura period (1192–1333), one of the most common occupations of the blind in Japan was performing the Tale of Heike (*Heike Monogatari*). Blind performers accompanied themselves on the *biwa*, a Japanese lute, and came to be known as *biwa hōshi*, itinerant *biwa* players dressed as Buddhist monks.

In the 14th century, the guild of the blind (*Tōdōza*) was formed in Kyoto, at first, as a place to train blind musicians to perform *The Tale of Heike*. The leaders of the *Tōdōza* claimed their lineage ascended to ancient aristocrats (for example, to the blind Prince Amayo, the son of the 9th century emperor Kōkō) and powerful samurai families, which helped them gain support of some aristocratic clans such as the Koga family [Ibid., p. 353], a branch of the Minamoto clan. As time passed, the *Tōdōza* spread its activities to a much wider range of fields, including various musical instruments and performing styles, medical practices, such as massage, acupuncture, moxa cautery, and even succeeded in essentially monopolizing them [Ibid., p. 350]. The blind were also enrolled in traditional theater as musicians and reciters.

There was also a number of the blind who were not members of the *Tōdōza*. The membership was quite expensive¹; at the same time, women were not allowed to enter the *Tōdōza* [Tan 2022, p. 10], which made them establish their own guild, the *Gozeza*.²

In Tokugawa Japan, the *Tōdōza* managed to gain support from the government, and the original idea that derived person's blindness from their deeds in previous lives seemed to have lost its power [Ibid., p. 8].

On the contrary, the blind were permitted to practice moneylending business, which was previously the exclusive priority of merchants. The structure of the guild became more stratified. Thus, high-ranked members of the *Tōdōza* who gained considerable amounts of money were treated with much respect, compared to that of official doctors or Confucian scholars and sometimes were allowed to wear swords, while low-ranked members of the *Tōdōza* were handled in a much more disdainful way [Groemer 2001, p. 357].

At first, the government supported the *Tōdōza* as moneylenders, but soon the amount of loans given by the blind became so high that the *bakufu* was alarmed. After a number of cases when samurai loaners were not able to pay their loans back and lost their face,³ the government started to oppress the blind. The blindness was often referred to as the consequence of a person's immoral behavior and greed [Ibid., p. 358]. Despite its wealth, the reputation of the *Tōdōza* and the blind on the whole was tarnished.

The blind seemed to be engaged in various spheres of the urban culture life, especially in the life of pleasure quarters where they worked as *anma* masseurs or music performers.⁴ Still, their position was ambiguous: though at times welcomed by the government, the blind were often treated as outcasts by commoners; though the very few were respected, many were derided, exploited, and even abhorred.

Here, the two major traits of the life of the blind up to the 19th century can be distinguished. The first is the tendency of forming distinctive groups in the blind society, which was vitally important because it let people with impairments survive together, as the society regarded them as sinful and culpable for their own disabilities. The second is the blinds' proactive attitude to life which made them rely upon themselves in their search for the improvement of their position, not upon fate, chance, or external benefactors.

Blindness and Christianity in Japan

During the Tokugawa period, the blind were to a great extent dependent on their group and guild ties. However, after the forced "opening" of Japan by Western powers in 1854 and the Meiji

¹ Since a number of practices was monopolized by the *Tōdōza*, including musical performance and massage, the blind not enrolled in it had to limit themselves to various syncretic religious practices such as exorcism and reciting *Jishinkyō*, a sutra for pacification of the land deities. Such blind were called *mōsō* – «blind priests». In Tokugawa Japan, they tended to seek support from Buddhist sects or associated themselves with *onmyōji* diviners and *yamabushi* mountain ascetics. Besides, there were the blind who had to spend their lives in seclusion at their homes, totally dependent on their relatives.

² However, licenses in teaching *biwa*, *shamisen*, and *koto* music up to 1871, the date of the official abolishment of the *Tōdōza*, were given only to male blind performers [Frietsch 1992, p. 63].

³ The samurai were considered to be the upper and the most respected social stratum, so the samurai sometimes took the liberty of not returning their loans to the merchants, the fourth and the lowest social stratum in Tokugawa Japan. However, if they took a loan from the *Tōdōza*, they had no other way than to return it, because in the other case the blind could be extremely tenacious in their attempts to get the money back. They followed their debtors all day round, shouting out obscenities, using the whole network of the blind of different regions to not let them escape [Taniai 1996, p. 83].

⁴ Blind women were also active as performers and masseuses, but their position was even more vulnerable than that of the male blind. They were also exploited as prostitutes and beggars, as well as *itako* spirit mediums, mostly in the northern regions of the country.

Restoration in 1868, the Tokugawa samurai regime was replaced by the new government headed by the Emperor, and Japan launched its multilateral program of modernization, trying to catch up with the West. All relicts of the Tokugawa period were to be eliminated to construct a new modernized structure of society, so, in 1871, the *Tōdōza* was abolished, as were other guilds and professional groups of the blind.

As a result, the visually disabled were left without a considerable part of their income and social support.⁵ The new government undertook numerous reforms in various fields and on different levels to preserve the independent status of the country. One of the goals of these reforms, together with overall modernization, was to construct the “new Japanese” able to compete with Western people. Thus, the Meiji government did not regard care for the disabled as a priority [Mishima 2004, p. 148], so the blind were left unprotected.⁶

In 1872, a new law concerning overall primary education for all Japanese children was adopted. Although the disabled were also subject to it, there were no special schools for them [Takahashi, Satō 2016, p. 1]. The welfare and education of the disabled, including the blind, fell into the jurisdiction of two ministries – the Ministry of Education and the Ministry of Home Affairs, each of which tended to regard measures concerning the blind and their education a prerogative of the other.

According to the survey concerning the living conditions of the blind in Tokyo Prefecture conducted by the local government in 1874, more than a half of the blind residing in Tokyo were jobless. The government also prohibited such practices as healing ceremonies and performing prayers for money, equating them to begging [Mochizuki 2013, p. 31], which left the former blind priests *mōsō* on the brink of starvation.

Despite the fact that there were progressive individuals close to the government, such as Yamao Yōzō (1837–1917), who insisted that the disabled needed to have a workable education and employment system suited for them to get new viable professions, the state hesitated, and the matter of education of the blind transferred mainly to private benefactors and Christian missions [Hirose 2003].

The early Meiji history of education for the blind can be divided into three periods: the first, from the 1870s to the 1890s, was mostly characterized by the activities of Christian missionaries and sighted benefactors – physicians and educators⁷; the second, from the 1890s to 1905, saw the emergence of schools founded by people with visual impairments, who began participating in the enlightenment of the blind; in the third, from 1905, the end of the Russo-Japanese War, the blind took one of the leading parts in their own education, turning to self-advocacy and accentuating their rights; at the same time, officials gradually came to the understanding that, in a civilized country Japan positioned itself to be, the government was expected to take a more considerable part in the welfare of the disabled [Adachi 2020, p. 10–11]. In all the three periods, Christianity was one of the main strings to support and inspire the blind and their benefactors.

In 1876, a group of individuals centered around Japanese Christians and Western missionaries established a charity institution named *Rakuzenkai*. One of its founders was Tsuda Sen (1837–1908),

⁵ During the Tokugawa period, a part of the money gained by the high-ranked members of the *Tōdōza* was reserved for support and education of the low-ranked members, so that the latter could acquire important skills for the profession of a masseur or an acupuncturist, as well as a musician.

⁶ Mochizuki Chikako in her dissertation argues that, previously, high-ranked members of the *Tōdōza* comprised only 16.7% of the entire blind population of Japan in the early Meiji period. These people were still able to support themselves for some time working as masseurs, acupuncturists, and music and theater performers. However, the rest 83.3% of the blind belonged to the lower ranks of the *Tōdōza*, and, after the abolishment of the guild, they were deeply impoverished, because the guild was no longer able to provide for their education and employment [Mochizuki 2013, p. 29].

⁷ On the missionary side, one of the key roles in the development of care and education of the blind belonged to the so-called medical missionaries who began their work in Japan at the end of the Edo period (since 1859), as well as their direct and indirect Japanese disciples. On medical missionaries in Japan, see [Yamada 2018].

a prominent Christian philanthropist, educator, and scientist.⁸ The members of the *Rakuzenkai* thought it necessary to organize a proper system of education for people with impairments, including the blind, and provide them with materials to study. Their first enterprise was the ordering from the American Bible Society of a book with excerpts from the Bible written in tactile letters suited for the blind.⁹ There was still no analogue of braille letters in Japan, so the members of the *Rakuzenkai* decided to teach the blind to read and write using romanized Japanese letters.

One of the key issues discussed by the members of the *Rakuzenkai* was the establishment of a school for the blind and deaf in Tokyo. With the support of Yamao Yōzō (1837–1917), a famous educator and a member of Meiji government, the school was founded in 1880 (it became the second school for the disabled in Japan after the one in Kyoto, founded in 1878 by educator and philanthropist Furukawa Tashirō (1845–1907)). Later it became known as *Tōkyō Mōa Gakkō* – Tokyo School for the Blind and Dumb [Takahashi, Satō 2016, p. 3]. By the end of 1882, its curriculum included both basic subjects such as reading, writing, mathematics, and a more expanded list of disciplines, such as geometry, geography, Japanese history, the ancient national culture, music, acupuncture, and massage [Mochizuki 2013, p. 37]. These subjects allowed students with impairments to acquire knowledge close to the one students without impairments could receive, and, at the same time, to obtain skills necessary for future employment. The *Rakuzenkai* sponsored both school in Tokyo and Kyoto, though in 1885 it was asked to hand over the management of the Tokyo School for the Blind and Deaf to the Ministry of Education.

In 1880, a Methodist missionary Charlotte Draper together with her husband founded the Yokohama Christian School for the Blind¹⁰ and, in 1889, established the Yokohama Evangelist Association for the Blind; in 1894, in Gifu, the Gifu Anglican School for the Blind was established. Its first director, an Anglican Christian Mori Kenji (1855–1914), suffered from progressive eye illness and became blind. However, this fact made Mori Kenji take even more active part in the education of the blind. These institutions became a part of a chain of analogous schools, the aim of which was not only to give education to the blind, but also to make them rightful members of society and foster their employment. To a large extent, these educational establishments were designed according to Western standards.

In 1890, an educator of the Tokyo School for the Blind and Dumb, Ishikawa Kuraji (1859–1944), invented a six-dot Japanese braille system [Mishima 2004, p. 328]. It was a breakthrough for the blind who had already understood the importance of education in modern Japan and needed to get information through reading and transmit it through writing. The invention of Japanese braille widened the access to education for the blind.

However, materials published in Japanese braille were far from enough. It made blind intellectuals yearn for knowledge and learn English. Understanding of English empowered the blind with the possibility to read Western braille books, magazines, and newspapers to be in the know of the life inside and outside Japan. English braille books were mainly accessible through

⁸ For more on Tsuda Sen, see, e.g., [Бертова 2022, с. 103–107]. Other Japanese members were Christian educators and philanthropists Furukawa Masao (1837–1877), Nakamura Masanao (1832–1891), and Kishida Ginkō (1833–1905).

⁹ The excerpt was the Gospel of John, Chapter 9 [Mochizuki 2013, p. 36]. Later, for many blind people in Japan, Chapter 9 became a turning point for their spiritual revival, self-assertion, and one of the reasons to turn to Christianity. See [Teshirogi 2005, p. 263–264].

¹⁰ The Yokohama Christian School for the Blind was a quite popular private educational institution that succeeded in keeping its private character when many similar institutions were taken by the government. It was active in international exchange, and, in the 1930s, managed to develop close ties with the Perkins School for the Blind, the most famous school of this type in the USA, the alma mater of Ann Sullivan and Helen Keller. Due to exchange programs between the schools, Japanese blind female students could train at the Perkins School and develop their own courses for the Japanese blind with the usage of modern educational methods for the visually impaired [Mochizuki 2013, p. 56–57].

Christian missions, which also attracted the Japanese blind to churches and Christian educational establishments for the blind.

In 1890, the Ministry of Education determined the rules for schools for the blind and deaf, but schools for the blind were separated from those for the dumb and deaf not earlier than in 1909. However, the education for the blind finally gained legal support only in 1923, with the enactment of the law on the schools for the blind and deaf. According to this law, every prefecture was obliged to have at least one school for the blind and for the deaf. By 1924, there were 72 schools for the blind, including one national, 21 local public schools, and 50 private schools [Monbu kagakushō]. Most of the private schools were run by Christian missions, Japanese Christians, or associated with Christian welfare organizations.¹¹

The pioneer of self-advocacy of the blind was a prominent educator, businessman, and social worker Yoshimoto Tadasu (1878–1973). Yoshimoto suffered from eye illness from his childhood and almost lost his vision when he was a schoolboy. He managed to finish the Tokyo High Commercial School (*Tokyo kōtō sangyō gakkō*) and was eager to continue his studies to receive higher education. However, as he was partially blind, it was almost impossible for him to receive higher education in Japan.

Under the influence of a famous Christian leader Uchimura Kanzō (1861–1930), the founder of the first Japanese indigenous Christian movement *Mukyōkai*, Yoshimoto converted to Christianity. With the help of Christian missions, he went to Britain and entered Oxford university. Thus, he became the first person with grave visual impairments in Japan to receive higher education [Mishima 2004, p. 328]. In Britain, Yoshimoto was profoundly impressed by British social system that supported the blind. Eventually he took his residence in Britain, but visited Japan nine times [Morita 2010, p. 6]. Every time he returned, Yoshimoto tried to support the blind in his country, give them an impetus for further development, showing by his own example that a visually impaired person could not just receive higher education, but was also not limited to the traditional Japanese blind professions. Yoshimoto also became a successful author, as his book *True Britain (Shin Eikoku)* gained popularity in various circles. He was a proponent of Anglo-Japanese friendship and British educational and welfare system. Being a Christian, Yoshimoto closely associated scientific and social progress, especially in the field of the care for the disabled, with Christian spirit, and was eager to spread Christianity among the Japanese blind. Getting money from the trading company he had founded, Yoshimoto launched a number of evangelist and educational projects for the blind, the most famous of which is the Japanese Association of the Blind mentioned below. Yoshimoto, who is often called “the father of the blind” (*mōjin no chichi*) in Japan, marked with his efforts the turning point in self-advocacy of the blind, when the transformation of the visually impaired from passive recipients to active doers began.

The second stage of the activation of the blind in educational and welfare spheres was closely connected with the end of the Russo-Japanese War in 1905. During the war, many soldiers and officers had lost their vision, and the government became more interested in supporting them and various private activities concerning the blind. At the same time, the blind, having received an impetus from foreign and Japanese benefactors, entered the scene of struggle for their own rights, education, and employment.

In 1905, Sakonjō Kōnoshin (1870–1909), a former soldier who had lost his sight after the First Sino-Japanese War (1894–1895), founded a private school for the blind in Kobe (*Kobe kunmōin*) [Murota 2021, p. 135–136]. Inspired by Christianity he adopted while trying to adjust to his loss of sight, Sakonjō took active part in various activities concerning the blind. He invented and introduced the first Japanese braille type-printing machine with the help of the believers of Tamon Christian

¹¹ However, by 1939, the proportion of public and private schools changed – on the whole, there were 78 schools for the blind, with 1 national, 51 local public, and 26 private [Monbu kagakushō]. These figures imply that the government turned a number of successful private schools into public ones, thus diminishing direct foreign (and Christian) influence.

Church in Kobe. Sakonjō is famous for establishing the first Japanese braille newspaper “The Dawn” (*Akebono*)¹² in 1906 and for printing the first Japanese version of the Four Gospels (*Shifukuinsho*) in Japanese braille.

In 1906, Sakonjō Kōnoshin together with Yoshimoto Tadasu and Okumura Sansaku (1864–1912), another blind educator, founded the Japanese Association of the Blind (*Nippon mōjinkai*), an organization, the aim of which was to promote welfare, education of the blind, support them in their search for employment and provide them with Japanese braille books and materials. Board members of the Association were either Christians or had close ties with Christianity [Morita 2010, p. 9].

One more aim of the Association was to propagate Christianity among the blind. Indeed, for many blind, Christian faith was not only the way to become familiar with the progressive Western culture and get access to Western ideas and technologies, as it was for many Japanese Christians without impairments. For the blind, in most cases, Christianity opened a new world and proposed a new way of self-consciousness. One of the most vivid examples of the overturning impact of Christianity on the life of the blind is the life story of Kumagai Tetsutarō (1883–1979), the first Japanese blind pastor and educator. Kumagai was born in a village in Hokkaido and lost his sight when he was a child because of smallpox. The only way to make his living was to study massage, acupuncture, and medicine, which traditionally were the most accessible work spheres for the blind. However, Kumagai wanted to continue his education. For a while, he worked as a masseur at the pleasure quarters to get enough money and move to Sapporo, where a new school for the blind had been built. However, when he arrived, the school was still inactive, and he was advised to go to a Christian church [Murota 2021, p. 125–126]. There, he found a new world, absolutely different from his previous life in the pleasure quarters [Kumagai 1932, p. 100–103]. He began his studies of the Bible and English.

The most overwhelming experience for him was the ninth chapter of the Gospel of John, narrating about Jesus healing a blind person [Ibid., p. 118–119]. In this chapter, the disciples, seeing a blind person on the road, asked Jesus if the blindness was the result of the blind’s or his parents’ sins, and Jesus answered that it was not the result of sins, but happened so that the works of God might be displayed on the blind. After having been healed, the blind believed in Jesus as Son of God, appearing to be much more “sighted,” seeing the true Light, than the Pharisees. For Kumagai, it was a revelation that blindness might not be a result of karma and not his or his family’s fault, but God’s bliss, allowing the blind to be more responsive to God’s will than the sighted.

Kumagai converted to Christianity and, with the support of his church, went to Tokyo to study at the Tokyo School for the Blind and Dumb [Murota 2021, p. 129–130]. After his studies, he proceeded to higher education at Kwansai Gakuin University, where he was the only blind student [Murota 2021, p. 137]. He acquired a good knowledge of English and also worked as an interpreter. After graduation, Kumagai became a pastor and continued transmitting his experience to other Japanese blind as well as to the sighted.

Having become a pastor, he “opened” a new profession for the blind, and further he considered it his task to open more professions that previously had been accessible only to the sighted. Christianity released the blind from the burden of karma, so they could freely participate in social life and choose any occupation they were inclined to. Under Kumagai’s influence, many blind became Christian converts and even pastors.¹³

Prominent blind Christians appeared in such fields as journalism, penmanship, poetry, Western and traditional Japanese music, librarianship, science, language studies, business, welfare, and education.

¹² The *Akebono* was a newspaper centered not on the political or social news in Japan and in foreign countries, but rather on practices important for the blind – employment announcements, description of acupuncture and massage techniques, advertisements of welfare enterprises, etc.

¹³ One of the charismatic blind pastors of the period was Ishimatsu Ryōzō (1888–1974), the teacher of the most famous Japanese Christian theologian Kitamori Kazō (1916–1998).

Famous editor and educator Akimoto Umekichi (1892–1975) became blind as a child, entered Tokyo School for the Blind and Dumb, where he first read the Gospel of Mark and was so impressed that he converted to Christianity. He attended Bible classes headed by Uchimura Kanzo and formed a group of young blind Christians that, in 1915, launched a magazine for the blind, named *Shinkō* (“Light of Faith”, further it changed its name to “Faith”). It was so successful that it is still active today, and, after WWII, its publication was overtaken by the Japanese Christian Evangelist Council for the Blind (*Mōden*). In 1919, together with Nakamura Kyōtarō (1880–1964), Yoshimoto Tadasu, Hirakata Tatsuo (1889–1976), Torii Tokujirō (1894–1970), and other blind Christians, Akimoto established the Association of Christian Faith for the Blind (*Mōjin Kirisuto Shinkōkai*). One of its aims was to translate the Bible to braille to make it accessible to the blind. Thus, in 1924 Akimoto became the first to translate and publish the Old Testament in Japanese braille. Later, the Association continued its activities under the name *Tōkyō Hikari no Ie* (Tokyo House of Light).

Blind Christian activists who formed the Association were in the vanguard of educational thought in Japan and were eager to make the blind full-fledged members of society. For example, Nakamura Kyōtarō, a blind Christian journalist and educator, is famous for founding the first nationwide newspaper for the blind in Japanese braille – *Oosaka Tenji Mainichi* (“The Osaka Braille *Mainichi*”), which was established in 1922 and is still going under the name *Tenji Mainichi* (“The Braille *Mainichi*”). Today, “The Braille *Mainichi*” claims to be the only newspaper for the blind in Japan that independently gathers information and news for the visually impaired.¹⁴

Blind Christians were vigorously engaged in language studies. At first, it was the study of English: there was a considerable lack of Japanese braille books, and, to compensate for it, those who were eager to get education needed to use English braille books. It stimulated them to learn English. In addition, through English, they could communicate directly with missionaries, foreign lecturers, scientists, welfare workers not only in Japan, but also in the West. It gave them possibilities to study abroad, present their projects and make the Japanese blind community known in other countries.

Besides English, the language that exercised great influence upon blind Christians in Japan was Esperanto. The language that was designed to unify people of different nations, allow them to communicate with no borders and create an international community supporting all of its members, seemed to many blind Christians a medium of realization of God’s Kingdom on Earth.

One of the key persons in Esperanto studies, as well as in the development of welfare of the blind, was Iwahashi Takeo (1898–1954).¹⁵ Iwahashi became blind in his student years and was close to complete despair [Murota 2017, p. 119], but he became acquainted with a blind pastor Kumagai Tetsutarō [Murota 2021, p. 139–140], who invigorated Iwahashi and motivated him to study, to learn English, showing that blindness was not a sentence. Chapter 9 of the Gospel of John became a guiding thread for Iwahashi as well [Murota 2009, p. 29]. Having converted to Christianity, Iwahashi became interested in Esperanto and joined a group of Esperanto-speaking intelligentsia, to which Kumagai also belonged. Through Esperanto studies, he could deepen his ties with people of different countries.¹⁶ Iwahashi graduated from Kwansei Gakuin University and became a schoolteacher in Osaka. In 1927, he went to Scotland to study at Edinburgh University and was impressed by the welfare system for the blind there. He also was introduced to the Religious Society of Friends and became a Quaker [Murota 2017, p. 120].

¹⁴ Hamai Yoshifumi. The Braille Mainichi, Japan’s only newspaper for the blind, marks 100th anniversary. 2022. May 12. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20220512/p2a/00m/0na/011000c>

¹⁵ For more details on Iwahashi Takeo, see [Murota 2009].

¹⁶ For example, one of those who had close connections with Japan and exercised significant influence upon Japanese blind Christians was Vasili Eroshenko (1890–1952), a blind educator, writer, esperantist, and linguist. Eroshenko visited Japan twice, each time for about two years, and was much respected by blind Japanese Christians studying Esperanto.

After his return to Japan, he worked as a lecturer at Kwansei Gakuin University and continued his Esperanto studies. In 1928, together with a blind Christian Torii Tokujirō he founded the Japan Esperanto Association for the Blind (*Nippon mōjin esuperanto kyōkai*).

Iwahashi took an active position in various movements propagating Christianity and aiming at the improvement of life conditions of the poor and disabled. From 1930, Iwahashi participated in the God's Kingdom movement (*Kami no kuni undō*) headed by one of the most charismatic Christian leaders of the time, Kagawa Toyohiko (1888–1960).¹⁷ Iwahashi developed close connection with Kagawa and gained his support in his undertakings concerning the blind.

Iwahashi's desire to improve conditions of the blind and enrich their intellectual life was such that he dared to directly contact Helen Keller (1880–1968), the first deafblind person in the USA who received higher education and became famous all over the world. Iwahashi visited Keller at her house and established connection with her. Inspired by the visit, Iwahashi returned to Japan and, in 1935, founded a welfare organization named Japan Lighthouse (*Nippon raitohausu*) [Mishima 2004, p. 329]. Its goal was to accumulate information necessary for the blind to lead a proper life and help them in their efforts. Together with braille publishing activities, it conducted courses teaching the blind important skills to get employment, campaigns explaining to the sighted what blindness was, to make Japanese society more inclusive towards the blind. In 1937, Iwahashi invited Helen Keller to Japan for the first time,¹⁸ and her arrival became an important landmark in the struggle of the blind for their rights and in their recognition in Japan and abroad.

Driven by the idea of creating a territory where all Asian blind could unite and defend their rights and dignity, Iwahashi supported Japan's military expansion to the continent. However, the end of WWII showed the delusiveness of his hopes.

After the war, the blind in Japan were in a poor condition. Many of them died from bombings and starvation, and there was no support from the government. On the other hand, many Japanese soldiers became blind because of war injuries, and they had to adjust to their new life. This made Iwahashi contact Helen Keller, describe the situation with the blind and ask for support. Keller managed to raise the funds and arrived to Japan for the second time in 1948. After her visit, Iwahashi and his blind friends founded the Japan Federation of the Blind (*Nihon mōjinkai rengō*). The federation is still one of the most powerful means to support the blind in Japan, to provide them with necessary materials for studies, employment, and self-realization.

Iwahashi and his followers did much to publish more books in Japanese braille. One of his students, a blind Christian Honma Kazuo (1915–2003), is famous as a founder of the first Japanese braille library for the blind. In 1940, he established the Japan Library for the Blind (*Nippon mōjin toshokan*) [Mishima 2004, p. 330] in a private house on the outskirts of Tokyo. When bombings of Tokyo began, Honma moved first to Ibaraki, then to Hokkaido with his braille books, and the library was saved. In 1948, the library was rebuilt in Tokyo and restarted its work under the name of Japan Braille Library (*Nippon tenji toshokan*). At present, this library is the oldest and the largest braille library in Japan.

After the war, the period of American occupation began, and it invigorated ties between Japanese Christians and foreign missionaries, most of whom had left Japan during the war. In 1948, Helen Keller visited Japan again, and, for the blind, her arrival was equal to a beam of hope. She brought financial support to Japanese blind using the money she had raised with the help of the interdenominational John Milton Society for the Blind. The Society was established in 1928 to provide spiritual guidance for the blind and spread Christian literature among them. It gave a vivid response to the sufferings of the blind in Japan and contributed the sum that was enough to establish in 1951 the Japan Christian Evangelical Council for the Blind (*Nihon mōjin kirisutokyō dendō kyōgikai*,

¹⁷ For more on Kagawa, see [Mullins 2007], [Бертова 2020].

¹⁸ Helen Keller visited Japan three times – in 1937, 1948, and in 1955.

or *Mōden*). The establishment of the Council was the result of joint efforts of blind Christians and the United Church of Christ, the largest interdenominational Protestant organization in Japan. Its board consists both of the blind and the sighted, and the aim of the Council is to create a ground where both the visually impaired and the seeing Christians are able to communicate; it also spreads Christian braille literature, records and tapes among the blind in Japan [Nihon mōjin kirisutokyō dendō kyōgikai]. The credo of the Council is the ninth chapter of the Gospel of John.

On the basis of the Council, various events take place, one of them being the conference of blind pastors. Most pastors belong to the United Church of Christ, and there are accounts of family pastorship among blind pastors, when people of the third generation become pastors, with their grandfather and father being blind pastors [Tamada 2017]. It is interesting to note that the Council continues to supervise most of the initiatives of prewar blind Christian organizations, such as, for example, the magazine *Shinkō* (“Faith”), one of the most long-running magazines in Japan, so the blind Christian community in Japan can also be characterized by its continuity and congruity, despite all problems it has had to face.

Conclusion

The blind in Japan have developed their specific culture. Its characteristic features are the tendency to cooperate with each other and unite efforts struggling for their rights, as well as their proactive stance and understanding that none other than themselves can be responsive for their wellbeing. These features stayed with the blind even after the elimination of traditional organizations providing their employment.

Having received a short shocking experience after the liquidation of the *Tōdōza* in the Meiji period, the blind could regain their activeness through Christianity: in fact, many blind became Christians while adjusting to their blindness. Christian thought had an uplifting effect upon the blind and helped strengthen their self-consciousness through breaking previous considerations of the karmic character of blindness and regain their vigor. Christianity was also popular because of its connection with Western countries, famous for their progressive attitude towards the blind and their advanced medical system. Through Christian missions and associated educational establishments, the blind in Japan got access to communication with foreign educators, acquired possibilities to study and live abroad, presented their organizations to the world.

Many enterprises of the first Japanese blind Christians still run nowadays, and their initiatives became predecessors of contemporary governmental projects concerning people with visual impairments.

Modern means of education of the blind and welfare system in contemporary Japan allow to provide a high rate of inclusiveness of the blind into society. However, these results could hardly have been achieved without blind Christians’ desire to learn, struggle for the rights of the disabled, and without their faith in being not karmically destined sinners, but people beloved by God and intended to most brightly manifest God’s will on Earth by being able to see the real internal light and the essence of things.

Библиографический список

- Бертова А. Д. Жизнь и религиозно-философские взгляды Кагава Тоёхико (1888–1960). *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока*. 2020. Т. 14. № 2. С. 143–162.
- Бертова А. Д. Семейство Цуда и развитие образования в Японии в период Мэйдзи (1868–1912). *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока*. 2022. Т. 16. № 1. С. 101–117.

References

- Bertova, A. (2020). Zhizn' i religiozno-filosofskie vzglyady Kagawa Toyohiko [Life and Thought of Kagawa Toyohiko (1888–1960)]. *Asiatica: Trudy po filosofii i kul'turam Vostoka*, 14 (2), 143–162. (In Russian).
- Bertova, A. (2022). Semeistvo Tsuda i razvitie obrazovaniya v Yaponii v period Meidzi (1868–1912) [The Tsuda Family and the Spread of Education in Meiji Japan (1868–1912)]. *Asiatica: Trudy po filosofii i kul'turam Vostoka*, 16 (1), 101–117. (In Russian).
- * * *
- Adachi Y. (2020). Kindai shoki mō (rō) kyōiku ni okeru shiritsu mō (a) gakkō setsuritsu katei no tokushitsu [Characteristics of the Process of Establishment of Private Schools for the Blind (and Dumb) in Early Modern Education of the Blind (and Deaf)]. *Sundai Historical Review*, 170, 1–22. (In Japanese).
- Bertova, A. (2023). Problems of Christian Education in Contemporary Japan. *Asiatica: Trudy po filosofii i kul'turam Vostoka*, 17 (2), 3–13.
- Frietsch, I. (1992). Blind Female Musicians on the Road. *Chime Journal*, 5, 58–64.
- Groemer, G. (2001). The Guild of the Blind in Tokugawa Japan. *Monumenta Nipponica*, 56 (3), 349–380. DOI: <https://doi.org/10.2307/3096791>
- Hirose, K. (2003). Reconsidering Japanese Religious History: The Aum Incident and the Blind Culture in Modern Japan. *The Journal of the International Institute*, 10 (3). Retrieved 16 August 2024, from <http://hdl.handle.net/2027/spo.4750978.0010.301>
- Kumagai, T. (1932). *Yami wo yabutte* [Breaking the Darkness]. Tokyo: Kirisutokyō shuppansha. (In Japanese).
- Mishima, S. (2004). *The History of Ophthalmology in Japan*. Oostende: J. P. Wayenborgh Press.
- Mochizuki Ch. (2013). *Working for Equality: Activism and Advocacy by Blind Intellectuals in Japan, 1912–1995* (Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. The Graduate Faculty of the University of Kansas). Retrieved August 16, 2020, from https://kuscholarworks.ku.edu/bitstream/handle/1808/19572/Mochizuki_ku_0099D_13067_DATA_1.pdf?sequence=1&isAllowed=y
- Monbu kagakushō [Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology. Japan]. The Development of Special education. Retrieved August 20, 2024, from https://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/others/detail/1317377.htm
- Morita, Sh. (2010). Yoshimoto Tadasu to «Nippon mōjinkai» no kokoromi [Yoshimoto Tadasu and the Experiment of the «Japanese Blind Association»]. *Shakai fukushigaku*, 51 (2), 5–16. (In Japanese). DOI: https://doi.org/10.24469/jssw.51.2_5
- Mullins, M. R. (2007). Christianity as a Transnational Social Movement: Kagawa Toyohiko and the Friends of Jesus. *Japanese Religions*, 32 (1–2), 69–87.
- Murota, Y. (2009). Iwahashi Takeo kenkyū oboegaki – sono ayumi to gyōseki wo chūshin ni [A Study of Iwahashi Takeo: His Life and His Works]. *Kansei gakuin daigaku jinken kenkyū*, 13, 27–45. (In Japanese).
- Murota, Y. (2017). Iwahashi Takeo to kirisutokyō [Iwahashi Takeo and Christianity]. *Human Welfare*, 9 (1), 119–129. (In Japanese).
- Murota, Y. (2021). Kumagai Tetsutarō no shōgai to shisō [Life and Philosophy of Kumagai Tetsutarō]. *Kansei gakuin shi kiyō*, 27, 121–156. (In Japanese).
- Nihon mōjin kirisutokyō dendō kyōgikai [The Japan Christian Evangelical Council for the Blind]. Retrieved August 20, 2024, from <https://moden.jp/about.php> (In Japanese).
- Takahashi, M., Satō, T. (2016). Shakai jigyo toshite no mōkyōiku no tenkai [The Development of Blind Education as Social Work]. *Naruto kyōikudaigaku gakkō kyōiku kenkyū kiyō*, 30, 1–8. (In Japanese). DOI: <http://doi.org/10.24727/00025357>

- Tamada, M. (2017, April). Continuing the Journey of my Father and Grandfather. *Kyodan News*, no. 392. Retrieved 18 August, 2024, from <https://uccj.org/knl/26493.html>
- Tan, W. Y. W. (2022). *Blind in Early Modern Japan: Disability, Medicine, and Identity*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Taniai, S. (1996). *Mōjin no rekishi* [A History of Blind People]. Tokyo: Akashi shoten. (In Japanese).
- Teshirogi, Shun'ichi. (2005). Meijiki mōjin kyōiku ni okeru senkyō, senkyōshi to ongaku [Mission, Missionary, and Music in Blind Education of Meiji Japan]. *Nihon kenkyū: Kokusai nihon bunka kenkyū sentā kiyō*, 30, 261–282. (In Japanese). DOI: <http://doi.org/10.15055/00000634>
- Yamada, M. (2018). Bakumatsu-Meiji shoki no senkyōi no katsudō [The Practice of Medical Missionaries From the Late Tokugawa Period to the Early Meiji Era]. *Shakai fukushigaku*, 58 (4), 1–13. (In Japanese). DOI: http://doi.org/10.24469/jssw.58.4_1

Поступила в редакцию: 20.08.2024

Received: 20 August 2024

Принята к публикации: 20.10.2024

Accepted: 20 October 2024

Научное издание

Японские исследования
№ 4, 2024

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Технический редактор:	М.Е. Заболотникова

Дата публикации: 30.12.2024

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
Институт Китая и современной Азии РАН
E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com

Scientific edition

Japanese Studies in Russia
No. 4, 2024

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Layout:	M.E. Zabolotnikova

Date of issue: 30 December 2024

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the
Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com

www.japanjournal.ru

日
本
研
究